

**ВАДИМ
БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ**

**САМО-
УПРАВЛЕНИЕ**

МЮНХЕН • 1985

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Я родился в 1928 году в Москве, в семье писателя и "старого большевика" В.Н. Билль-Белоцерковского. В 1952 г. окончил химический факультет Московского Университета. Работал преподавателем химии и физики в средней школе рабочей молодежи.

С 1957-58 гг. начал работать внештатным журналистом центральной прессы, более всего в области промышленности и науки. Опубликовал и ряд баллетристических произведений. В 1962-63 гг. в журнале "Москва" и в издательстве "Советский писатель" опубликовал повесть "В почтовом вагоне", в которой впервые описывался самоуправляющийся коллектив. Критика сочла повесть клеветнической (из-за показа тяжелых условий труда и жизни), и факт ее публикации стал предметом расследований в ЦК КПСС и в КГБ.

В 1968 году, после оккупации Чехословакии и усиления идеологической цензуры в СССР, меня увольняют из "Литератур-

ВАДИМ
БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

САМОУПРАВЛЕНИЕ

Предисловие Иржи Пеликана

К ЧИТАТЕЛЮ:

Помогая идеям самоуправления
дойти до России, Вы увеличиваете
шансы на выживание всего че-
ловечества.

МЮНХЕН

— 1985 —

В. Белоцерковский . Самоуправление
V. Belotserkovsky . Self-management
Introduction by Irji Pelikan
Munich 1985

Copyright © by Vadim Belotserkovsky
All rights by author

Proof-reading by Anita Belotserkovsky
Cover design by Boris Mukhametshin

**Книгу можно приобрести во всех
русских книжных магазинах, а также:**

A. Neimanis – Buchvertrieb
Bauer Str. 28
8000 München 40
West Germany

Printed in West Germany by:

F. Zeuner – Buch- und Offsetdruck
Peter–Müller–Str. 43
8000 München 50

О Г Л А В Л Е Н И

	Стр.
Предисловие Иржи Пеликана "Несколько заметок к книге В.Белоцерковского".	5
Предисловие автора.	9
Вступление.	11
Глава I. Сокровенная тайна тоталитарного социализма.	
Главное противоречие.	17
Накопление ради накопления.	21
Самодостаточность и полнота власти.	25
Самодостаточность и полнота власти.	25
Глава II. Контуры синтеза — социалистическое самоуправление.	
Идеальный строй.	33
"Трагедия" сознания и основополагающие потребности человека.	36
Самоуправление — свобода, власть и собственность.	41
Соответствие "надстройки" и "базиса".	47
<i>Агрессивная конкуренция и проблема расширенного воспроизводства.</i>	<i>49</i>
<i>Политическая структуры (проблема партий).</i>	<i>58</i>
Две диалектические триады.	70
Как я пришел к идеям самоуправления.	72
Глава III. Реальность самоуправления.	
Самоуправление в Польше.	79
Солженицын, НТС и "Солидарность".	87
На Западе. Федерация самоуправляющихся предприятий в Басконии.	93
Самоуправление в США.	96
Папа Римский и советские диссиденты.	108
Глава IV. Судьба самоуправления в России.	
Способны ли советские люди к самоуправлению?	115
Способна ли Россия освободиться от тоталитаризма?	120
Советская интеллигенция, самоуправление и рабочий вопрос.	124

Безнадежность "антикоммунизма".	128
"Пора обобщать и заключать..."	131
Приложение.	
Интервью с Ежи Милевским и Иоанной Пиларской: история борьбы "Солидарности" за самоуправление.	135
Проект закона о самоуправлении, разработанный "Солидарностью".	153
Интервью с Кари Розеном, директором Националь- ного исследовательского центра принадлежащих рабочим предприятий (Арлингтон, США)	159
<i>Библиография.</i>	167

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК К КНИГЕ ВАДИМА БЕЛОЦЕРКОВСКОГО

В пестром спектре направлений и взглядов советского инакомыслия Вадим Белоцерковский представляет собой исключительное явление: в центре его внимания стоят идеи самоуправления и "инженерно-рабочий класс" — еще один, по мнению Белоцерковского, новый класс, сложившийся в специфических условиях государственного капитализма.

Белоцерковский считает, что в СССР не может произойти никаких серьезных изменений без массового рабочего движения. Он указывает своим друзьям, либеральным диссидентам, что они совершают "трагическую ошибку", оставляя в стороне "рабочий вопрос" и идеи самоуправления. В адрес же консервативных кругов советской эмиграции (группы вокруг Солженицына, "Континента", НТС и др.) Белоцерковский выдвигает тяжелое обвинение в том, что они, как и советская печать, блокируют идеи и информацию о самоуправлении. В частности, в период "польского лета" замалчивали борьбу "Солидарности" за самоуправление. То, что Белоцерковский не имеет издателя среди русских издательств и вынужден издать эту книгу (как и все предыдущие, включая сборник "СССР — Демократические альтернативы") за свой счет, — достаточно красноречивый факт.

Коснусь нескольких важнейших на мой взгляд аспектов книги.

В своем анализе существующего в СССР строя и при обдумывании структуры общества самоуправля-

ющихся коллективов автор исходит из анализа "природы человека", как он ее понимает. Психология для Белоцерковского то же, что для марксистов производственные отношения. Не случайно первым эпиграфом он берет слова Юрия Орлова, основателя московской группы Хельсинки, идейно наиболее близкого автору среди русских диссидентов: "Самой крупной ошибкой марксистской теории общественного развития является то, что в теорию не вошли врожденные потребности и качества человека".

Из анализа этих потребностей автор приходит к выводу, что строй самоуправляющихся коллективов (при "групповой собственности" на средства производства) дает людям шанс преодолеть губительный антагонизм между собственническими и альтруистическими устремлениями, между потребностью в единении (с людьми) и в самоутверждении, между жадной свободой и властью.

В социальном плане самоуправление — это "проникновение демократии внутрь предприятий и учреждений", которые в демократических странах представляются автору (физхимику по образованию) авторитарными кристаллами, плавающими в демократическом растворе. Тоталитарное общество в этом образе — сплошная твердая структура.

В экономическом плане самоуправление, показывает автор, это синтез между капитализмом и его антитезисом — государственным, тоталитарным социализмом. Этот "синтез" впервые делает целью развития и производства благо человека, а не накопление капитала (частного или государственного).

При этом автор отнюдь не уверен, что рисуемое им "светлое будущее" обязательно наступит, что его идеи "победят, потому что они верны." Уверен он лишь в том, что самоуправление дает человечеству шанс избежать самоубийства в "переходном возрасте" и является альтернативой тоталитарному социализму. И то, что поляки в 81 году, вслед за чехами и словаками (в 68 г.) и венграми (в 56 г.), выступили за самоуправление, автор рассматривает как "окончательное доказательство" того, что самоупра-

вление, по крайней мере в странах реального социализма, отвечает "глубинным чаяниям большинства людей."

Ключевым моментом общества самоуправления автор видит проблему расширенного воспроизводства и развивает здесь концепцию, противостоящую взглядам, господствовавшим до сих пор среди сторонников и теоретиков самоуправления. От решения этой проблемы, считает автор, зависит, останется ли самоуправление самим собой и социалистическим по сути или выродится в анархический капитализм.

Оригинальную концепцию развивает автор и в другом важнейшем вопросе — партийно-политической структуры общества самоуправления. Концепция эта представляет собой как бы синтез двух основных существующих здесь направлений.

Будущее покажет, кто прав, но уже сейчас автор не без основания торжествует ввиду того, что поляки из "Солидарности" пошли в этих пунктах в том же направлении при разработке своих программ по самоуправлению. Книга содержит интереснейшие данные о идеях и борьбе поляков за самоуправление, также как и о предприятиях на Западе, принадлежащих рабочим и служащим. Много ценной информации дают здесь помещенные в приложение интервью с руководителем зарубежного представительства "Солидарности" Ежи Милевским и интервью с директором американского центра по исследованию принадлежащих рабочим предприятий Кари Розеном.

Удивление вызывает слабый интерес автора к самоуправлению в Югославии, где оно весьма последовательно осуществлялось. Негативные явления, которые имеют там место, проистекают из противоречий между децентрализованным производством и централизованным руководством одной партии.

В последней главе, рассматривая перспективы самоуправления в СССР, автор рисует тревожную картину затянувшейся пассивности советского общества и по-новому, чем он это делал раньше, анализирует причины этой пассивности. Он признает здесь свое поражение в давнем

споре с Лешекком Колаковским по поводу его тезиса, что "усиление (в СССР) полицейских методов не есть следствие усиленного сопротивления, а наоборот — следствие отсутствия сопротивления". Поляки и "Солидарность" подтвердили тезис Колаковского, показав, что это такое — сопротивление!

Вадим Белоцерковский пишет, что его книга предназначается главным образом для советского читателя, которому она откроет понятие "самоуправления", тщательно избегаемое официальной идеологией. Тем не менее, книга представляет исключительный интерес и для западного читателя, которого волнует будущее мира. Что же касается СССР, то хотя я и являюсь сторонником самоуправления, считаю, что изменения к лучшему, по крайней мере в обозримой перспективе, могут произойти там скорее всего в результате борьбы в ведущей группе партийной "номенклатуры" между сторонниками ограниченных экономических и технократических реформ и консервативным догматическим крылом партаппарата. Реформы должны придти сверху, чтобы мог возникнуть простор, в котором станут возможными поиски новых решений и сможет найти свое место идея самоуправления. Но, разумеется, в конечном счете все будет зависеть от того, выйдет ли на арену политической борьбы в России в качестве самостоятельной, "самоуправляющейся" силы "инженерно-рабочий класс", чтобы определить окончательное направление событий.

И книга Вадима Белоцерковского, его идеи способны дать тут мощный импульс.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Предлагаемая книга написана на основе другой моей книги — "Свобода, власть и собственность", изданной в 1977 году (ФРГ, изд-во "Ахберг").

За время, прошедшее с момента издания книги "Свобода, власть и собственность", многое изменилось в мире. Изменились и некоторые мои взгляды, особенно по вопросу о политической структуре общества самоуправления и роли партий в нем.

А главное, в это время случились польские события, "случилась" "Солидарность", которая с весны 1981 г. повела борьбу за самоуправление как за основу нового демократического строя.

Разработанные "Солидарностью" программы по самоуправлению подтвердили и мои представления о ряде важнейших принципов соответствующего строя (в области расширенного воспроизводства, политической и партийной структуры). И я могу и должен говорить теперь об этих принципах гораздо более уверенно и развернуто, чем раньше.

Важные события произошли за последнее время и на Западе, где начался рост сектора самоуправляющихся, принадлежащих трудовым коллективам, предприятий, больших и малых, промышленных и торговых.

Все это побудило меня серьезно переработать "Свободу, власть и собственность". Сложилась фактически новая книга, которая потребовала и нового названия.

Главные изменения состоят в следующем. Исключена целиком вторая глава, посвященная анализу советского общества. Я не отказался от изложенных там взглядов, но нашел их теперь уже не столь актуальными. После польских событий и появления (в конце 70-х годов)

ростков рабочего движения в СССР (забастовки, попытки создания независимых профсоюзов, индивидуальные выступления рабочих) как-то уже скучно доказывать, что ничего серьезного нельзя добиться без массового рабочего движения, и что советские диссиденты делают трагическую ошибку, не ставя во главу угла социально-экономические вопросы и идеи самоуправления. А именно ради этого и была написана вторая глава.

Далее, центральная, третья глава, которая стала теперь второй, посвященная разработке принципов общества самоуправления, приведена в соответствие с изменениями моих взглядов и сопоставлена со взглядами "Солидарности".

С особым удовольствием я работал над новой, третьей, главой, в которой приводятся и комментируются важнейшие польские документы и высказывания по поводу самоуправления, а также сведения о самоуправляющихся предприятиях на Западе.

Написана заново и четвертая глава. Она теперь посвящена вопросу возможности самоуправления в Советской России (и в других советских республиках) и о преградах на этом пути.

Наконец, введен раздел приложений.

В заключение отмечу, что книгу эту я издаю главным образом для читателей в СССР. Но я отдаю себе отчет в том, что путь ее к этому читателю будет очень трудным. Преграды ожидают ее по обе стороны "железного занавеса". С западной стороны — это господствующие в русской эмиграции авторитарно-националистические круги, которые с удивительной тщательностью и упорством блокируют любые идеи и сведения о самоуправлении.

Поразительный факт — в мире только пресса этих кругов и советская замалчивают борьбу "Солидарности" за самоуправление.

Однако, если когда-нибудь начнет разгораться в СССР массовое движение, то оно, как и в других странах советского блока, будет направлено к самоуправлению — и тогда эта книга может пробиться к широкому читателю и пригодиться.

*Аните Белоцерковской,
жене и другу, под управлени-
ем которой стало возможно
"Самоуправление".*

ВСТУПЛЕНИЕ

Много ужасов пришлось мне повидать за 44 года жизни в Советском Союзе. И было много книг и дискуссий о том, как этот ужас изжить. Но, кажется, впервые впрямую о самоуправлении во всем его значении и глубине я начал думать после одного относительно незначительного эпизода. (Я упоминал о нем в книге "Свобода, власть и собственность").

Много лет назад, не помню уже когда, ранней осенью я оказался в одной старинной русской деревне Чулково, расположенной на высоком берегу реки Москва, примерно в 45 километрах на восток от города Москвы по Рязанскому шоссе. В 1812 году в этой деревне остановилась армия Кутузова, отступившая из Москвы под натиском Наполеона. Упоминается она и у Толстого в "Войне и мире".

Мало, наверное, что изменилось в облике этой деревни с тех, как Библейские времена, далеких лет. Такие же стояли тесные, черные избы с крохотными палисадниками и ветхими сараями, в которых теперь только не было уже ни коров и ни какой другой живности. Улицы утопали в грязи. Ковыляли одетые в тряпье убогие старухи, да бегали босые в таком же тряпье дети.

Посреди деревни высилась мертвая, облупленная церковь с покосившимися, заржавленными крестами на куполах и с заброшенными могилами за церковной оградой. Кучи мусора и отбросов были навалены по откосам под самыми избами, на околице виднелись разваливающиеся амбары.

По всему было видно, если смотреть непривычными глазами, что люди здесь жили только сегодняшним днем и только самыми насущными интересами, без заботы о чем-то вне этого и о завтрашнем дне. Между прочим, когда

спрашиваешь в Советском Союзе у людей об их планах хоть на полгода вперед, мало кто не скажет: "А! Там видно будет. Надо еще дожить!"

Так и живут многие, "не приходя в сознание" и не замечая красоты "мира Божьего".

А красота в тех местах стояла необычайная, за душу хватала. С высоты, с горы, на которой была расположена деревня, открывался вид на широкую луговую пойму Москва-реки и на синие сосновые леса у горизонта.

Здесь начинались знаменитые, Есениным воспетые рязанские раздолья.

С высоты не было заметно, что луга внизу зачахли, что берега реки голы и загажены нефтью, а леса вдаль вытоптаны, заставлены заводскими постройками, изрублены дорогами и засорены непременными свалками мусора. Я знал об этом, так как бывал в тех местах. Но и без этого знания было грустно и тоскливо на душе: от деревни шел дух доживаемой кое-как, заброшенной жизни, и, как и везде в русских деревнях и поселках, было непонятно — почему и зачем тут живут люди.

И вот идя по этой деревне, я вдруг увидел молодого мужчину, запрягавшего лошадь. У него было красивое умом лицо и удивительная, поразившая меня, сухая тоска в глазах. Не от горя какого-то, а от явно осточертевшей ему примитивной работы и жизни.

Неужели, — подумал я тогда, — этот человек с божественным чудом сознания брошен в мир лишь для того, чтобы запрягать эту лошадь и жить всю жизнь в этой убогой деревне, в этих придавленных избах, среди убогих старух?!

Мне кажется, что тогда меня коснулось главное: могут ли люди бесконечно оставаться на положении тягловых животных, осознавая в отличие от них жизнь и смерть, обладая величайшим творением природы — головой. пазумом?

И я стал искать ответа на этот вопрос.

ГЛАВА I

”СОКРОВЕННАЯ ТАЙНА”
ТОТАЛИТАРНОГО СОЦИАЛИЗМА

Прежде чем говорить о самоуправлении, необходимо вкратце проанализировать существующую в СССР систему, чтобы потом легче было судить о целесообразности системы самоуправляющихся и конкурирующих коллективов.

ГЛАВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Существовал тезис: частная собственность на средства производства — основа свободного общества. Большевики "бросились" к антитезису — к национализации средств производства — не заметив, что создаваемая ими структура еще больше не соответствует потребностям человеческой природы, нежели господство частной собственности, ибо требует превращения всех людей в безответственных, а значит и бесправных батраков. Рассмотрим подробнее последствия национализации.

Всеобщая национализация привела прежде всего к ликвидации свободного рынка и конкуренции производителей. Вместе с *агрессивной* конкуренцией (конкуренцией в накоплении капитала), порождающей все отрицательные свойства капитализма, национализация ликвидировала и рыночную конкуренцию (по реализации продукции), освободила производителей от зависимости перед спросом, перед потребителями.

Сделаю отступление и поясню, что я понимаю под "агрессивной конкуренцией". Я придерживаюсь концепции, что капиталистическая конкуренция имеет две составляющих: агрессивную конкуренцию и рыночную.

Агрессивная конкуренция направлена к увеличению капитала за счет усиления эксплуатации людей и ре-

сурсов, за счет экстенсивного расширения производства (создание новых рабочих мест, филиалов) и за счет поглощения или разорения конкурентов с помощью финансовых и биржевых манипуляций. Решающим фактором тут является превосходство в размере капитала, а не в качестве и ассортименте товаров и услуг, как в случае рыночной конкуренции. Агрессивная конкуренция — антагонист рыночной, т.к. ведет к созданию монополий и удушению свободного рынка. Агрессивная конкуренция привела к окончанию эпохи либерального капитализма, т.к. вызвала необходимость введения антитрестовского законодательства и вмешательства государства в экономику.

Разумеется, такое вмешательство лишь частично ограничивает рост монополий.

Далее, агрессивная конкуренция вызывает процесс экспорта капитала, со всеми плюсами и минусами этого явления, и играет решающую роль в возникновении кризисов "перепроизводства". В период, когда проявления агрессивной конкуренции ничем не ограничивались, она стимулировала и агрессивную политику, войны.

Усиливающееся вмешательство государства в экономику, ввиду необходимости с ростом промышленности все больше ограничивать агрессивную конкуренцию, вызывает чрезмерное увеличение госаппарата и другие сопутствующие негативные явления.

Но вернемся к советской экономике.

Национализация привела к вопиющему противоречию: *люди в качестве производителей сдают продукты своего труда государству (не продают), а как потребители они их покупают (у государства)*. И производители оказываются заинтересованными сдать (при сдельной оплате) как можно больше продукции за счет ее качества, которое к тому же при отсутствии свободного рынка по-настоящему никем не определяется. В случае же поваренной оплаты производители не заинтересованы в увеличении и количества продукции.*

* Для сравнения: в коммунистической и капиталистической формуле такого противоречия нет. В первом случае производители сдают продукты своего труда, но как потребители — берут, не покупают. (Пример: кибуцы в Израиле). Во втором случае — продают (на уровне хозяев предприятия) и покупают.

Генеральный конструктор О.К.Антонов, известный своими здравыми и весьма критическими взглядами, написал в середине 60-х годов книгу "Для всех и для себя", в которой он приводит яркий пример этого противоречия. Однажды к Антонову подошел новый рабочий и рассказал, что когда он поступил на антоновский авиационный завод, то решил работать добросовестнее, чем прежде: самолет все-таки не трактор, испортится — из кабины не вылезешь! Но прошло несколько месяцев, и жена этого рабочего спрашивает его: "Ты куда это тратишь деньги? Любовницу завел? Все твои новые товарищи, я узнала, много больше тебя зарабатывают!"

— Что же мне теперь делать? — спросил рабочий Антонова. — Начать работать как все? Гнать план?

На этот трагический вопрос советские руководители и экономисты уже более полувека не могут найти ответа.

Исчезает после национализации и бережное отношение к средствам производства. В результате оборудование, некачественное к тому же "от рождения", скоростно выходит из строя. По данным советской прессы конца 70-х годов, на каждого рабочего, производящего промышленное оборудование (станки и т.п.), приходится трое рабочих, его ремонтирующих. И это при том, что ремонтные работы не зачисляются в выполнение плана и поэтому не поощряются.*

Далее. Всеобщая национализация, превращая всех — и рабочих, и руководителей — в безответственных батраков, требует жесткой *дисциплинарной* централизации, когда приказ сверху хотя и может быть обжалован, выполняться должен неукоснительно, пока он сверху не отменен. Дисциплинарная централизация терпима в масштабе одной производственной ячейки. В "большой системе" государства при наличии великого множества ячеек она приводит к недопустимому запаздыванию и искажению жалоб-сигналов снизу — обратной связи, и к быстрому старению производственного плана, к необходимости

* Статья Бабанова в "Комсомольской Правде" от 21 мая 1977 года.

непрерывной его коррекции, что сделать практически невозможно даже с помощью самой совершенной кибернетики. Не говоря уже о том, что исходные данные — сводки и сигналы безответственных руководителей — не заслуживают доверия. В итоге — вновь колоссальные потери.

Дисциплинарная централизация вкупе с незаинтересованностью приводят также к глушению творческой инициативы и изобретательства, затрудняют и внедрение новой техники, т.е. приводят к еще одному источнику губительных потерь.

К этим основополагающим источникам присоединяются также потери на содержание гипертрофированного управленческого аппарата и потери от "обратного действия" системы, о которых будет упомянуто далее.

Важно, что все эти потери имеют тенденцию к непрерывному росту. Брешы в экономике необходимо срочно восполнять за счет интенсификации и расширения производства, замораживая ради этого реальную зарплату и тем самым еще сильнее уменьшая заинтересованность работников в добросовестном труде.

Растет производство, его интенсивность, растут и потери. Возникает хроническое превышение спроса над предложением, что опять же уменьшает заинтересованность работников в качественной работе.

Но это только половина дела!

НАКОПЛЕНИЕ РАДИ НАКОПЛЕНИЯ "СОКРОВЕННАЯ ТАЙНА"

Людей можно уговорить или заставить работать и жить в условиях необеспеченности, а машины — нельзя. Следовательно приходится заботиться прежде всего о снабжении машин и заводов деталями и оборудованием взамен безвременно выходящей из строя техники. Приходится преимущественно развивать производство средств производства, группу "А", создавая тем самым диспропорции в структуре промышленности, а людей заставлять жить в условиях необеспеченности.

Как показал закрытый доклад Новосибирского экономико-математического института (директор академик Аганбегян), * 95% продукции советского машиностроения идет на нужды группы "А" (против 70% — в США, что, наверное, тоже многовато). Но при этом в СССР также и половина продукции группы "Б" (средства потребления) уходит в группу "А". Чудовищный результат!

Если над капиталистической экономикой довлеет конкуренция, то над советской — необходимость затыкать бреши потерь, прежде всего в группе "А". Заводы в СССР работают и строятся в основном для того, чтобы не остановились заводы. Производство идет ради производства, *накопление ради накопления*, что и является классическим признаком капитализма и дает нам основание называть режим в СССР государственным капитализмом. Тяжелая индустрия растет, как раковая опухоль, высасывая

* Доклад распространялся в самиздате в конце 60-х годов. Опубликован в журнале "СССР: внутренние противоречия", вып. 6, 1982 г., Нью-Йорк.

все соки из людей и природы. Индустриализация имеет спонтанный, неуправляемый характер, а не является результатом осмысленной "воли партии и правительства", как внушает пропаганда.

К сожалению, большинство людей останавливается обычно в анализе советского режима перед этим последним следствием тотальной национализации, перед этой, говоря словами Маркса, "сокровенной тайной" государственного капитализма, которая объясняет все его "необходимости" и без понимания которой всегда остается почва для всяческих иллюзий.

Среди некоторых марксистов, критикующих режим в СССР, существует точка зрения, что процесс "производства ради производства" является классовой целью бюрократии, служит укреплению ее власти. Такая концепция представляется по меньшей мере поверхностной. Разумеется, бюрократия заинтересована в сохранении и укреплении своей власти. Но бесконечный опережающий рост группы "А" за счет жизненного уровня народа и ущемления элементарных политических свобод отнюдь не способствует укреплению власти бюрократии, и она не может этого не понимать.

Советские правители, начиная с 1936 года (Куйбышев в докладе: "К концу пятилетки СССР станет страной изобилия"), безуспешно пытаются приостановить злокачественный рост группы "А", добиться от нее полезной отдачи.

Таким образом, можно сказать, что там, где аннулируется всякая экономическая конкуренция, неизбежно начинается спонтанный и злокачественный рост группы "А", промышленности средств производства. Сталин, начав форсированную индустриализацию, ускорил этот процесс, выпустил Джина из бутылки.

Может возникнуть вопрос, почему наличие всевозможных, перманентных потерь не приводит к свертыванию индустрии? Но тут не надо забывать, что советская система не находится в вакууме. Остается конкуренция с внешним миром. Следовательно остается необходимость развивать науку и новые виды производства, пытаться улуч-

шить жизненный уровень и, наконец, развивать новые виды вооружения. Все это и определяет направление спирали вверх, к бесконечной индустриализации.

Приведу один конкретный пример, чтобы показать во плоти эту заколдованную спираль госкапитализма. В середине 60-х годов я работал корреспондентом от "Известий" на строительстве Череповецкого гидроузла Волго-Балтийского канала. За год до моего приезда на строительстве был полностью обновлен парк грузовых автомашин. И вот за этот короткий срок около 70% машин уже полностью вышло из строя! Машин были некачественными, недолговечными во многих узлах; еще хуже были дороги: почти без покрытия, грязь по самые оси, а зимой и летом — всеокрушающие колдобины; и, наконец, безжалостное обращение шоферов, которые сами в свою очередь жили там в тяжелейших условиях и все время бежали со стройки. Текучесть кадров доходила до 50% в год! Типичный процент для строительства. "Машины ходят по рукам! — жаловалось начальство. — Невозможно установить никакой личной ответственности."

В итоге в центр летят панические телеграммы: нехватает машин, стройка, канал под угрозой!

Плановики рассчитывали, что машины прослужат на строительстве минимум три года, да после капитального ремонта еще столько же. А они уже за год были полностью ликвидированы: только списывать на металлолом.

Но канал нужен, чтобы эффективнее снабжать сырьем прежде всего тяжелую индустрию, которая должна работать и расширяться, чтобы восполнять безвременные потери машин и оборудования, и так далее. Если заводы и стройки станут, тогда уж совсем конец — революция! Вот и приходится средства бросать в первую очередь на производство средств производства. В данном случае — на внеплановое увеличение выпуска грузовых автомашин, в следовательно и всех необходимых для этого механизмов, материалов, сырья. Люди, дороги, службы быта, т.н. обустройство — могут подождать. И люди ждут или скитаются по стране в поисках более сносных условий. Но работают все хуже и хуже.

Я привел примеры из старых лет, потому что видел все это своими глазами. С тех пор ничего не изменилось к лучшему, только к худшему, чего не может скрыть даже официальная статистика.

Г Л А В А I I

**К О Н Т У Р Ы С И Н Т Е З А —
С О Ц И А Л И С Т И Ч Е С К О Е С А М О У П Р А В Л Е Н И Е**

СПЕКТР МНЕНИЙ

"Самой крупной ошибкой марксистской теории общественного развития является то, что в теорию не вошли врожденные духовные потребности и качества человека."

Юрий Орлов

"Следует децентрализовать принятие решений с целью участия в них огромного числа людей на всех уровнях и во всех сферах — социальной, политической, экономической. Каждый должен иметь право голоса в развитии ценностей и целей, детерминирующих наши жизни."

*"Гуманистический манифест — 2", 1973 г.
(Примерно 300 подписей, включая подпись
Андрея Сахарова.)*

"Самоуправления требуют здравый смысл и законы экономики... Это великое дело — быть подлинным хозяином: у себя дома, на своем заводе, в ВУЗе, в новых организациях, в кооперации, в своем городе..."

Лех Валенса

"Самим актом своего труда человек становится господином на своем рабочем месте, хозяином трудового процесса, хозяином продуктов своего труда и их распределения."

Папа Иоанн Павел I I

ИДЕАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Разочаровавшись в грандиозном опыте построения ленинского социализма и в способности всех других видов социализма решить "проклятые" проблемы человечества, многие люди вообще разуверились в возможностях человека и человеческого разума улучшить условия своего существования. И они считают любую подобную попытку обреченной на неудачу.

Думается, что это неверие в возможность "идеального строя" — большая беда человечества, и даже более того — угроза его существованию, так как неверие это является серьезным деморализующим фактором, вынуждающим людей считать незыблемым существующий порядок вещей и мириться с тем, с чем мириться нельзя.

"Идеальным" я имею в виду тот строй, который может дать людям возможность начать реальное приближение к своим *идеалам*.

"Какая же история человека, если доброта его недвижима?" — говорит один из героев В.Гроссмана в романе "Все течет..."

И ведь действительно до сих пор, при всех существовавших и существующих режимах, доброта человеческая и нравственность остаются недвижимы, невзирая на все отчаянные усилия подвижников Добра и их призывы к нравственному самоусовершенствованию. Их призывы и проповеди говорят об одном, а жизнь учит совсем другому. Разница лишь в том, что при одном строе она учит своему сильнее, при другом слабее.

Конкретнее, при буржуазно-демократическом строе средний нравственный уровень находится в динамическом равновесии, определяемом рядом противоположных процессов. К повышающим этот уровень факторам относятся демократические свободы, в том числе (и особенно!) свобода объединения людей для коллективной реализации или защиты своих интересов. К понижающим же факторам — *агрессивная* конкуренция, т.е. конкуренция в накоплении капитала (в расширенном воспроизводстве) с вытекающей отсюда эксплуатацией, превращением человека в *средство* накопления, а деньги, капитал — в цель, господствующую над человеком.

Понижает нравственный уровень также и *абсолютная* дисциплина, существующая внутри частных и государственных организаций, и материальная зависимость подчиненных от их начальников и работодателей.

Наконец, ограничивает нравственный уровень человека и сознание бессилия, невозможности активно влиять на ход своей жизни и жизни общества, т.е. положение пешки, от которой мало что зависит.

Ну, а о тоталитарном социализме и говорить нечего. Тут вообще действуют лишь факторы, понижающие нравственный уровень.

Так вот: "идеальный" строй должен, очевидно, устранить или ослабить все деморализующие факторы.

Далее, он должен дать обществу возможность перестать тратить большую часть сил на трансформации и революции, на внутренние проблемы, на классовую, сословную, национальную и прочую междоусобную борьбу, то есть открыть эпоху действительно бесклассового общества, движущими силами которого будут сотрудничество и солидарность людей в улучшении условий жизни.

Иначе говоря, этот строй должен позволить обществу тратить большую часть сил на борьбу за продолжение

рода человеческого (что и предназначено природой всем живым существам), должен превратить человеческое общество из интровертированной "личности" в *экстрровертированную**.

Повторю. Был "тезис" — частная собственность на средства производства. Был "антитезис" — государственная собственность на эти средства (как основа квазиидеального строя). Возможен и синтез. Законы развития никому как будто еще опровергнуть не удалось.

* Если сравнить развитие общества с развитием индивидуума (а такое сравнение здесь правомочно), то мы увидим, что в низшем, детском периоде нормой является экстрровертированный тип личности (обращенной во внешний мир); затем нормально наступает интровертированный период, со зрелостью же вновь приходит экстрровертированный. Без интровертированного периода формируются как правило примитивные, ущербные личности, но и фиксация его также приводит к ущербности. Более того, ставит существование индивидуума под угрозу, понижая его жизнеспособность.

Первобытное, доклассовое общество было экстрровертированной "личностью", затем пришел интровертированный период, который, похоже, опасно затягивается. — В.Б.

”ТРАГЕДИЯ” СОЗНАНИЯ И ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПОТРЕБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Основное, что определяет природу человека и отличает ее от природы всех остальных живых существ — это, очевидно, сознание (включая в это понятие все его уровни).

Сознание дает человеку власть над природой и возможность осознать ее величие и красоту. И это же сознание дает человеку, единственному из всех живых существ, ясное понимание своей смертности, которое оказывает двойное влияние на его жизнь.

Страх перед смертью и временем есть в сущности глубинный стимул для творческой, созидательной деятельности человека, для доброты и любви к себе подобным.

Всмотримся в свое подсознание: мы не можем не испытывать острой жалости ко всему живому, обреченному на короткое и быстротечное существование, неумолимо уходящее, как песок в песочных часах. И если жизнь не ожесточила нас, мы не можем не испытывать острого стремления скрасить, сделать более счастливой друг для друга нашу жизнь. Отсюда и рождается все лучшее в человеке: доброта и совесть (или чувство ответственности), и так называемые абсолютные понятия добра и зла (или нравственные принципы).

Такова, очевидно, материалистическая гипотеза внебожественного происхождения всего лучшего в человеке. ”Бог есть боль страха смерти”.*

Но в страхе смерти заключен и ”дьявол”, первоисточник всяческого зла, творимого людьми друг другу. Источник хищного эгоизма и своеволия, малодушия и садизма, ненависти и злобы, стимул для *злотворчества*.

* Слова Кириллова из романа Достоевского ”Бесы”;

Страх перед смертью, концом, небытием стоит за всеми другими человеческими страхами: перед импотенцией и старостью, утратой любви и утратой (или необретением) творческих потенциалов, т.е. страхом, что ты сгинешь, не оставив следа.

И патологическая тяга к самой смерти, к бездне, наверное, отсюда же — от неосознанного желания разом избавиться от страха перед смертью.

Испокон веков люди ищут защиты от этого страха.

Что же может нас защитить от него? Думается, полнота жизни — возможность удовлетворять наши основополагающие потребности: быть добрым, любить, творить, созидать (и для этого познавать). Иначе говоря, быть нужным людям, быть не одному, ибо вместе легче бороться со страхами и легче "оставить добрый след".

Одиночество непереносимо для человека. Зло же увеличивает одиночество. Поэтому стремление к добру — к преодолению одиночества — не может не быть имманентным для человеческой природы.

Но чтобы быть добрым, повторю, надо иметь возможность делать добрые дела, влиять на мир и на людей. Когда у нас такой возможности нет, мы черствеем, теряем способность к сочувствию и сопереживанию.

Короче говоря, люди "приговорены" либо к тому, чтобы в конце концов создать такие условия, при которых они могли бы быть активно добрыми, либо "броситься в бездну", для чего у них уже есть реальные средства.

Очевидно, чтобы иметь возможность для добротворчества, человек должен обладать свободой. Свободой мысли и ее реализации. (Видимо, именно потому свободный человек ни о чем так мало не думает, как о смерти.) Истина азбучная.

Но, к сожалению, не совсем "азбучна" другая истина, а именно, что свобода немыслима без власти. Без власти над ходом своей жизни и жизни общества.

Свобода без власти возможна только в полном одиночестве, в пустыне. В обществе же свобода без власти — фикция.

Свобода и власть — неразлучная пара, две стороны одной и той же медали, название которой — возможность. Свободу и власть можно поэтому объединять в одно понятие: власть-свобода.

Великой бедой человечества представляется то, что еще очень многие люди, даже иные философы, не осознают этой связи: априорно исходят из невозможности гармонического сочетания свободы и власти. Ведь до сих пор везде и всегда власть ущемляла свободу, а свобода противостояла (в понятии людей) власти.

Иные философы говорят о "пустоте" свободы и даже о страхе перед ней, как перед всякой пустотой; говорят о кризисе и трагедии свободы, так как люди, мол, обладают или стремятся лишь к "отрицательной" свободе — свободе от чего-то. И одни предлагают мужественно переносить страх перед "пустотой-свободой", другие — заполнить ее служением Богу.

Но свобода не может быть пустой для человека, если он при этом обладает еще и властью — *возможностью* творить добро и защищать себя от страха смерти. Не может быть у человека и страха перед настоящей полной свободой, свободой-властью.

Иное дело, когда рабу говорит хозяин: "Вот тебе твоя желанная свобода, иди на все четыре стороны, а власть и все, что ее дает, я оставляю себе". Такая "отрицательная" свобода, конечно, покажется рабу или страшной, или пустой.

Дайте людям настоящую свободу, и они найдут ей применение: проблемы, стоящие перед человечеством велики и неизбывны. И настоящая свобода сама по себе неразрывно, диалектически связана с *ответственностью*. Она не только *дает*, но и очень много *требует*.

Но власть пока везде в той или иной мере противостоит свободе и душит ее по той "простой" причине, что до сих пор везде и всегда *власть сосредотачивается в руках меньшинства*. Власть, но опять же не свобода! Необходимость подавления свободы большинства ограничивает свободу властвующего меньшинства.

Полной свободой, *властью-свободой* могут обладать все или никто. И вот в этом, пожалуй, действительно состоит "великий вывод мудрости земной".

Но повторю: до сих пор, увы, большинство людей полагало, что все сразу управлять, командовать не могут, и реальная власть всегда будет у меньшинства, у "специалистов" власти. "Сам собою народ управлять все равно никогда не будет", — говорит Солженицын устами Варсонофия в "Августе 14-го".

Или наконец: далеко не каждый, мол, захочет лезть в начальники, даже если будет иметь возможность.

На первые возражения ответ будет дан при разборе механизма и структуры, предполагаемого "идеального" строя.

Что же касается последнего, то необходимо сказать следующее. Да, не каждый человек в каждый данный момент будет иметь желание (и необходимость) пользоваться властью, но сама *возможность* ею пользоваться имеет огромное, самостоятельное психологическое значение. Уж от возможности-то не откажется ни один человек. Сегодня он не имеет желания и необходимости воспользоваться властью, а завтра может и захотеть, и если не он, то его дети. Каждый человек должен иметь право на власть, каждый человек должен иметь права л о р д а . Ведь обладание возможностями и дает ощущение свободы. Да это и есть свобода.

Чтобы понять великую успокаивающую и защищающую роль Возможности, надо только представить себе, что ты ее имел и вдруг потерял, что у тебя ее отняли. Об этом в шутку хорошо сказано в одной из пьес, кажется, Шона О'Кейси.

— Почему ты не хочешь жениться на мне? — спрашивает англичанка американца.

— Женившись на иностранке, я потеряю право стать президентом США, — отвечает ее возлюбленный.

— Но разве ты хочешь быть президентом?

— Нет, конечно. Но права терять я не хочу!

Труднее всего жить без власти-свободы людям интеллектуального труда.

”Мы еще не выполнили свой долг перед птичницей,— пишет Г.Померанц. — Но по крайней мере известно, как это сделать. А как быть с младшим научным сотрудником Акакием Акакиевичем, пожизненно осужденным готовить бумаги Значительному Лицу? Этого никто не знает, и мы в потемках ищем ответа, одновременно с Европой и Америкой, которые по крайней мере о птичнице могут не думать”.*

И до тех пор, пока не найдем, смута и беспокойство не переведутся в мире, будут нарастать, ибо мы переживаем сейчас не только демографический взрыв, но и быстрое ”размножение” младших научных сотрудников.

Однако они никогда не приобретут настоящей свободы, свободы-власти, пока ее не будет и у птичницы. Прибавить птичнице ”корму” и облегчить ее труд — это еще не значит выполнить перед нею наш долг. Птичница ведь тоже человек, существо, обладающее сознанием. И до тех пор, пока она также не станет Значительным Лицом, у нас и яиц не будет в достатке, и не оставит нас страх, что в один прекрасный день, обезумев от бессмысленной и несправедливой жизни, птичники бросятся под штандартами какого-нибудь новоявленного фюрера сворачивать головы людям, прежде всего младшим научным сотрудникам.

В прошлом эта перспектива не была столь реальна, так как птичницы и птичники рождались таковыми. (Рабы рождались рабами). И свобода, даже ”отрицательная”, не стояла за воротами их ”птичников”. Детей рабов не учили в школе, что они свободны и равны, что они ”хозяйева жизни и государства”, а правители — их слуги. И то появлялись Разины и Пугачевы!

* Г.Померанц. Неопубликованное. ”Посев”, 1972, стр. 133.

САМОУПРАВЛЕНИЕ — СВОБОДА, ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ

Читатель наверное уже понял, какой строй мы считаем идеальным, т.е. наиболее соответствующим природе человека.

Это, конечно, самоуправление, основанное на групповой собственности на средства и продукты производства.

Олдос Хаксли в работе "Наука, мир, свобода", которую я читал еще в самиздате в СССР, справедливо утверждает, что все зло в мире проистекает от того, что большинство людей при всех существующих режимах все больше лишается собственности на средства производства. Люди же, лишенные *кормящей* собственности, попадают в *абсолютную* зависимость от работодателей и начальства — и деморализация тех и других прогрессирует.

Однако возвращение к обществу мелких собственников — "единоличников" невозможно, и остается, пишет Хаксли, один выход из положения: групповая собственность. И неразрывно связанное с ней — самоуправление.

Итак, к свободе и власти прибавим собственность, дающую средства к существованию. Но главным в этом триединстве остается власть. Без нее не удержать ни свободы, ни собственности.

И при всех массовых революциях, начиная с Великой Французской, подневольные "массы" боролись не столько за свержение одних "измов" и утверждение других, как учит советская история, сколько, быть может сами того не осознавая, пытались установить в том или ином виде самоуправление — будь то секции, коммуны, советы депутатов или рабочие советы.

Подневольным людям деваться больше некуда, у них

нет другого исхода, кроме самоуправления, ибо только с его помощью каждый из них может перестать быть рабом, может обрести *право решающего голоса во всех касающихся его делах*, то есть власть-свободу.

Но "массы" неизбежно терпели поражение, ибо самоуправление — не простая вещь. Тут необходима коренная перестройка всех механизмов государства и экономики. Необходимо их строгое соответствие друг другу. Ну и, конечно, достаточно высокое развитие производительных сил, образования, культуры. И, что может быть всего важнее, — необходимо пережить горький опыт "коммунистического" антитезиса.

Все эти предпосылки созрели или созревают только сейчас (в развитых странах), а вместе с ними — созревает и глубокая жизненная заинтересованность большинства людей в самоуправлении.

Самоуправление, самоуправляющиеся коллективы представляют собой, на мой взгляд, высшую форму интеграции людей, в высшей степени соответствующую человеческой природе. Такие коллективы — результат *самостоятельного* объединения людей для осуществления *своих* интересов — дают людям возможность ЕДИНЕНИЯ (которое суть *свободное* объединение) и одновременно возможность САМОУТВЕРЖДЕНИЯ, т.е. снимают извечное и губительное противоречие между двумя этими фундаментальными стремлениями человека. (Как снимают противоречие между властью и свободой).

С самоуправления началась история человека. От обезьяны, с четверенек, он поднялся не только с помощью труда, но и свободного объединения в самоуправляющиеся группы (семьи, племена) в эпоху первобытного коммунизма. В тех группах люди приобретали первые основы нравственности. В самоуправляющихся коллективах людям выгодно и необходимо развивать и соблюдать нравственные принципы и правила человеческого сосуществования.

Можно сказать, что нравственно человек проявляется человеком только в свободном объединении, начиная от создания семьи. Кто имел возможность видеть, тот знает,

как распрямляются и светлеют люди, участвуя в создании даже самых утилитарных с самыми заземленными целями, но свободных объединений.

Для людей, не видевших этого и лишенных логической фантазии, хочется подчеркнуть, что между самоуправляющимся коллективом, полностью отвечающим за свои действия, и казарменным — качественная пропасть. В первых коллективах люди становятся добросовестнее, терпимее, открывают в себе таланты, избавляются от комплексов и т.д. Для них, повторяю, это становится необходимо для преуспевания в конкуренции с другими коллективами. И только в таких коллективах "первыми людьми" становятся действительно лучшие, умнейшие, потому что люди быстро начинают понимать, что для них выгодно следовать советам умнейших. Ведь любая ошибка быстро и заметно скажется на всех и на каждом так же, как и успех. И руководители, не обладая абсолютной властью над подчиненными, не вырождаются морально и умственно.

В отличие от всех прошлых и нынешних социально-экономических систем, система самоуправления и групповой собственности опирается одновременно как на идеалистические, так и на меркантильные компоненты человеческой психологии (снимает и здесь противоречие), позволяет наконец людям работать "для всех и для себя" одновременно.

Систему самоуправления можно определить и как новую эру в развитии демократии — вступление демократии внутрь предприятий и учреждений, создание внутри их всех демократических институтов и механизмов: выборы, референдумы, законодательная власть (Рабочие Советы), исполнительная (дирекция) и т.д.

И тот строй, который дает большую свободу людям для объединения и самоуправления, является, очевидно, и более прогрессивным. Это, наверное, наиболее емкий критерий прогрессивности. По этому критерию госкапитализм — самый регрессивный строй в истории человечества, ибо он предельно лишает людей возможности свободного объединения и самоуправления, обрекая тем

самым все слои общества на нравственное и умственное вырождение. (Это вырождение заходит дальше всего в тех слоях общества, в которых люди более всего разъединены: в среде чиновников, гуманитарных интеллигентов и людей из сектора обслуживания).

У читателя может возникнуть вопрос, а много ли будет реальной потребности для участия в управлении делами самоуправляющегося предприятия (учреждения) у рядовых членов коллектива? Ведь руководить все равно должны будут специалисты.

Ответ однозначен: очень много!

Во-первых, контрольные функции: над главным руководством и руководством подразделений. Важное и сложное дело, осуществлять которое члены коллектива и их представительные органы смогут также с помощью специально нанимаемых специалистов-советников.

Попутно отметим. Сторонники реформ в Советском Союзе постоянно говорят о необходимости децентрализации управления народным хозяйством и увеличения самостоятельности предприятий, т.е. их руководства.

Требование это стало уже общим местом. А между тем, и принципы демократии и структура человеческой психологии требуют, чтобы с увеличением самостоятельности руководителей, партийно-государственный контроль заменялся каким-то другим. В капиталистическом обществе — это контроль хозяев, Наблюдательного Совета акционеров, их общего собрания.

При самоуправлении — контроль Рабочего Совета и общего собрания всех работников, т.е. опять же контроль хозяев.

Опасно требовать увеличения самостоятельности руководителей предприятий, не думая о контроле над ними, или иначе — об осуществлении принципа разделения власти. Без этого начнется элементарный грабеж и коррупция со стороны дирекции, произвол по отношению к подчиненным и снижение эффективности руководства, т.е. — все прелести авторитаризма. Когда речь идет о стране в целом, всем (по крайней мере, сторонникам демократии) это понятно, но и любой коллектив подчиняется тем же законам, что и общество.

Хорошим примером плохого понимания этого обстоятельства может служить положение в Югославии, где партийно-государственный контроль над руководителями предприятий ослабили, а Рабочим Советам и трудовым коллективам настоящих хозяйских прав не дали.

Но пойдём дальше. Органы самоуправления и коллективы будут иметь законодательные функции, как то: определение общей производственной политики предприятия, принципов распределения доходов, социальной и кадровой политики и т.д.

Наконец, масса дел и проблем всегда имеется во внутренней жизни предприятия (учреждения): от вопросов улучшения работы до сферы условий труда, взаимоотношений между работниками и руководством, и т.д.

Так что самоуправление или внутренняя демократия — вещь весьма реальная.*

Между прочим все возражения против самоуправления, которые мне приходилось слышать или читать, повторяют в сущности уже хорошо известные аргументы против демократии на уровне государства.

* * *

Подытожим. Свобода, власть и собственность — вот сжатая формула общества самоуправления.

Свобода — регулируемая правом. Власть — над ходом жизни. И собственность — на средства производства. И все это — за *каждым* членом общества. Только на этом "базисе", на этих трех китах возможно видимо создать структуру, которая позволит *всем* людям начать движение к своим идеалам, к нравственному совершенствованию и гармоничному развитию. Движение к Свободе, Равенству и Братству.

* Еще более конкретное представление о полномочиях органов самоуправления можно получить из законопроекта "Солидарности" о самоуправлении, публикуемого в приложениях.

С самоуправления началась история человека, и к самоуправлению, на более высоком витке развития, людям суждено вновь придти, если они хотят избежать катастрофы.

СООТВЕТСТВИЕ "НАДСТРОЙКИ" И "БАЗИСА"

Чтобы самоуправление могло успешно функционировать, раскрыть все свои лучшие свойства и не приносить ущерба обществу, представляются необходимыми следующие элементы соответствия в экономической и политической структуре общества.

@ Коллективная, групповая собственность на средства производства и продукты труда — гарантия экономической независимости людей от государственной власти или работодателей и одновременно защита для общества от ошибок или злоупотреблений отдельных коллективов (за которые никто не должен расплачиваться, кроме них самих); ну и, конечно, — условие максимальной заинтересованности людей в добросовестном труде.

Групповые предприятия не должны находиться на дотации у государства. Заработная плата должна целиком зависеть от выручки с продажи продукции (или услуг) и начисляться в зависимости от квалификации и выработки членов коллектива. Все нормы и правила для распределения выручки и размер отчислений в различные фонды устанавливаются коллективом.

Отметим, что групповая (или коллективная) собственность не тождественна кооперативной. Последняя создается на паевых вкладах, и только вкладчики участвуют в дележе прибыли соответственно величине своих паев. При этом вкладчики могут не работать на предприятии, и может соответственно широко применяться наемный труд.*

* От акционерного кооперативное предприятие отличается отсутствием свободно продающихся акций.

Групповая же собственность предполагает распределение прибыли только среди работников предприятия, и наемный труд отсутствует, за исключением исполнения временных договорных работ. Любой работник, принимаемый на постоянную работу, становится после определенного испытательного срока полноправным совладельцем предприятия и его прибылей.

@ Самоуправление немыслимо без рыночной конкуренции, без свободного рынка товаров и услуг как единственно эффективного способа оценки их качества и потребности.

Оба принципа необходимы и для преодоления главного противоречия национализированной экономики, когда производители *сдают* продукцию государству, а как потребители — ее *покупают*. При самоуправлении на основе групповой собственности на средства и продукты производства, производители *продают* свои изделия (по ценам свободного рынка!). Причем в качестве продавцов выступают все работники предприятия, (прибыль делится на всех!), а не одни лишь хозяева и администраторы, как на капиталистическом предприятии. И это увеличивает добросовестность труда всех работников. Работа самоуправляющихся предприятий на Западе дает тому подтверждение.

@ Самоуправление предполагает ликвидацию агрессивной конкуренции (конкуренции в накоплении капиталов).

Эта конкуренция, как мы увидим далее, несовместима с самоуправлением и групповой собственностью. И можно не жалеть об этом, ибо агрессивная конкуренция, как мы уже говорили, порождает все главные негативные свойства капитализма.

Советские марксисты, как и апологеты капитализма, не хотят признать, что существуют два вида экономической конкуренции — рыночная и агрессивная. Они ставят людей перед выбором: либо конкуренция, либо ее отсутствие (при национализированной промышленности). Но и тут есть третий путь, путь *синтеза!*

Агрессивная конкуренция возникает тогда, когда для каждого отдельного предприятия, будь оно коллективным или частным, или кооперативным, становится возможным расширенное воспроизводство (экстенсивное расширение производства — накопление капитала). И самоуправляющиеся коллективы в этом случае точно так же, как и частники, будут расширять свое дело за счет привлечения на новые рабочие места *наемных* работников, т.е. эксплуатируемых, с которых они будут стричь прибавочную стоимость в свой коллективный карман. А точнее — большую часть вновь откладывать, копить для нового расширения. Ибо, кто не будет расширяться, того рано или поздно разорят, или съедят, присоединят *в качестве эксплуатируемых* другие коллективы. В агрессивной конкуренции решающий фактор — величина капитала!

Таким образом, агрессивная конкуренция ведет неизбежно к сужению и ликвидации самоуправления, ведет к капитализму, причем анархическому, допотопному, с жестокой эксплуатацией наемных рабочих.

Расширяться же, не эксплуатируя новых рабочих, не удерживая с них прибавочную стоимость, все равно что своими руками, за счет своих средств, создавать себе конкурентов. Никто добровольно не пойдет на такой идеализм.

Но запрещать расширенное воспроизводство коллективным или частным предприятиям, разумеется, нельзя. На запрещениях, насилии здоровой экономики не создать.

И здесь я вижу только одно ненасильственное средство: расширенным воспроизводством должно заниматься государство, и новые предприятия *бесплатно* передавать новым, образуемым с помощью государства, коллективам.

Тогда, имея возможность пойти "работать хозяином" на такое новое предприятие вряд ли кто захочет идти в эксплуатацию к уже существующим коллективным предприятиям (или к частникам), если бы они захотели расширяться. Такое расширение сделалось бы невозможным.

Финансировать расширенное воспроизводство государство сможет за счет налога с прибыли предприятий. Старшее *работающее* поколение будет, как бы вкладчину, совместно обеспечивать делом младшее поколение.

Государственное воспроизводство сможет проводиться, исходя из анализа рынка и согласно перспективному плану развития, утвержденному представителями *всех коллективов*. Эгоистические интересы коллективов определенной отрасли, не заинтересованных в создании новых предприятий в их отрасли (ради поддержания высоких цен на их продукцию), будут всегда перекрываться голосами представителей остальных коллективов, заинтересованных, естественно, в снижении цен на потребляемые ими товары.

Размещение государством средств на строительство новых предприятий с учетом анализа *объективных* сигналов свободного рынка (свободного и от монополий!) делает вероятность ошибок достаточно малой.

Возможно создание новых групповых предприятий с помощью государства и по инициативе частных лиц. За свою инициативу они будут вознаграждаться занятием руководящих позиций в новых предприятиях и соответственно высокими заработками. (При условии, конечно, что их коллектив будет доволен их работой.)

Для строительства новых предприятий государство сможет привлекать коллективные строительные фирмы и проектные институты, которые будут нести материальную ответственность перед государством и будущими хозяевами за качество строительства. Представители вновь организуемых коллективов должны будут конечно участвовать в разработке проектных заданий. В помощим наверняка возникнут самостоятельные консультативные фирмы.

Создавая новые самоуправляющиеся предприятия, государство будет, очевидно, оставаться их юридическим владельцем — до полной амортизации оборудования. Коллектив до того времени не вправе распоряжаться оборудованием и зданиями (перестраивать, продавать и т.п.) без разрешения соответствующих госинстанций. А в случае банкротства обязан отдать предприятие государству.

Таким образом мы видим, что проблема расширенного воспроизводства является центральной экономической проблемой самоуправления.

При невозможности агрессивной конкуренции, т.е. *экстенсивного* расширения производства, конкуренция между коллективами будет идти за счет *интенсивного* развития. То есть за счет совершенствования техники и технологии, улучшения качества товаров (или услуг) и их ассортимента, снижения себестоимости и цен. А интенсивное развитие всегда и везде (будь то развитие предприятия или страны) здоровее экстенсивного и не ведет к монополизации и ущемлению свободного рынка.

Целью производства станет увеличение личного благосостояния членов коллектива, уменьшение рабочего дня, облегчение и интеллигентизация труда. Руководители, кроме того, будут иметь возможность самоутверждения в достижении высоких результатов их предприятием, в "игре" на рынке.

Производство пойдет, наконец, по формуле: *товар — деньги — товар*. Человек перестанет быть средством накопления, а деньги — целью, как в случае цикла: *деньги — товар — деньги*, присущего частному и государственному капитализму. Исчезнет и присущий этому циклу кошмар инфляции.

Расширенное воспроизводство в руках общества при конкуренции групповых предприятий (а также кооперативных и частных) на свободном рынке открывает возможность желанного синтеза между планированием развития экономики в перспективных интересах общества и свободой хозяйственной деятельности в интересах производителей и потребителей.

Необходимо также отметить, что государственное расширенное воспроизводство будет необходимо в начале процесса демократизации тоталитарного социализма и по чисто прагматической причине: кроме государства, никому не под силу будет начать ликвидацию диспропорций в структуре промышленности — проводить ускоренное развитие группы "Б" и перестройку многих предприятий в группе "А" на производство средств потребления.

Только у государства могут быть достаточные для этого средства. А такая перестройка, как мы видели, будет поначалу центральной задачей в любом случае.

Отметим, что часть производств должна будет, конечно, остаться в собственности государства.

За государством должны сохраниться, вероятно, те отрасли, где невозможна конкуренция по качеству продукции и где *централизация* важнее конкуренции, то есть такие, как энергетика, связь, тяжелый транспорт, или где экономическая конкуренция вредна: наука, образование, медицина, юридическое обслуживание. В последних двух областях возможна двойная оплата труда: государственный минимум и доплата клиентов (или страховых касс) по *твердым* тарифам прямо в руки пользующихся специалистами, с отчислением процентов в кассу всего коллектива, чтобы ему выгодно было привлекать хороших специалистов.

Вероятно государство должно будет создавать и оставлять себе некоторые принципиально новые, экспериментальные производства до времени, когда будет доказана их нужность. Государство сможет пойти на такой риск, так как будет достаточно богатым, освободившись от необходимости постоянно изыскивать средства для затыкания брешей в тотально национализированной экономике.

Земля и недра, вероятно, также должны оставаться за государством, т.е. принадлежать всему обществу, а крестьяне (или колхозы) и коллективы старателей будут в этом случае арендаторами. При этом легче будет производить и крупное землеустройство, и осуществлять охрану природы. Но возможны здесь, наверное, и смешанные формы: часть земли — за государством, часть — в частной или коллективной собственности.

В торговле, обслуживании, кустарной и мелкой легкой промышленности возможна и полезна, разумеется, частная и кооперативная инициатива (в конкуренции с коллективными предприятиями).

* * *

Наконец, важно отметить, что государственное расширенное воспроизводство самоуправляющегося сектора делает всю систему открытой для любой эволюции.

Если, например, частные или кооперативные предприятия будут так преуспевать, что смогут и капитал растить (вести самостоятельное расширенное воспроизводство), и платить своим наемным рабочим больше, чем будут зарабатывать рабочие на самоуправляющихся предприятиях, тогда, возможно, рабочая сила начнет течь и перетекать в частный сектор, и он начнет обгонять в развитии сектор групповой. При этом развитие капитализма будет идти достаточно медленно и плавно, чтобы не породить анархии и всех других негативных явлений молодого капитализма.

Другое дело, что это вряд ли произойдет. Многолетняя уже практика существования самоуправляющихся групповых предприятий на Западе (о которых подробнее речь пойдет в следующей главе) показывает, что рабочие на этих предприятиях зарабатывают больше, имеют лучшие условия, и самоуправляющийся сектор на Западе растет.

Важный вопрос: существует ли где-либо какой-то прообраз описанного выше механизма расширенного воспроизводства? Существует — в больших капиталистических корпорациях, разбитых на самостоятельные филиалы.

У Терещенко, бывшего американского экономиста, вернувшегося в СССР, я прочел поучительную историю трансформации предприятия Форда. Его "империя" с некоторых пор по непонятным причинам начала становиться нерентабельной. Никакие меры не помогали. В конце концов были приглашены специалисты по научной организации труда и управлению. Обследовав "империю", они пришли к выводу, что единственная причина падения рентабельности заключается в ее размерах, затрудняющих обратные связи и "местную" инициативу. Они рекомендовали разделить фирму на ряд самостоятельных филиалов,

вплоть до конкуренции между ними, оставив за центральным правлением в основном лишь вопросы расширенного воспроизводства и "внешней" торговли. Форд последовал их совету и спасся от разорения. Иными словами, он допустил рыночную конкуренцию между филиалами.

Здесь мы ясно видим расслоение конкуренции на рыночную и агрессивную. Конкурируя во всем, филиалы не могут лишь конкурировать в самостоятельном расширении, в накоплении капитала, не могут съедать друг друга. Агрессивную конкуренцию с внешним миром продолжает вести общий капитал Форда.

Расширение этой модели на все общество и дает в сущности экономическую структуру самоуправления.

Впрочем, точнее будет сказать *сужение*, ибо крупные корпорации действуют в международном масштабе. Агрессивная конкуренция заставляет их рыскать по всему свету в поисках мест для капиталовложений.

Для принятия решений (о капиталовложениях) им приходится изучать конъюнктуру мирового рынка! Но справляются — (хотя и не без ошибок!) с помощью компьютеров и современных методов экономической математики.

В обществе самоуправления у государственных органов, ведающих капиталовложениями (расширенным воспроизводством), задачи окажутся проще, так как район их действий, как правило, будет ограничиваться рынком страны. Кроме того, в обществе самоуправления предполагается сильно развитое региональное самоуправление, и существование, соответственно, региональных органов для капиталовложений в своем регионе, исходя из местных нужд.

Ну и не забудем, что в обслуживании, торговле и легкой промышленности будет действовать частная инициатива, с возможным преобладанием в двух первых отраслях.

В заключение вспомним для сравнения, в чем Ленин видел примеры "созревания нового общества в недрах старого". В образе централизованной почты или прусского

казарменного госкапитализма! Это логично вытекало из его представлений о социалистическом обществе, "организованном как одна контора и одна фабрика с равенством труда и равенством оплаты." ("Государство и революция")

* * *

В вопросе о расширенном воспроизводстве среди сторонников и теоретиков самоуправления существуют серьезные разногласия. А именно, существует мнение, что расширенное воспроизводство должно быть все-таки главным образом делом самоуправляющихся предприятий, т.к. государственные власти, мол, не смогут его осуществлять достаточно оперативно и эффективно.

На этой точке зрения стояла группа чехословацких реформаторов во главе с Ота Шиком. "Следовало дать возможность промышленным предприятиям, — говорил Ота Шик в одной из лекций*, — за свои средства самим открывать новые предприятия."

Для сдерживания гонки в накоплении капитала и смягчения эксплуатации наемных рабочих Шик предлагал установить в законодательном порядке твердое соотношение в распределении доходов самоуправляющихся предприятий на накопление (расширенное воспроизводство) и на потребление (зарплата, социальные нужды и т.д.).

В 1974 г. я имел дискуссию на эту тему с Ота Шиком и высказал мнение, что в условиях демократии, свободного рынка и региональной автономии государственное расширенное воспроизводство может быть вполне эффективным, сослался на успешную практику централизованного капиталовложения в гигантских концернах.

Мы с Шиком конечно не убедили друг друга. И хотя я знал, что не все чешские экономисты-реформаторы были согласны здесь с ним, я все же чувствовал себя не очень уверенно: смущал авторитет Шика. И потому я был осо-

* "Грани", № 86, 72 г., ФРГ.

бенно рад увидеть через 7 лет, в 1981 году, что в программе "Солидарности" под названием "Направление деятельности" (в разделе о самоуправлении) четко значилось: "Государственные власти должны выделять средства для создания новых рабочих мест."

Отвергнута была и система акций — одного из главных средств частного, капиталистического расширенного воспроизводства. То есть авторы программы "Солидарности" блокировали возможность капиталистической трансформации самоуправляющихся предприятий.

Отметим попутно поразительную нелогичность живой жизни по сравнению с логикой наших завзятых антикоммунистов: "католическая" "Солидарность" оказывается левее коммунистов-реформаторов, возглавляемых членом политбюро ЦК КПЧ Ота Шиком!

Но вернемся еще раз к сути дела. Альтернативой государственному расширенному воспроизводству, как мы уже отмечали, может быть только капиталистическое развитие, пускай и более мягкое, сбалансированное и постепенное в случае устанавливаемого законом соотношения между накоплением и потреблением. (Я уж сейчас не говорю о том, сможет ли на практике работать такое законодательство!) И система в этом случае не будет открытой для соревнования различных экономических укладов (группового, капиталистического, государственного), ибо у молодого поколения не будет иного выбора, как идти в наемные работники на самостоятельно, экстенсивно расширяющиеся предприятия, коллективные или частные. Возникнет дикая картина: люди старшего поколения будут работать на самоуправляющихся предприятиях, богатеть, пользоваться всеми благами внутренней демократии, а младшие поколения, дети, ничего этого как правило иметь уже не будут. Поздно родились!

Разумеется, открытой система не станет и в том случае, если государство, занимаясь расширением группового сектора, будет каким-либо способом подавлять самостоятельное расширение предприятий (если оно окажется вдруг возможным). Но в условиях демократии

общество способно этого не допустить.

Пойдем дальше в исследовании и конструировании структуры общества самоуправления.

@ **Доверительная централизация.**

При тоталитарном государственном социализме господствующий метод руководства "народным" хозяйством — "демократический централизм". Как мы уже говорили, точнее будет назвать его — *дисциплинарным централизмом*, когда приказ сверху, из Центра — закон для подчиненного. (Важнее законов государства!)

Очевидно, такая централизация в обществе самоуправляющихся коллективов может сохраниться лишь в государственном секторе народного хозяйства (связь, энергетика и т.п.), находясь, конечно, под контролем законодательных и судебных органов.

Что же касается отношений между государством (правительством) и самоуправляющимся сектором, то тут дисциплинарная централизация должна быть заменена централизацией, которую можно назвать *координационной, доверительной*.

На основе изучения рынка и в интересах оптимального производственного баланса (а также учета всех других нужд всего общества) государство будет давать *советы* коллективным предприятиям относительно желаемого ассортимента и объема их производства. И у коллективов будут все основания *доверять* советам государства, так как благосостояние государственного бюджета будет зависеть от благосостояния коллективов: чем выше будут доходы коллективов, тем полнее — проценты подоходного налога, взимаемого государством.

Кроме советов (и целенаправленного капиталовложения, государство сможет влиять на экономическое положение и развитие и с помощью ряда других методов, применяемых сейчас в буржуазнодемократических странах, но не связанных с интервенцией государства в экономику.

@ Политическая структура.

Тут возникает новое условие соответствия — государство должно быть объективным посредником, судьей и одновременно исполнителем воли большинства коллективов.

Следовательно, выборы в контрольно-законодательный орган власти должны проводиться по *производственному* принципу (в сельских местностях — по территориальному). Этот орган должен быть Советом Представителей различных коллективов, не только производственных, но и всех остальных: научных, конструкторских, гуманитарных, студенческих, профсоюзных и частного кооперативного сектора.

Институт *постоянных*, профессиональных, представителей (парламентариев) будет, очевидно, ликвидирован. Представители от коллективов и ассоциаций будут выбираться в законодательные органы *лишь на один срок*. Постоянных, профессиональных, "представителей" можно называть таковыми только в кавычках. Со временем они неизбежно теряют понимание интересов своих избирателей, начинают штамповать свой подход к решениям, приобретают кастовые интересы, становятся над обществом и избравшими их коллективами, и никакая "ленинская зарплата", равная зарплате рабочего, от этого процесса не спасает.

Ограничение (одним сроком) пребывания в законодательном органе резко расширит потенциальные возможности для большого числа людей быть избранными в него. Учтем тут, что значительно возрастет вес и региональных законодательных собраний.

Важно при этом не забывать, что навыки к представительской, парламентской деятельности в обществе самоуправляющихся коллективов будут воспитываться у очень большого числа людей, что называется, с пеленок, т.е. с работы в органах самоуправления в своих трудовых коллективах.

Профессионалы (профессиональные политики) будут необходимы в исполнительных органах государственной власти (как специалисты — в дирекции предпри-

ятий и учреждений!). Но и здесь, вероятно, будут ограничения по времени пребывания у власти. Будет преобладать вертикальное перемещение кадров, а не горизонтальное, как в авторитарных государствах. Исполнительные органы должны избираться, очевидно, на отдельных выборах по территориальному принципу, и кандидаты — выдвигаться политическими партиями.

Дополнительными гарантиями против бюрократизации и авторитаризма исполнительной власти может служить вертикальное разделение государственной машины на три независимые секции (на три государства в государстве) со своими законодательными и исполнительными органами, со своим бюджетом. А именно, на:

"политическую" секцию, в ведении которой будет охрана порядка, границ, природы, внешние отношения и т.д.;

хозяйственную — расширенное воспроизводство, налоги, кредит, государственные предприятия и учреждения и т.д.;

научно-культурную — наука, образование, масс-медиа, литература и искусство.

Кроме дополнительной децентрализации, это может способствовать и увеличению компетентности руководства. Между прочим, такое вертикальное разделение управления государством соответствует идее Рудольфа Штейнера о трехчленном делении общественного организма.

Разумеется, совершенно независимыми должны быть и судебные органы и институты Верховного Суда для контроля за соблюдением законов и Конституции.

@ Проблема партий.

Законодательная власть в обществе самоуправления неизбежно окажется *беспартийной* по своему характеру.

Депутаты законодательных собраний могут, конечно, быть членами каких угодно партий, но свободные самоуправляющиеся коллективы никогда не допустят, чтобы их представители защищали чьи-либо интересы, кроме интересов избравшего их коллектива. И партийная принадлежность будет играть очень маленькую роль, если не

нулевую, при выборах в законодательные органы. Маловероятным будет даже случайное преобладание людей какой-либо одной партии в законодательных органах, учитывая ограничение (одним сроком) пребывания депутатов в этих органах.

По партийному принципу должны будут формироваться лишь исполнительные органы власти, т.к. во главе их должны стоять специалисты, профессиональные политики. И поэтому кандидаты в исполнительные органы власти будут выдвигаться партиями. Иным образом выявить людей, подходящих для возглавления исполнительной власти, очень трудно.

Кроме того, члены правительства не должны защищать интересы каких-либо отдельных трудовых коллективов, в которых они ранее состояли. Они должны руководствоваться интересами всего общества, каковые будут определяться и формулироваться волей, голосами большинства депутатов контрольно-законодательных органов (в данной схеме — беспартийным советом представителей различных коллективов и ассоциаций).

В целом роль партий в жизни общества самоуправляющихся коллективов будет, как видим, значительно уменьшена.

В будущем мыслимо и полное "отмирание" партий, место которых могут занять научные группы (клубы) или институты. Они могут предлагать стране или парламенту (Совету представителей самоуправляющихся коллективов) свои программы и методы решения проблем и выдвигать на выборах кандидатов в правительство для реализации своей программы. Сейчас ведь тоже программы серьезных партий разрабатывают за кулисами группы экспертов.

* * *

Среди сторонников самоуправления по вопросу о партиях существует и два других направления. Одно — за обычную многопартийную систему, другое — за целиком беспартийную. Ота Шик в своем франкфуртском докладе

по этому поводу говорит следующее:

“В нашей среде было два направления: одно стремилось только к плюрализму (больше количество политических партий), а другое — должен сказать, что я принадлежал к нему и защищаю его и сегодня, — пыталось искать нечто новое. Мы считали, что форма политических партий — это старое, отжившее, что уже и на Западе она себя не оправдывала. В сущности во всех партиях все решает небольшая группа, масса же рядовых членов фактически на политику партии не имеет никакого влияния. Партии — это в каком-то смысле такие институты, где отдельные люди делают себе политическую карьеру. Партийная система — это не та система, которая могла бы обеспечить то, к чему мы стремимся, а именно: эластично объединять группы людей с общими интересами (которые могут быть долговременными или кратковременными) для достижения определенных целей, после чего люди могут свободно расходиться. Мы стремились создать более гибкую систему плюрализма. В этом направлении, если вы заметили, уже делались шаги в народном фронте. Мы пытались провести это на практике, и через народный фронт придти к различным организациям: молодежным, культурным, общественным; к самым разнообразным группировкам, связанным общими интересами и добивающимся осуществления той или иной идеи общественного развития.”*

Я прежде тоже почти полностью стоял на подобной позиции, что и отражено в книге “Свобода, власть и собственность” и в более ранних моих работах.

Но в результате дискуссий со сторонниками многопартийной системы и более углубленного обдумывания вопроса я пришел к “компромиссной” или синтезной модели, изложенной выше.

Как видит читатель, она построена не на оценочных суждениях — хороши партии или плохи, — а на принципе соответствия политической структуры характеру и потребностям общества самоуправляющихся коллективов.

* “Грани”, № 86, 1972 г., ФРГ.

Подтверждение верностисинтезной модели я вижу в политической системе США.

Действительно, США — страна наиболее развитого регионального самоуправления (штатов, городов). И в результате избиратели заинтересованы в том, чтобы их делегаты в Конгрессе представляли и защищали более всего интересы их региона, а не интересы каких-либо партий. В США выборы в Конгресс проходят не столько по партийному принципу, сколько по доверию, которое внушает личность и личная программа кандидата как *представителя* города или штата. Вследствие этого депутаты Конгресса слабо связаны партийной дисциплиной. Почти по любому вопросу одни депутаты — члены демократической партии объединяются с депутатами — республиканцами против временного объединения других демократов с другими республиканцами. Конгрессмены руководствуются более волей своих избирателей и своим пониманием проблем, нежели мнением руководства своей партии. Таким образом, законодательная власть в США имеет весьма выраженный беспартийный характер.

В то же время исполнительная власть в США вполне партийна. Кандидаты в Президенты выдвигаются партиями и избираются на отдельных выборах. Затем сами подбирают остальных членов исполнительной власти — правительства. То есть правительство не формируется парламентом, Конгрессом и не зависит от игры голосов в Конгрессе, как это имеет место в Европе. Конгресс контролирует деятельность правительства, принимает законы и имеет процедуру, позволяющую лишить полномочий любого члена правительства, включая Президента (“импичмент”) в случае нарушения им законов и Конституции.

И наконец, Президент США и, следовательно, его администрация, правительство, не имеют права оставаться у власти более двух сроков. Там, где есть самоуправление, имеется и повышенная заинтересованность в том, чтобы исполнительная власть не становилась над обществом!

Отметим также, что принцип сочетания партийного правительства с беспартийным парламентом открыва-

ет и более широкую дорогу для эволюционной демократизации тоталитарных социалистических стран. Если произойдет демократизация коммунистической партии (под давлением, разумеется, общественности и объективных обстоятельств), то до образования других достаточно мощных и авторитетных партий с опытным руководством исполнительная власть может оставаться в руках коммунистической партии, но под контролем беспартийной по своему характеру законодательной власти, состоящей из избранных по производственному принципу представителей предприятий и учреждений, а также объединений однородных мелких трудовых коллективов, колхозов, совхозов и т. д.

* * *

А теперь волнующий вопрос: что говорится по поводу политической структуры в программах "Солидарности" по самоуправлению?

Говорится там об этом, естественно, немного (нельзя гусей дразнить!), но говорится. В программе, называющейся "10 условий возрождения и деятельности самоуправления трудящихся", — *десятое условие*: "Создание Палаты Самоуправления (второй палаты) Сейма, что является условием, обеспечивающим рабочим Советам и другим органам общественного самоуправления *непосредственное* влияние на принятие общегосударственных хозяйственных решений."

Ясно, что эта палата в соответствии с ее назначением должна формироваться из представителей самоуправляющихся коллективов, наделенных директивными мандатами защищать интересы избравших их коллективов. То есть эта вторая палата Сейма должна быть беспартийной по характеру!

И, разумеется, если большинство предприятий в стране будет самоуправляться, то эта вторая палата станет первой по значению.

@ Судьба профсоюзов.

Их роль, очевидно, уменьшится еще сильнее, чем у партий.

В самоуправляющихся предприятиях или учреждениях никаких профсоюзов естественно не останется. Надобность в них сохранится лишь там, где будет сохраняться наемный труд: в государственном, частном и кооперативном секторах.

Исчезнет, разумеется, в самоуправляющемся секторе и необходимость в забастовках и, следовательно, исчезнет серьезная статья материальных потерь (при капиталистическом производстве).

@ Армия и органы охраны порядка.

В самоуправляющемся обществе должен быть изменен способ формирования армии и органов охраны порядка. Регулярная армия (за исключением пограничных войск, и технических) должна быть, очевидно, заменена отрядами народной гвардии. Опыт тут уже имеется большой.

Такой принцип формирования армии будет иметь и психологический эффект: даст людям дополнительную уверенность в нерушимости их прав и хорошую гарантию от всяческих "генеральских" авантюр.

В то же время органы охраны порядка — полиция или милиция — должны будут формироваться по принципу нынешних регулярных армий, то есть путем срочного призыва. Профессиональная полиция (милиция) неизбежно отчуждается от народа. Да и вообще нет ничего более бессмысленного и пагубного для нравственности человека, чем профессия надсмотрщика над людьми!

Принцип "сегодня я надсматриваю, а завтра — ты" будет чрезвычайно благотворно сказываться на развитии сознательной дисциплины и уважения к законам.

Исчезнет традиционная вражда между народом и полицией, доходящая до ненависти в тоталитарных странах.

Принцип "вооруженного народа" был, как известно, взят на вооружение марксизмом. И сами же марк-

систы в СССР в первую очередь отказались от него.

Иначе и быть не могло в условиях госкапитализма, который как никакой другой строй нуждается в свирепом подавлении народа.

@ **Институт решающего голоса.**

Последним по порядку, но не по важности, является Институт Решающего Голоса. Мы рассматриваем этот пункт в конце, так как в начале, до рассмотрения других принципов и устоев самоуправления, он мог бы показаться утопичным.

В самоуправляющемся обществе *каждый гражданин по достижении определенного возраста должен иметь решающий голос* в делах всех объединений, членом которых он состоит: района, города, области, государства, а также предприятия (учреждения), где он работает, если оно самоуправляющееся.

Соответственно гражданин должен иметь право на выступление в любых органах власти или в их официальных печатных органах; право постановки на обсуждение какого-либо предложения; право требовать создания комиссий или проведения всенародного (или регионального) референдума по какому-либо вопросу.

Для реализации этих прав (и защиты против злоупотреблений ими) необходимо будет, разумеется, разработать определенную процедуру предварительного обсуждения и утверждения индивидуальных инициатив на низших уровнях.

Конечно, в налаженном самоуправляющемся обществе необходимость такого вторжения рядовых граждан в работу государственных органов будет не частой. Но здесь опять же чрезвычайно важны *возможность и право* на такое вторжение, что вместе с другими правами, возможностями и установлениями будет создавать психологическую атмосферу уверенности людей в реальности своей свободы-власти, атмосферу сопричастности, ответственности и неотчужденности от хода жизни общества.

Для оперативной реализации решающего голоса и всех других демократических процедур обсуждения и ре-

шения различных вопросов уже современная техника связи и подсчета дает достаточные возможности. Легко представить себе, например, что в каждом коллективе (или в его достаточно большом подразделении) можно будет установить стационарное и всегда готовое к действию оборудование селекторной связи с другими коллективами и со всеми инстанциями власти (как контрольно-законодательной, так и исполнительной): телетайпы, телеустановки и т.д. И при них — машины для голосования, связанные в одну сеть с центральной станцией подсчета голосов.

Такая система связи и подсчета сделает легким и оперативным любое обсуждение.

Право решающего голоса за каждым членом общества во всех касающихся его делах и во всех организациях, членом которых он состоит, необходимо рассматривать и как правовую формулу (суть) самоуправления, и как неотъемлемое основополагающее право истинно свободного человека.

Все остальные ныне декларируемые права человека без права решающего голоса не могут быть полностью гарантированы и по-настоящему действенны.

Описанная выше приблизительная модель самоуправления общества является логическим следствием права решающего голоса и одновременно суммой средств для его реализации.

И верится, что настанет время, когда люди осознают органичность, законность и неотъемлемость этого своего права. Осознают его и как свое главное право, и как главный признак истинной демократии.

Верится, что право решающего голоса будет стоять во главе Декларации прав человека.

* * *

В заключение этого обзора — ряд дополнений.;

⊗ **Абсолютная дисциплина и условная.**

Нынешняя абсолютная дисциплина является, как мы уже отмечали, совершенно нетерпимой и с нравственной точки зрения. Если мы ясно еще не осознаем этого,

то все по той же причине, что не верим в возможность порядка, при котором абсолютная дисциплина станет ненужной.

Но если вдуматься, что может быть безнравственнее, чем когда один человек (да еще в течение всей жизни) распоряжается судьбой другого человека, да подчас еще судьбой его семьи, его детей. Когда он может безнаказанно оскорблять, унижать, травить, понижать, выживать своих подчиненных; может (и часто вынужден) не считаться с их самыми человеческими просьбами и желаниями, с их положением и с их мнением.

В то же время — этот человек вынужден сам бегать "на полусогнутых" перед своим начальством!

И как же тут все изменится, когда, руководя своими товарищами и коллегами, человек будет знать, что завтра он окажется в их положении. Как быстро тут научатся люди, с одной стороны, не упиваться, не злоупотреблять властью, а с другой — добросовестно выполнять поручения и приказы, которые к тому же будут отдаваться во исполнение принятых всеми решений, в общих интересах. Легко будет отдавать такие приказы и руководить. Исчезнет проклятая стена, которая вмиг отделяет тебя от твоих бывших товарищей, как только ты становишься начальником. Исчезнет неизменная скрытая враждебность, настороженность, подозрительность.

Только когда спадет с плеч людей абсолютная дисциплина, они осознают, какую тяжесть носили. Дисциплину в самоуправляющихся коллективах можно будет назвать *условной*. Люди в сущности будут *улаиваться* о посменном распределении на роли начальников и подчиненных для успешного исполнения и реализации общих решений и интересов.

Принцип временного пребывания на руководящих постах (на всех уровнях) является, важнейшим для самоуправления наряду с принципом пресечения агрессивной конкуренции. Современные сторонники самоуправления стоят не за то, чтобы каждая кухарка могла управлять государством, а чтобы им (и заводом, институтом и т.д.) не управляли одни и те же люди бессменно.

© Гигантские предприятия.

Могут спросить, а что делать с крупными предприятиями, на которых очень трудно наладить самоуправление?

Во-первых, не так уж трудно. Оно может быть там ступенчатым, по отделениям, цехам. Во-вторых, такие предприятия часто можно будет разделить на самостоятельные производственные единицы.

Наконец, важно понимать, что укрупнение заводов не диктуется потребностями развития производительных сил, особенно в условиях нынешней технотронной революции. На Западе укрупнение диктуется в основном требованиями агрессивной конкуренции. А при госкапитализме — нехваткой капитала. Один гигант дешевле построить, чем несколько средних заводов в разных местах.

Как пишет Олдос Хаксли ("Наука, мир и свобода"), исследования экономистов показали, что выигрывает в себестоимости производства на гигантских предприятиях перечеркивается не только затруднением обратных связей, но и возрастающими затратами на транспортные и перевалочные операции по доставке сырья к заводам и продукции — к потребителям. Не говоря уже о том, что гигантские заводы и коллективы угнетающе действуют на психику людей.

© Развитие техники.

До недавнего времени большинство людей в мире не осознавало, что в развитии техники и технологии могут быть совершенно разные направления. Теперь многие уже стали требовать такого развития техники, которое не приносило бы ущерба окружающей среде и человеку.

Но слишком мало людей еще осознает, что в развитии техники возможны три пути.

На "втором пути" развития техники, наиболее гуманном на сегодняшний день, конструкторы думают лишь о том, чтобы техника и технология не приносили вреда здоровью людей и, создавая определенные удобства работникам, способствовали увеличению производительности их труда. То есть, производительность (а также рентабельность техники) все-таки остается во главе угла. И в

системах, где накопление капитала, частного или государственного, остается самоцелью, иного подхода и быть не может. Да и как бы конструктор ни стремился учесть интересы работников, он никогда не сможет осознать их так, как сами работники!

В обществе же самоуправления, когда работники будут иметь решающее слово в определении исходных данных проектирования и в одобрении проектов и опытных образцов, начнется развитие совершенно новой техники и технологии.

Определять такое развитие техники будут следующие очевидные цели:

а) интеллектуализация труда, стремление к максимальному вытеснению канцелярского и физического труда или, по великолепному определению Андрея Платонова, труда повторительного, самого тяжелого для человека — существа, обладающего творческим Разумом;

б) забота работников о своем здоровье;

в) ну и конечно — забота об окружающей среде.

Между прочим, необходимость в повторительном канцелярском труде значительно уменьшится с ликвидацией гигантской централизованной машины госкапитализма и разукрупнении многих предприятий и учреждений.

Не нужно, думаю, доказывать, как важно подобное развитие техники и условий труда для все той же цели — защиты человека от страха перед временем, для все большей удовлетворенности все большего числа людей своей жизнью.

* * *

@ Каким именем можно назвать описанный выше строй-путь? И можно ли назвать его социалистическим строем?

”Вопрос этот, думаю, решится историей”, — писал я в книге ”Свобода, власть и собственность”.

Прошло всего лишь 4 года с момента издания книги (с 1977 по 1981 годы) — ”Солидарность” начала борьбу за самоуправление, и похоже — история уже решила этот

вопрос. Лех Валенса и ряд других активистов "Солидарности" не раз уже употребляли словосочетание "социалистическое самоуправление".

Я раньше к укладу самоуправления применял понятие "третий путь". И в известном смысле это, конечно, третий путь по отношению к реальности сегодняшнего дня. Путь синтеза, но одновременно, стало быть, это и продолжение того единственного пути, по которому идет человечество с доисторических времен — пути развития гуманизма, демократии, повзросления, а можно сказать и очеловечивания человечества.

Строй самоуправления, каковы бы ни были наши эмоции, является социалистическим: и потому, что он предполагает коллективное (групповое) владение средствами и продуктами производства, и потому, что он утверждает *на деле* социалистический цикл (формулу) в экономике: Т — Д — Т (товар — деньги — товар), т.е. ставит во главу угла интересы человека, а не капитала. Вот если бы расширенное воспроизводство было функцией самоуправляющихся коллективов, то такое самоуправление надо было бы назвать капиталистическим.

Итак, социалистическое самоуправление. Когда же исчезнет с лица земли тоталитарный социализм, страны самоуправления наверняка начнут называть просто социалистическими, без каких-либо прилагательных.

Но пока что важно осознавать, что модель общества самоуправления и групповой собственности принципиально отличается от всех ныне существующих видов социализма, для которых характерна в той или иной степени или форме интервенция государства в экономику и усиление госкапитализма.

@ **две диалектические триады.**

На международном конгрессе сторонников самоуправления (конгресс "Третий путь", Ахберг, ФРГ, июль 75 г.) у меня состоялась дискуссия с Яковом Шером. Он считал, что должен быть сформулирован один основополагающий принцип для каждой системы, из которого все остальное вытекало бы с неизбежностью. Таким принци-

пом, например, для ленинского социализма является всеобщая национализация, из которой с неизбежностью вытекают все ее следствия, вплоть до сталинизма.

Для самоуправления таким главным принципом Шер считал "самособственность" (то, что я называю групповой собственностью) и возражал против каких-либо еще дополнительных принципов, вроде государственного расширенного воспроизводства или предлагаемого Ота Шиком законодательного регулирования доли потребления и накопления. Все это, утверждал Шер, умаляет и ограничивает свободу самоуправления.

Я же возражал ему, что без таких ограничений "самособственность" трансформируется в первобытный анархический капитализм и т.д., и не понимал, как можно этого не понимать!

Но любая дискуссия приносит пользу. Я почувствовал, что в требовании Шера есть рациональное зерно. Государственное расширенное воспроизводство необходимо, чтобы не допустить коллективы до агрессивной конкуренции. И тут я увидел, что можно сформулировать один основополагающий экономический принцип самоуправления: *рыночная конкуренция*; а вслед за этим — что можно по-новому сформулировать и диалектическую триаду, положив в основу не формы собственности, а *формы конкуренции*. Действительно, не формы собственности, как мы привыкли считать, а формы конкуренции определяют три обсуждаемых нами уклада — капитализма, государственного капитализма и самоуправления — тезиса, антитезиса и синтеза.

Агрессивная конкуренция наиболее полно и однозначно определяет капитализм.

Рыночная же конкуренция определяет с неизбежностью все описанные выше принципы и институты самоуправления: групповую собственность, государственное расширенное воспроизводство, новый тип государства и т.д.

Но какова форма конкуренции при госкапитализме? Сам госкапитализм утверждает, что он вообще уничтожает конкуренцию. (Социалистическое соревнование — столь

же реальное понятие, как и социалистический реализм.) Но жизнь без конкуренции немыслима. И на мой взгляд, государственный капитализм порождает конкуренцию *административную*. То есть, конкуренцию между администраторами за лучшее выполнение планов и указаний свыше, или точнее, за более ловкий обход их под напором сиюминутной экономической необходимости (необходимости затыкания брешей). Или еще проще — за "красивые" цифры в отчете, за "накопление" цифр.

И если для агрессивной капиталистической конкуренции характерен лозунг: "деньги не пахнут", то для административной: "цифры не пахнут".

Таким образом, диалектическая триада приобретает следующий окончательный вид: агрессивная экономическая конкуренция — административная — и вновь экономическая, *рыночная*, конкуренция.

@ Как пришел я к идеям самоуправления?

Помню, как одна знаменитая диссидентка, эмигрировавшая много позже меня, сказала: "Я видела в России вашу книгу ("Свобода, власть и собственность"), но не читала. Меня эти вопросы уже давно не интересуют!" Эта женщина, как и большая часть советских диссидентов, эволюционировала в эмиграции в направлении "религиозно-духовном" (а заодно и антидемократическом: "авторитарно-националистическом"). И под э т и м и она подразумевала вопросы "материалистические", "заземленные" (экономика, социология и т.д.).

Я ничего не сказал ей, а про себя подумал: так ведь я-то пришел к "этим вопросам", наблюдая за кошмарными условиями жизни людей в России и думая о том, что можно сделать. Мне самому приходилось достаточно страдать от этой жизни, и в материальном, и еще более в моральном плане, однако, когда я из привилегированной Москвы попадал в провинцию, в Россию, ужас безысходности охватывал меня всякий раз, и еще долго мучал вопрос, как и отчего могла случиться такая жизнь в великой и богатейшей ресурсами стране, и что тут можно сделать?

Подталкивало эти раздумья вероятно и то обстоятельство, что отец мой был в прошлом революционером, большевиком, притом из пролетариев. Сначала был матросом в русском и английском флотах, затем рабочим в США, самым "черным" рабочим, неквалифицированным. Там он уже приблизился к революции, примкнув к I.W.W. — "Индустриальные рабочие мира", первой в Америке рабочей, анархосиндикалистской партии; участвовал в первом походе безработных на Вашингтон — "голодном марше". Услышав о Февральской революции 17 года, отец кинулся на родину, в революцию, в большевики.

Естественно, опыт отца сильно повлиял на меня. В 16 лет я уже знал от отца всю подноготную борьбы за власть после смерти Ленина. "Анархисты были правы,— часто говаривал отец. — Вожди — это большое дерьмо! Вот они и погубили нашу революцию!" Я принял в себя и часть отцовской боли, и главный его вопрос: "Как же это случилось, что все пошло совсем не в ту сторону?" И, наверное, часть ответственности отца за это принял на себя.

Далее, помогла мне и сама власть: не дала стать ученым-химиком из-за "пятого пункта", избавив тем и от последних сантиментов по отношению к строю. И сблизилась с народом: пришлось учительствовать в школе, притом в школе рабочей молодежи. Перейдя затем в журналистику, я много ездил по заводам и стройкам (ведь за плечами у меня было научно-техническое образование, и мне легче было разбираться в проблемах производства), находился все время в контакте с заводскими людьми, с "инженерно-рабочим" классом, как я его потом определил для себя.

И многих из этого "класса" интересовал тот же самый вопрос: "Что можно сделать?" Постепенно он стал главным моим вопросом. Большинство интеллигенции и диссидентов этот вопрос не занимал, особенно в той его "заземленной", плоскости, в какой он вставал передо мной и заводскими людьми. И не будь у меня с ними тесного общения, вряд ли пришел бы я к тому ответу на свой вопрос, который я здесь изложил.

Приходил к ответу постепенно, в течение многих лет.

Подталкивали смутные сведения о Югославии, более ошутимым толчком были венгерские и польские события 56 года — борьба рабочих и там и там за Рабочие Советы, за самоуправление.

Сильную поддержку дала мне статья Олдоса Хаксли "Наука, мир, свобода", которую я выше цитировал. Перевод ее ходил в самиздате, я наткнулся на него у биофизиков в Пушкинском академгородке где-то в середине 60-х годов. Олдоса Хаксли я считаю пионером современного обоснования системы самоуправления и ее значения как начала новой эры и спасения для человечества.

Очень помог Андрей Платонов своей "Потухшей лампой Ильича" и вообще глубоким проникновением в психологию и положение рабочего человека.

"Пражская весна" мне уже почти ничего не дала в сфере идей, кроме еще одного веского аргумента в пользу самоуправления как альтернативы тоталитарному социализму. К 68-му году основные идеи у меня уже сформировались, и я уже имел черновик книги, посвященной им, ради которой давно готовился к бегству на Запад. Первая работа о самоуправлении в завуалированной беллетристической форме — повесть "В почтовом вагоне" — была опубликована в 62 году в ж. "Москва".

У Льва Толстого Пьер Безухов, приехав из-за границы, делает в масонской ложе доклад о необходимости каких-то реформ. И с ужасом видит, что большинство с ним не согласно, а согласные понимают его мысли совершенно иначе, по-своему, на взгляд Пьера, неверно. Толстой видит в этом неизбежный человеческий удел и считает, что разум бессилён влиять на жизнь общества.

Или Достоевский. Сколько он живописал неизбывное человеческое стремление к своеволию!

Помню, как уже на Западе, один эмигрант язвительно шутил: "Ты стоишь за третий путь. А я за пятый, а он за 17-й!" То есть сколько людей, столько и путей.

И вдруг общество в Польше — а кто более славился гордостью и своеволием, чем поляки! — оказывается е д и н ы м по такому благодатному для разногласий вопросу, как конструктивная программа социальных преобразований!

Значит, когда речь идет не о забавах от безделья или утехах тщеславия, а о реальных жизненных интересах, тогда возможным оказывается и единодушие, и один путь для большинства.

Это как в технике. Сколько существует в мире конструкторов, скажем, автомашин, а все машины одного назначения в главном одинаковы. Конструкторы заинтересованы не в оригинальничаньи, а в том, чтобы их машины хорошо выполняли свою ключевую функцию: ездить и быть полезными людям.

Так и в нашем случае.

Глядя на ужасы и страдания, страдая и сам, я думал лишь о том, как должна быть устроена (или перестроена) советская машина, чтобы она могла, наконец, сдвинуться с места, везти людей, перестать быть душегубкой. Не думал при этом, что буду когда-нибудь свои мысли публиковать, и лишь обсуждал их осторожно с теми из друзей, которые непосредственно работали во чреве чудовищной машины госкапитализма — в промышленности. Им тоже было не до оригинальничанья и своеволия.

И вот через какое-то время выяснилось, что я пришел в главном к тем же решениям, что и далекие от меня "конструкторы" в Чехословакии и Польше.

ГЛАВА III

**РЕАЛЬНОСТЬ
САМОУПРАВЛЕНИЯ**

СПЕКТР МНЕНИЙ

“Главная задача, перед которой ныне стоит “Солидарность”, — добиться рабочего самоуправления на промышленных предприятиях.”

Лех Валенса

“Сам собою народ управлять все равно никогда не будет.”

Солженицын

“Разумеется, нам глубоко чужда такая трактовка самоуправления, которая тянет к анархо-синдикализму, к раздроблению общества на независящие друг от друга, конкурирующие между собой корпорации, к демократии без дисциплины, к пониманию прав без обязанностей.”

Юрий Андропов

“Основной вопрос современности заключается в том, ожидает ли человечество будущее в соответствии с моделью тоталитарного государства, описанной Орвелом, или же мир будет развиваться в направлении плюрализма, основанного на принципах самоуправления.”

“Солидарность” — это не только лозунг, не только один из героических периодов польской истории, но и доказательство того, что подлинные стремления современного человека направлены на построение нового комплексного общества, базирующегося на самоуправлении.”

*Збигнев Бжезинский, социолог;
в прошлом — советник президента Картера.*

В этой главе предлагается вниманию читателя важнейшие из документов и материалов о развитии в мире идей и практики самоуправления, собранных мною за время, прошедшее с момента опубликования книги "Свобода, власть и собственность" (1977 г.).

САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

"10 условий возрождения и деятельности самоуправления трудящихся".

Эта программа была первым дошедшим до меня из Польши документом, возвещавшим о том, что "Солидарность" начинает борьбу за самоуправление. Ею мы и откроем раздел.

Программа была разработана и опубликована в апреле 1981 г. отделением "Солидарности" Мазовии, центрального района Польши, включающего ряд воеводств, в том числе и Варшавское воеводство. Руководителем отделения был (и пока, видимо, остается) Збигнев Буяк, который после введения военного положения 13 декабря 81 г. стал одним из основателей и руководителем всепольской Временной Координационной Комиссии — руководящего органа подпольной "Солидарности".

"10 условий" представляются мне еще несколько сырой и необкатанной программой. Но это единственный имеющийся в моем распоряжении программный документ "Солидарности" о самоуправлении. Законопроект, предложенный позднее, накануне чрезвычайного съезда ПОРП (июль 81г.), на обсуждение общественности, партии и Сейма, значительно более отработан, однако, он уже "10-ти условий", т.к. ограничен рамками структуры самоуправления предприятия. По этой причине я помещаю его в приложении.

Итак, "10 условий возрождения и деятельности самоуправления трудящихся". (Программа дается в несколько сокращенном виде).

1. Коллектив предприятия является суверенным субъектом рабочего самоуправления, и только его ясно выраженная воля может быть основой возрождения самоуправления.

"Солидарность" заинтересована в возрождении рабочего самоуправления, поскольку оно необходимо: а) для обеспечения участия коллективов в управлении предприятиями, что не может быть функцией профсоюза; б) для выведения страны из тяжелого хозяйственного кризиса; и в) для общественного давления на власти с целью проведения подлинной экономической реформы. Однако создание Рабочих Советов должно быть делом самих коллективов предприятий, что требует солидной подготовительной работы.

2. Скорейшая ликвидация КСР (Комитетов рабочего самоуправления), созданных властями, является предварительным и непременным условием возрождения подлинного самоуправления трудящихся. Эти комитеты КСР, как показал опыт, были созданы для уничтожения, а не для развития рабочего самоуправления. Манипуляции партийных и административных органов (первый секретарь заводского парткома был председателем КСР) скомпрометировали эти комитеты в глазах рабочих.

3. При подлинном самоуправлении коллектив предприятия и избранный им (и только им) Рабочий Совет должны быть независимы в принятии решений.

4. Рабочее самоуправление невозможно без экономической автономии предприятия.

Органы, управляющие автономным предприятием, т.е. обладающим полной хозяйственной самостоятельностью, принимают решения по всем вопросам, за исключением тех, которые ясно и в конституционных рамках переданы в компетенцию центральных властей. Только в короткий переходный период автономия предприятий может быть несколько ограничена.

5. Профсоюзы являются организацией, призванной проводить работу, необходимую для создания рабочего самоуправления на предприятиях.

”Солидарность” может и должна стать прочной опорой для Рабочих Советов. Действуя согласованно с другими профсоюзными организациями, профсоюзы ”Солидарность” должны подготовить создание рабочего самоуправления путем разъяснения его принципов и значения, разработки временного устава и помощи в проведении выборов в Рабочие Советы таким образом, чтобы все группы трудящихся могли выдвигать кандидатов и были бы представлены в Советах.

6. Коллектив предприятия и Рабочий Совет определяют политику предприятия, т.е. принимают важнейшие решения по вопросам труда и развития производства.

Полномочия органов самоуправления включают: утверждение планов и программ развития; определение — по согласованию с профсоюзами — политики в оплате труда и социальном обеспечении на предприятии; контроль за деятельностью администрации.

7. Назначение и снятие директора должно производиться Рабочим Советом. Отбор кандидатов на должность директора желательно проводить по методу конкурса. Министр соответствующей отрасли имеет право выдвинуть возражения против сделанного выбора (или снятия директора).

В спорном случае дело решается путем переговоров или в арбитражном порядке. Распределение обязанностей между Рабочим Советом и директором, единолично руководящим производственным процессом, должно быть точно оговорено.

8. Право на получение информации — важнейшее право самоуправляющегося коллектива. Поддержание администрацией тесной связи с коллективом и немедленное информирование его о ходе дел на предприятии, о своей деятельности и планах является главным условием здорового функционирования рабочего самоуправления.

Доступ Рабочего Совета ко всем документам, отно-

сящимся к работе предприятия, является существенным условием контроля за деятельностью администрации. Средства информации на предприятиях (радиоузел, газета предприятия и т.п.) должны находиться в распоряжении Рабочего Совета.

9. Рабочие Советы различных предприятий должны иметь право координировать свою деятельность на местном и районном уровне.

Речь идет не о создании иерархии Рабочих Советов, а о возможностях обмена опытом и координации их действий, когда в этом возникает необходимость.

10. Создание Палаты самоуправления (Второй палаты) Сейма является условием обеспечения Рабочим Советам и другим органам общественного самоуправления непосредственного влияния на принятие общегосударственных и хозяйственных решений.

Создание Палаты самоуправления в Сейме будет содействовать развитию демократии в ее прямой форме, что также составляет и условие развития общественного самоуправления. Кроме того, это поможет поднять на более высокий уровень дискуссию в Сейме по экономическим проблемам и будет способствовать принятию более эффективных решений.

* * *

Прокомментирую ряд пунктов в этой программе.

Пункт 4. "Экономическая автономия" предприятий — это очевидное смягчение и упрощение термина "групповая собственность". Интересно, что бывший глава ПОРП С. Каня, употребил именно последний термин, критикуя законопроект "Солидарности" о самоуправлении на съезде партии в июле 81 г.

Пункт 5. Понимали ли авторы программы, что профсоюзы должны будут исчезнуть в самоуправляющемся секторе промышленности, т.е. на большинстве предприятий? Наверное понимали. "Солидарность" брала на себя таким образом роль партии, борющейся за установление строя самоуправления. Но если партия может продолжать

существовать и после установления самоуправления, то профсоюз, беря на себя ее роль, предопределяет себе судьбу гусеницы.

Пункт 7. "Средства информации... должны находиться в распоряжении Рабочего Совета". Немаловажное условие! Такие средства всегда принадлежат хозяевам!

О важном 10 пункте мы уже говорили раньше.

Раздаются, между прочим, голоса, что "Солидарности" не надо было начинать борьбу за самоуправление, что это переполнило, мол, чашу терпения Кремля.

Но у "Солидарности" не было другого выхода.

К весне 81 года люди в "Солидарности" начали понимать, что власти не способны вывести страну из кризиса, и следовательно у "Солидарности" не будет возможности добиться улучшения жизни для народа. Чтобы перераспределять блага (с помощью профсоюзов) в пользу трудящихся, необходимо, чтобы было что перераспределять, т.е. чтобы блага в достаточном количестве и качестве производились в стране. В противном случае будут лишь нарастать инфляция и хаос, а с ними будет расти и волна стихийных конфликтов и забастовок. ("Солидарность" уже с трудом их тушила.) И "Солидарность" ожидало бы неизбежное охлаждение к ней народа, которому она не могла бы дать никаких реальных улучшений и благ.

Так что на чисто профсоюзном пути у "Солидарности" не было шансов.

И эта неизбежность для независимых профсоюзов при национализированной промышленности добиваться самоуправления — следствие того общего положения, что строй социалистического самоуправления является единственным выходом из тоталитарного социализма.

Приведу ряд суждений о борьбе "Солидарности" за самоуправление, выявляющих различные грани этой борьбы и ее цели.

Ежи Милевский, *руководитель зарубежного координационного бюро "Солидарности"*. (Из интервью "Информационному бюллетеню" Международной Конференции Свободных профсоюзов", Брюссель, 25 марта 83 г.)

"Нас часто спрашивают, является ли "Солидарность" антисоциалистической или антикапиталистической организацией. Мы отвечаем, что ни то, ни другое не соответствует нашей позиции. Солидарность не ставит своей главной задачей выступление с негативными лозунгами и требованиями. "Солидарность" приняла конструктивную, позитивную программу. Вы можете увидеть в ней провозглашение борьбы за переход государственной собственности в коллективную собственность на основные средства производства. ... Правительство не должно действовать в качестве владельца народных средств производства. У нас в Польше так было сорок лет, и мы убедились, что государство является самым ужасным капиталистом из всех известных нам в современном мире.

С другой стороны эта программа отвергает централизованное планирование народного хозяйства. Мы стремимся к восстановлению рыночной экономики, свободного рынка. Но мы против возвращения предприятий в частные руки. Никто из польских рабочих не хочет продать частникам, например, Гданьские верфи. Мы хотим лишь восстановления роли денег в качестве мерил стоимости товаров, восстановления влияния свободного рынка на ценообразование и т.д. При этом профсоюз "Солидарность" не против того, чтобы кроме коллективных предприятий, т.е. предприятий управляемых трудящимися, существовали также и частные предприятия и частное земледелие. Мы требуем, чтобы все хозяйственные уклады пользовались равными правами и придерживались одних и тех же законов.

Как видите, все это включает в себя что-то из традиционного социализма и что-то из традиционного капитализма."

Северин Блюмштейн, редактор бюллетеня зарубежного Координационного бюро "Солидарности", выпускник факультета социологии польского Католического университета, член КОРа, бывший политзаключенный. (Из интервью ж-лу "Трибуна" № 3, 83 г., Париж, стр. 10.)

"Солидарность" — это левое движение, выросшее на идеалах христианства... Для "Солидарности" ясно, что надо забрать фабрики и заводы у партии. Но кому их передать? Всем (в Польше) понятно, что в промышленности частной собственности быть не может. За годы власти коммунистов некоторые идеалы социализма были восприняты народами, как например, социальное равенство. Поэтому все отвечали: хорошо бы, если бы рабочие сами распоряжались, решали... "Солидарность" — движение более левое, чем движение "гошистов" на Западе. Впервые в истории левая утопия могла бы стать реальной."

Из Петиции в Сейм в защиту самоуправления, подписанной 36-ю польскими учеными: социологами, экономистами, юристами:

"После многочисленных неудач при проведении экономических реформ в послевоенной Польше мы убедились, что успех на этом поприще могут обеспечить только: система самоуправления, возглавляемая Советами трудящихся, экономическая независимость предприятий от государства и независимые, плюралистические профсоюзы.

Органы самоуправления трудящихся должны быть движущей силой экономических реформ. Они должны стать силой, способной сломать сопротивление бюрократического аппарата проведению реформ.

...Мы глубоко убеждены, что общественное самоуправление во всех его формах является самым важным инструментом объединения польского общества. Никто не имеет права лишать общество этого инструмента, необходимого для поддержания общественных связей и развития у трудящихся чувства ответственности за судьбы страны и за свою трудовую деятельность."

Среди подписавших петицию известные польские уче-

ные: экономисты Лешек Бальцерович, Януш Бэксяк, Цезари Юзефяк, Ян Мунжель, Анджей Веловейски; социологи Ян Малановски, Ежи Шацки; юрист Ежи Стембрович.

Петиция была направлена в Сейм 14 мая 1983 г. Она содержала призыв обеспечить выполнение законов о введении самоуправления, принятых Сеймом 25 сентября 81 г. под давлением "Солидарности". Несмотря на то, что эти законы носят весьма половинчатый характер, польские власти заблокировали их проведение специальными указами после введения военного положения и не отменили эти указы после снятия военного положения 22 июля 83 года.

В завершение приведу высказывание со стороны.

Джером Карабель, социолог, Гарвардский университет, США:

"Вопреки обвинениям газеты "Правда" и надеждам, высказываемым газетой "Уолл-стрит Джорнал", "Солидарность" глубоко предана стародавним идеалам социализма. И ее программа, если она конечно будет претворена в жизнь, потребует предоставления рабочему классу таких прав, какими он не обладал прежде не только в социалистических, но и в капиталистических странах." ("Филладельфия Инквайер", 2 декабря 81 г.)

СОЛЖЕНИЦЫН, НТС И СОЛИДАРНОСТЬ

Не могу здесь не привести и высказывания одного из моих соотечественников — А.Солженицына. Высказывание из интервью с Бернадом Пиво.

Б.П: Но разве в Польше Лех Валенса не потерпел неудачу изнутри?

А.С: Нет, у него не неудача! У него удача, которая вам еще не зрима, вы не на тех отрезках времени следите. Вот как раз движение "Солидарности" и Леха Валенсы, это и есть одно из проявлений, как может Восток освободиться сам. Обратите внимание, это движение не имеет ничего общего с социализмом. И никогда уже Восточное освободительное движение не будет социалистическим. Социализм нам уже отвратен. Это движение может привести к освобождению. Но что сделала Западная Европа и мир на помощь "Солидарности" В общем-то ничего. В общем-то больше щадили польское правительство. Никакой реальной поддержки не было. Но несколько движение Валенсы не потерпело поражения! Поляки сейчас как раз показывают духовную победу, сплочение на христианстве и против социализма и коммунизма. Нет, я не вижу там неудачи.

("Русская Мысль", 1.11.84)

Несколько комментариев.

"... не имеет ничего общего с социализмом". Интересно было бы когда-нибудь узнать, сознательно ли в данном случае "жил по лжи" Солженицын, или глаза его просто не пропускали неудобной информации? Все это, как говорится, было бы смешно, когда бы в дополнение

русская пресса на Западе не проводила глухой блокады всех сведений о борьбе "Солидарности за самоуправление и о самоуправлении вообще".*

Надо отметить также: "У него удача", "движение Валенсы". Случайно так не скажешь, да еще неоднократно. Тут знакомое нам понимание "движущей роли личности" в истории".

И еще: "Никакой реальной поддержки не было".

До сих пор Солженицын и его единомышленники ругали Запад за малую помощь "русскому освободительному движению" (т.е. русским авторитарным националистами). Теперь начали поносить и за Польшу.

13 ноября, через две недели после публикации интервью Солженицына, периодические издания "Монд", "Таймс" и "Шпигель" — одновременно — опубликовали интервью с Адамом Михником. Вот его мнение, характерное для большинства поляков: "Какое колоссальное, замечательное движение солидарности с Польшей, с ее профсоюзом, какой поток помощи! Все поняли, что речь идет не только о будущем Польши, но всего европейского континента и даже других районов земли."

Действительно — идет непрерывный поток разнообразной материальной помощи; после 13 декабря 81 года — острые экономические санкции, продовольственная помощь (через церковь), сбор больших средств для фонда помощи крестьянам-единоличникам. Ну, а уж моральную поддержку мы, люди Духа, в расчет, видимо, и вовсе не берем! Истоиво верующий Солженицын забывает об избрании кардинала Войтылы на Папский престол, что сыграло огромную роль в рождении "Солидарности". Забывает о Нобелевской премии мира Валенсе, о помощи МОТ, международных профобъединений, правительств и общественных организаций? "Никакой реальной поддержки не было". Всякий раз, читая подобное у Солженицына, му-чаешься вопросом — как можно не понимать, что это

* Эту блокаду проводит не только пресса, контролируемая Солженицыным ("Русская Мысль", Вестник РХД"), но и пресса других консервативных, мягко говоря, групп русской эмиграции — "Континента", НТС и т. д.

чаешься вопросом — как можно не понимать, что это обескураживает людей в России, что это неопределимая поддержка режиму?

Коль скоро мы коснулись фальсификации польских событий в русской эмиграции, необходимо остановиться и на соответствующей деятельности эмигрантской организации "Народно-трудовой Союз" (НТС), которая отражена в его прессе — журналах "Посев", "Грани" и др.

В изданном "Посевом" сборнике: "Солидарность". 1980—1982." — не приводится ни одного программного документа "Солидарности" о самоуправлении или хотя бы цитат из них. Слово "самоуправление" упоминается 2-3 раза вскользь в перечислениях. В то же время доказывалось, что "Государственное мышление "Солидарности" и предлагаемые ею направления преобразований и весь подход к решению общественных проблем чрезвычайно близки к тому, что предлагает для России НТС — Союз русских солидаристов". (стр. 170—171)

Утверждается это, разумеется, совершенно гололовно, без каких-либо ссылок на документы "Солидарности".

НТС же предлагает для России (читаем там же): "структуру общества на основе групп населения, выполняющих определенные функции на службе всему обществу : например, сотрудники сфер здравоохранения, народного образования, средств сообщения, сельского хозяйства, важнейших отраслей экономики и т. п. В энциклике "Квадрагезимо анно" эти общественные группы названы *корпорациями*". (стр. 169) В такой корпорации сотрудничает "сообщество людей, объединенных общим служением одному делу, солидаризированных этим самым в одно общее 'мы'... сотрудничают представители разных видов физического и умственного труда." (стр. 169-170) То есть, от министра и его аппарата, администрации заводов (и хозяев в случае капиталистической системы) до рабочих и служащих предприятий внутри одной отрасли. Иными словами, в корпорациях объединяются работодатели с рабочими и требуется сотрудничество между ними, а не борьба за свои интересы.

Корпорации эти несовместимы, разумеется, с профсоюзами, объединяющими всегда и везде только рабочих и служащих для защиты их интересов от работодателей (частных или государственных), всегда стремящихся купить дешевле (в том числе и труд), а продать — дороже. Несовместимы корпорации и с самоуправлением предприятий, при котором они являются полностью независимыми ячейками общества, не входящими ни в какие другие структуры, кроме коммунальных и государственных структур.

На практике корпорации были созданы впервые итальянскими фашистами вместо разогнанных и запрещенных профсоюзов. Они должны были олицетворять единство всех слоев общества (внутри корпораций) в интересах Нации и Империи, и на деле означали полное закрепощение рабочих в интересах *расширения* Империи.

У испанских фашистов были соответственно фаланги, у немецких — трудовой фронт. Главное, построить людей в колонны и — вперед, под мудрым водительством партии!

НТС (именовавшийся в начале 30-х, при создании, "Национально-трудовым Союзом"), выступая за "единую и неделимую Великую Россию", естественно занял антидемократическую позицию — империя и демократия несовместимы — и взял в качестве своей социальной программы корпоративный строй Муссолини. Позднее, после гибели главных фашистских режимов и особенно при расцвете демократического движения в СССР, НТС, переименовавшись в "Народно-трудовой Союз", перестал упоминать о корпоративном строе. Вместо него в программе появилась расплывчатая "смешанная экономика" и прочая подобная эклектика. (Я писал об этом в книге "Свобода, власть и собственность".)

Но после разгрома демократического движения и перехода Солженицына в лагерь великорусского национализма, НТС, вновь воспрянув духом, выдвинул на свет прежнюю корпоративную программу, утверждая лишь, что взята она будто бы из "социального учения католической церкви", выработанного в 32 году (т.е. в период расцвета фашизма в Италии!).

И вот теперь НТС пытается доказать, что и "Солидарность" борется за корпоративную систему.

Фальсифицируется и расстановка политических сил в Польше. Наибольшим влиянием, согласно сборнику, в том числе и на рабочих, пользуется "Конфедерация польской независимости" (КПН) — радикально-националистическая (т.е. родственная НТС) группа. При этом авторы сборника комичным образом сетуют, что "к сожалению, КПН употребляет формулировки 'русское господство' и т.п., не проводя различия между народами России и его преступным правительством, политика которого противоречит российским национально-государственным интересам". (Между прочим, включавшим раздел Польши).

Наименьшим же влиянием, согласно НТС, пользуются в Польше социалисты, "имеющие сторонников лишь в части интеллигенции". (стр. 178-179)

Картина эта не имеет, конечно, ничего общего с действительностью. Наибольшим влиянием в "Солидарности", как мы видели, пользуются идеи и сторонники самоуправления, социалистического по своей сути (если критерием брать сумму прав человека и его положение в экономическом цикле). Среди сторонников самоуправления и большинство советников "Солидарности" из среды католической интеллигенции, и из знаменитого КОРа, возглавляемого Яцеком Куронем и Адамом Михником, и состоящем в большинстве из демократических социалистов.

Что же касается КПН и других радикальных, националистических групп, то их постигла участь, которая вероятно ожидает и соответствующие группы в русской эмиграции и в СССР: при появлении массового движения влияние их упало до минимума. При том, что у КПН есть все-таки почва в Польше — национальное угнетение, "русское господство".

О "социальном учении церкви". Я не знаю, что на самом деле говорилось в папской энциклике "Квадрагезимо анно" 32 года, но в энциклике "Занимаясь трудом" Папы Римского Иоанна-Павла 2-го, обнародованной в сентябре 81 года, которую я внимательно изучил и передавал

по Радио Свобода, нет и следов корпоративной системы, но зато утверждается необходимость профсоюзов и участия рабочих в управлении.

Наконец, в сборнике "Посева" присутствует, как и у Солженицына, характерный выпад:

"О Западе как действующей политической силе в этих (польских) событиях говорить не приходится. Освободительные движения всех поработанных коммунизмом стран должны с самого начала отдавать себе в этом отчет: *помощи от Запада ждать нечего*, нужно надеяться только на отстройку собственных сил." (стр. 154. Выделено мною — В.Б.)

НТС, в отличие от Солженицына, руководствуется здесь, думаю, не только ненавистью к Западу и великорусским эгоцентризмом, но и стремлением отучить людей в России от самой мысли обращаться за какой-либо помощью к Западу. НТС понимает, что помощь неотделима от влияния, что Запад будет помогать "отстраивать" не любые, а демократические силы.

НА ЗАПАДЕ

О существовании на Западе самоуправляющихся предприятий, принадлежащих трудовым коллективам, я знал и до опубликования книги "Свобода, власть и ответственность". Знал о существовании самоуправляющихся промышленных предприятий, а также школ, больниц в Зап. Германии, Голландии, Швейцарии, Англии, Испании, ну и конечно, в Израиле — мошавы. (Кибуцы — это уже коммунистическая формация). Однако сведения о них были очень скудными и туманными.

Но в 80-х годах западная пресса начала обращать больше внимания на самоуправляющиеся предприятия, на их успехи и рост численности. В дальнейшем, если судьба не помешает, я мечтаю поехать по самоуправляющимся предприятиям и ближе познакомиться с ними.

Сейчас же приведу ряд сведений (и примеров) о самоуправлении на Западе, ставших мне известными в последнее время из прессы.

Федерация самоуправляющихся предприятий в Басконии (Испания)

Согласно прессе, инициатором создания самоуправляющихся предприятий в Стране Басков был католический священник Аризменди Арриета. Население этой провинции, очень сильно пострадавшей во время гражданской войны, не могло рассчитывать на помощь государства в восстановлении экономики. Международное положение в годы начавшейся вскоре второй мировой войны также не оставляло надежд на иностранную экономическую помощь. Не могла развиваться в те годы и сколько-нибудь

значительная частная предпринимательская инициатива. Не было ни частных средств для капиталовложений, ни необходимых специалистов.

Учитывая все это, Аризменди Арриета пришел к выводу, что выходом из этого бедственного положения может быть создание в городах и поселках провинции самоуправляющихся коллективных предприятий.

Главной трудностью на этом пути было отсутствие специалистов. Поэтому первым шагом Аризменди Арриеты было создание технического училища. Первые выпускники этого училища, собрав свои сбережения и добившись небольшого банковского кредита, создали первое самоуправляющееся предприятие, получившее название "Ульгор". Поначалу это была кустарная мастерская, ремонтировавшая бытовые приборы. И только в середине 50-х годов "Ульгор" приступил к изготовлению холодильников, затем стиральных машин и бытовых электропечей. Сейчас изделия фирмы "Ульгор" считаются лучшими в Испании.

Вслед за "Ульгором" возникли другие самоуправляющиеся предприятия. В настоящее время в Басконии насчитывается уже более ста таких предприятий, и на них работает свыше ста тысяч человек. Эти предприятия создали свой банк. В Наблюдательный Совет банка входят представители всех самоуправляющихся предприятий провинции, совладельцев банка. Он финансирует хозяйственную деятельность самоуправляющихся предприятий, мастерских, профессиональных училищ, а также выдает ссуды-стипендии тем студентам, которые обязуются после учебы работать в данной системе. Управляет банком коллектив сотрудников, подотчетный в своей деятельности Наблюдательному Совету. Самими предприятиями рабочие и служащие управляют через избираемые ими Советы. Советы нанимают административно-технический персонал.

Зарплата рабочих и служащих в таких коллективах определяется доходами предприятия. Принимается коллективное решение о том, какая доля дохода должна распределяться в качестве зарплаты среди работников

предприятия, а какая должна идти в фонд развития производства. В случае ухода члена коллектива с работы он получает причитающуюся ему часть доходов предприятия, вложенных за время его работы в производство. Предприятия выплачивают своим работникам и пенсию. Оклады и ставки работникам устанавливает коллектив каждого данного предприятия. Зарплата рабочих здесь выше, чем на государственных и частных предприятиях Испании. Оклады же руководителей несколько ниже окладов соответствующих работников государственных и частных предприятий.

Согласно "Интернейшнл Геральд Трибюн", самоуправляющиеся предприятия в Басконии опережают все остальные предприятия Испании также по уровню механизации и производительности труда.

Успехи самоуправляющихся предприятий в Басконии стали уже известны за пределами Испании. Правительства многих развивающихся стран обращаются на эти предприятия с просьбой помочь в создании подобных трудовых коллективов. И получают такую помощь. Например, первое из созданных в Басконии самоуправляющихся предприятий "Ульгор" подписало в 83 году договоры с Тунисом и Мексикой о помощи в создании там самоуправляющихся предприятий.

Социолог Джонатан Пауэр в "Интернейшнл Геральд Трибюн" отмечает, что в отличие от государственных и частных предприятий на самоуправляющихся нет места отчуждению работников от результатов своего труда. Члены коллективов ощущают себя подлинными хозяевами своих предприятий, лично заинтересованы в их развитии и прибыльности.

Джонатан Пауэр считает, что самоуправляющиеся предприятия по образцу страны Басков особенно целесообразно создавать в странах, в которых нехватает частных и государственных средств для капиталовложений. И, по его мнению, наиболее благоприятны перспективы для развития самоуправляющихся предприятий в странах, в которых сохранились прочные родовые или общинные связи. В таких странах коллективный труд — это НЕ нечто

новое и непривычное. Такие формы труда там традиционны, — считает Джонатан Пауэр.

Но вопреки представлениям Пауэра, самоуправление успешно развивается и в такой "индивидуалистической" стране, как США.

Самоуправление в США

По имеющимся у меня сведениям из американской прессы, первые промышленные самоуправляющиеся предприятия появились в США в 20-х годах на тихоокеанском побережье. Это были фанерные заводы, созданные рабочими, вложившими в них свой труд, свои сбережения, а также и средства, предоставленные в долг местными властями. Вскоре заводы стали успешно конкурировать с частными и даже вытеснять их с калифорнийских рынков. Примеру последовали другие рабочие коллективы. Многие из них стали не только создавать новые заводы, но и покупать у владельцев действующие предприятия.

Особенно заметный рост числа самоуправляющихся коллективных предприятий начался в США в 70-е годы в связи с экономическим спадом. Коллективы рабочих и служащих стали выкупать предприятия, на которых они работали, у разоряющихся хозяев прежде всего для того, чтобы не потерять работу. И государственные власти, местные и федеральные, начали помогать им ссудами и иным образом с целью затормозить рост безработицы.

Для разработки соответствующего законодательства и программ помощи самоуправляющимся предприятиям финансовая комиссия Сената США в 1979 году провела выборочное обследование 75-ти предприятий, принадлежащих рабочим коллективам.

В отчете Комиссии отмечалось, что на этих предприятиях с того времени, как они перешли в собственность рабочих и служащих, производство возросло в среднем на 25%, а прибыли на 15%.

Обследование также выявило, что по всем экономическим показателям эти предприятия превышали средний уровень в своих отраслях производства, т. е. опережа-

ли капиталистические предприятия.

Приведу несколько конкретных примеров из отчета финансовой комиссии Сената.

В городе Мохоук Вэлли рабочие и служащие купили находившийся в частном владении завод по производству библиотечной мебели. В течение первого года после перехода этого предприятия в собственность рабочих, его *прибыль увеличилась на 17 процентов*.

В 1975 году 450 рабочих и служащих станкостроительного завода "Саус Бэнд Лейс" купили это предприятие, находившееся на грани банкротства. В течение первого года после покупки *производительность труда увеличилась на 25 процентов*. В том же году этот завод, приносивший ранее убытки, дал 9 процентов прибыли. Экономические показатели завода продолжают непрерывно улучшаться.

Завод по прокату стальных труб, принадлежавший Чарльзу Кайзеру, должен был закрыться, так как его продукция не выдерживала конкуренции японских экспортеров. Рабочие решили купить завод Кайзера. В течение года после перехода завода во владение рабочих, *производительность труда на нем увеличилась на 32%*.

Сейчас уже принято специальное законодательство, регламентирующее и облегчающее приобретение заводов рабочими, и введен в действие план помощи — "План создания рабочей собственности на средства производства" — ESOP. Помощь эта оказывается главным образом в интересах борьбы с безработицей. Лучше дать дешевый кредит рабочему коллективу, чем платить пособия по безработице!

По данным "Нью-Йорк Таймс", к 83 году число самоуправляющихся промышленных предприятий в США достигло 5 тысяч. Журнал "Таймс Магазин" (28 марта 83) сообщал, что число банкротств среди коллективных предприятий значительно ниже, чем в среднем по стране.

Характерно и то, что растут не только темпы "коллективизации" предприятий, но и размеры предприятий, выкупаемых коллективами рабочих и служащих.

К настоящему времени (к концу 83 г.) поставлен рекорд в отношении величины предприятия, приобретаемого в собственность трудовым коллективом. В городе Вейртон (Зап. Вирджиния) рабочими и служащими куплен один из крупнейших сталелитейных заводов США.

Завод, на котором занято около 7 тысяч человек, принадлежал "Нейшл Стилл Корпорейшн". Конкуренция более дешевой импортной стали, особенно из Японии, а также застой в американской автомобильной промышленности — главной потребительнице стали в США, и ряд других обстоятельств — привел к спаду производства и в американской металлургической промышленности. В 82 году корпорация "Нейшл Стилл" объявила о своем намерении сократить работу завода в Вейртоне и соответственно рассчитать примерно 5,5 тысяч рабочих (из 7 тысяч), да и остальных перевести только на отделочные операции, что означало сокращение их заработков. В перспективе заводу угрожало полное закрытие.

Между прочим, советская печать уже начала снимать пропагандистский навар с этой истории, проливая слезы о судьбе "трудящихся Вейртона": "Речь идет о жизни и смерти людей. Вейртон превращается в город—призрак" и т.п. Но затем вдруг замолчала. Произошло это потому, что профсоюз и городские власти, для которых свертывание главного завода города действительно означало катастрофу, выступили с предложением — коллективу завода откупить предприятие в свою полную собственность.

Остановимся подробнее на этой истории. Профсоюзы и городские власти в своем предложении исходили из опыта уже существующих коллективных предприятий, которые перекупались рабочими в основном при сходных обстоятельствах и становились тем не менее прибыльными. Однако все эти предприятия по масштабам были значительно меньше Вейртоновского завода, стоившего около 370 миллионов долларов.

Ввиду этого была создана специальная комиссия для изучения вопроса — о путях и возможностях восстановления рентабельности завода.

В комиссию вошли представители всех заинтересованных сторон — профсоюза, города и штата. В помощь были наняты многочисленные специалисты: по рынку стали, по реконструкции предприятий, финансисты с Уолл-стрита, юристы и даже специалисты по пенсионному обеспечению.

После 4-х месяцев работы комиссия пришла к выводу о целесообразности сделки и разработала план оплаты коллективом стоимости предприятия.

Работа комиссии стоила более 5 миллионов долларов, которые были вкладчину собраны профсоюзами, городом и штатом.

Разработанный план был предложен на ознакомление и обсуждение рабочим и служащим завода. 23 сентября состоялось голосование. Около 90% рабочих проголосовало за приобретение завода и одобрило план комиссии.

Немаловажная деталь для русских читателей. На заводе работают люди приблизительно 40 национальностей, в том числе и русские. В городе есть даже православная церковь. Но это, как видим, не уменьшает сплоченности коллектива.

А теперь самое интересное. Каким образом, за счет чего завод, нерентабельный в частных руках, по плану комиссии, мог стать рентабельным в руках коллективных? При этом коллективу надо было не только рентабельности добиться, но и выплатить долги за покупку завода — 370 миллионов долларов!

Главные пункты плана таковы:

1. Рабочие должны согласиться (и они согласились) на снижение зарплаты на 32%, на треть!

2. Пожилым рабочим было предложено по плану (и они согласились) подождать около трех лет с выходом на пенсию. Это освобождало завод от выплаты солидных сумм пенсионных и выходных пособий.

Сэкономленные по двум этим пунктам деньги должны были идти на выплату кредитов для покупки завода.

3. По принятому штатом специально по этому случаю закону, предложенному губернатором штата Джем Рокфеллером, завод получал существенные налоговые льготы.

4. Комиссия в своем плане делала ставку — внимание! — на повышение производительности и качества труда, исходя из опыта других самоуправляющихся, коллективных предприятий. И комиссия, как догадывается читатель, не состояла при этом из социалистов или идейных сторонников самоуправления.

Но почему же рабочие и служащие согласились на резкое уменьшение зарплаты, отказ от выхода на пенсию и не испугались, что им придется интенсивнее трудиться?

Да потому, что взамен они получали права хозяев, в том числе и на прибыль.

По расчетам комиссии, уже через год работы по новому заводу даст 81 миллион долларов прибыли, около половины которой будет разделено между работниками завода. Доля каждого составит за год минимум 3.800 долларов.

Через три года прибыль возрастет еще больше, и каждый рабочий получит примерно 6.200 долларов прибыли за год, т.е. более 500 долларов в месяц. И это помимо зарплаты. Выплата такой прибыли почти полностью компенсирует первоначальное 32%-ое снижение зарплаты.

А дальше, по расчетам комиссии (и опыту других коллективных предприятий), доходы рабочих будут продолжать расти в зависимости от успеха продукции завода на рынке.

При этом очень важно отметить, что той части прибылей, которая не будет делиться между работниками, хватит, опять же согласно выкладкам комиссии, не только на выплату долгов за покупку завода, но и на финансирование реконструкции завода, которая займет около 10 лет и обойдется приблизительно в 1 миллиард долларов. Реконструкция включает в себя модернизацию доменных печей, перестройку коксогазовых батарей, пуск второй установки непрерывной разливки стали, автоматизацию производственных процессов и многое другое.

Так что будущее завода поставлено на прочную основу.

Попутный комментарий. Многие советские диссиденты доходят до таких абсурдных степеней отталкивания от марксизма, что называют выдумкой Маркса категорию прибавочной стоимости и соответственно отвергают понятие эксплуатации (сохраняя его почему-то лишь для социалистической экономики!) Этим людям полезно будет подумать над выкладками вейртоновской комиссии.

Директор торговой палаты города Вейртона Роджер Крофт сказал в интервью "Нью-Йорк Таймс" (24 сентября 83 г.), что "покупка завода была для рабочих не только единственной возможностью сохранить предприятие, но и получить в дальнейшем шанс разбогатеть." Мистер Крофт не был, видимо, просвещен теориями советских диссидентов, отвергающих понятие эксплуатации.

Кем конкретно управляется металлургический завод в Вейртоне? По плану все той же комиссии, примерно три первых года заводом будет руководить совет директоров из 12 человек. (На Западе нет единоначалия на производстве!) Трое директоров, согласно плану, выдвинуты профсоюзом, а остальные назначены теми финансовыми организациями, которые предоставили коллективу кредиты для покупки завода. Но после того, как основные займы будут выплачены, все 12 директоров будут назначаться Рабочим Советом завода. Все вполне логично.

Губернатор штата Джей Рокфеллер, поздравляя рабочих Вейртоновского металлургического завода в связи с их решением купить завод, назвал переход его в собственность рабочих "самым знаменательным событием в американской промышленности за последние 100 лет!"

Директор исследовательского центра по изучению предприятий, перешедших во владение рабочих коллективов — есть уже и такое в динамичной Америке! — Кари Розан заявил в интервью "Нью-Йорк Таймс", что по его мнению, "число коллективных предприятий будет расти. Во многих демократических странах существует подобная форма собственности, — отметил Розан. — В некото-

рых, в частности в Израиле и странах Латинской Америки, они создаются в форме рабочих кооперативов. Однако, в Соединенных Штатах, — пояснил Розан, — перешедшие в собственность рабочих предприятия — не кооперативы, а совершенно новая форма рабочей собственности на средства производства.”

* * *

Остановимся теперь еще на одном важном обстоятельстве. Восстановление рентабельности предприятий, переходящих в собственность трудовых коллективов, помимо повышения заинтересованности и добросовестности всех работников объясняется также и освобождением этих предприятий из-под пресса агрессивной конкуренции.

Коллектив Вейртоновского сталелитейного завода нашел достаточные средства для модернизации оборудования, потому что не надо было откладывать средства еще и на экстенсивное расширение. Сверх того, в процессе экстенсивного расширения, т.е. агрессивной конкуренции, фирмам бывает выгоднее построить новый завод в чужой стране, где труд или сырье значительно дешевле, нежели модернизировать какой-нибудь из своих старых заводов. Или бывает выгоднее перевести капитал (или часть его) в иное дело. Неспособность модернизировать предприятие часто объясняется и разорением хозяев все из-за той же агрессивной конкуренции. Например, в результате удачного наступления более крупного конкурента с помощью временного понижения цен на соответствующие акции или товары и т.д.

Я не ручаюсь за полноту и точность этих объяснений, так как недостаточно разбираюсь в тонкостях капиталистической экономики. Однако, несомненным остается факт, что судьба предприятий в рамках капиталистической экономики далеко не всегда определяется их качествами и интересами товарного рынка и общества. Большинство из 5 тысяч американских коллективных предприятий, которые уже десятилетия успешно работают с лучшими показателями на пользу людям (производят товары, а не безработных!), оставаясь в руках капиталистических кор-

пораций, были обречены на ликвидацию или значительное свертывание производства.

”Конрэйл”

Противоречия между интересами агрессивной конкуренции и интересами потребителей, общества хорошо прослеживаются на истории железнодорожной компании ”Конрэйл”.

Сейчас в США обсуждается вопрос о ее приобретении коллективом рабочих и служащих, что было бы новым рекордом в отношении величины перекупаемого в коллективную собственность предприятия.

Корпорации ”Конрэйл” принадлежит самая разветвленная сеть железных дорог в США. Ее дороги, общей протяженностью в 25 тысяч километров, проходят по территории 15 штатов. Стоимость всего имущества корпорации оценивается в миллиардах долларов. В 1976 году потерпела банкротство частная компания (”Пен Централ”), владевшая большей частью железных дорог, принадлежащих теперь ”Конрэйлу”. ”Пен Централ” оказалась не в состоянии выдержать конкуренцию автомобильного и авиационного транспорта. Но эти железные дороги тем не менее были нужны людям — и государству пришлось их купить, создав свою новую компанию, которая и получила название ”Конрэйл” (”Консолидейтинг Рэйл”).

Большинство экспертов предсказывало этой новой государственной кампании финансовый крах в ближайшие несколько лет. Но вопреки их предсказаниям (и, добавим, представлениям наших антисоциалистов), железнодорожная система в руках государства стала процветать.

Министерство транспорта США вложило большие средства в модернизацию дорог. (Над государством агрессивная конкуренция не довлеет!) Их оснастили компьютерами, подновили станции, привели в порядок рельсовые пути, вагонный парк, изменили методы управления. А тут еще подскочили и цены на бензин: авто- и авиатранспорт стал дороже. И в 1981 году ”Конрэйл” принесла 39,2 мил-

лиона долларов прибыли, а в 1982 году — 174,2 миллиона долларов! В последующие годы предполагается дальнейший рост прибылей.

Так может работать государство в атмосфере рыночной экономики. (В подобной атмосфере будут находиться государственные власти и в обществе самоуправления. И атмосфера эта станет еще чище, ибо освободится от монополистических тенденций, угнетающих и глушащих рыночную конкуренцию и свободу рынка.)

Но в связи, видимо, с курсом Рейгэновской администрации на возвращение к чисто капиталистической структуре, правительство приняло решение продать "Конрэйл" в частные руки.

И тут произошло то, о чем в прежние времена и слыхом не слыхивали: первым заявил о желании купить систему коллектив рабочих и служащих, заявил через свой профсоюз. "Приобретение "Конрэйла" рабочими, — утверждают руководители профсоюза, — несомненно приведет к увеличению производительности и снизит затраты на обслуживание."

План финансирования перекупки "Конрэйла" подобен плану для Вейртонга — добровольное замораживание зарплаты на несколько лет и т.д. При этом профсоюз заявил, что он не согласится ни на какое замораживание зарплаты, если "Конрэйл" будет продана в частные руки!

Чрезвычайно интересно в этой истории то, что если система будет куплена рабочим коллективом (куплена у государства!), то здесь будет иметь место фактически случай того механизма государственного расширенного воспроизводства, о котором мы говорили выше. С той лишь разницей, что в обществе самоуправления новые предприятия передаются в собственность новых трудовых коллективов бесплатно. (Их создание финансируется за счет специальных налогов, взимаемых с действующих самоуправляющихся предприятий.)

Коллективные магазины

В последнее десятилетие в США, в собственность трудовых коллективов стали переходить и различные торговые заведения, главным образом продуктовые

магазины — супермаркеты, на которых работает всего лишь по несколько десятков человек.

Согласно статистическим данным федерального ведомства по делам мелких частных предприятий, в Соединенных Штатах в настоящий момент насчитывается уже несколько сот самоуправляющихся магазинов. Это еще немного. Однако, их коммерческие успехи и моральный подъем их владельцев — рабочих и служащих — обратили на себя внимание американских деловых и общественных кругов. Пресса констатирует, что уровень обслуживания в таких магазинах заметно выше, чем в частных, которые к тому же в США очень монополизированы. (Результат агрессивной конкуренции). В стране существует ряд компаний-гигантов, каждой из которых принадлежат сотни супермаркетов в различных местах страны. Это, естественно, глушит конкуренцию, уменьшает ответственность работников и ухудшает обслуживание.

Недавно "Нью-Йорк Таймс" в воскресном приложении опубликовала статью писателя Джона Эггертона "Служащие берут магазины в свои руки". В статье, в частности, он подробно пишет о работе и жизни госпожи Мардж Боначчи — одного из членов коллектива, владеющего супермаркетом, принадлежавшем ранее огромной компании "Атлантик-Пасифик".

До того, как стать совладелицей магазина, Мардж Боначчи 25 лет проработала в том же магазине для компании. Ее специальностью было приготовление сандвичей, бойко идущих в обеденное время. Теперь Мардж Боначчи продолжает эту же работу, но и состоит членом Совета по управлению магазином. В интервью Джону Эггертону она сказала: "Владение магазином его рабочими и служащими — абсолютно правильный подход. Я предвижу большое будущее этого начинания в нашей стране. Я перепробовала все, и поверьте мне — это самое лучшее. Вы скоро увидите много таких магазинов по всей Америке."

* * *

Я догадываюсь, что у многих читателей давно уже назрел вопрос, неужели все это так бесконфликтно входит

в жизнь такого сугубо капиталистического государства, как США?

Конфликтов с властями или с компаниями, разумеется, нет никаких, насколько мне это известно (США — правовое государство!), а вот мнения уже высказываются разные.

Тот же Джон Эггертон в "Нью-Йорк Таймс" пишет: "Некоторые противники этого явления из правых кругов мрачно предостерегают, что предприятия и магазины во владении служащих ведут к коммунизму. Левые же круги, рассматривая это явление, концентрируют свое внимание на его демократических и социалистических аспектах. А сенатор Рассел Лонг от штата Луизиана, демократ консервативного уклona, выступая за государственную политику поддержки коллективного владения предприятиями, считает это владение путем к распространению капитализма и свободного предпринимательства."

@ **Общий комментарий.** Многие объясняют рост числа самоуправляющихся предприятий и магазинов в США и вообще на Западе в последнее 10-тилетие экономическим спадом и сопутствующими ему банкротствами, свертыванием производства, ростом безработицы. Но этого объяснения недостаточно: спады бывали и раньше и похлеще, однако, не сопровождались ростом самоуправляющегося сектора.

Тут, очевидно, веяние времени, созревание условий, в том числе и самосознания рабочих. Самоуправление — пост-индустриальная и пост-коммунистическая формация.

Может возникнуть и такой вопрос: что ж, так постепенно, спонтанно самоуправляющиеся предприятия и будут размножаться и вытеснят предприятия капиталистические? Думаю, что нет. Только за счет перекупки закрываемых или разоряющихся предприятий этого сделать нельзя.

Все снова упирается в проблему расширенного воспроизводства. Если коллективные предприятия начнут им заниматься сами, то станут капиталистическими! Ибо

в этом случае работники расширяющегося предприятия станут коллективными владельцами не только "постоянного капитала", но и "переменного", — т.е. наемных работников своих филиалов.

Вытеснение капиталистического сектора возможно лишь в том случае, если расширенным воспроизводством начнет заниматься государство.

Возможна и такая модификация: государство скупает акции частных предприятий и передает их коллективам этих предприятий. Так дело может пойти еще быстрее. Но в любом случае необходим мандат общества — приход демократическим путем к власти партии с соответствующей программой. Насильственно вводить самоуправление — дело немыслимое.

Уверенное существование самоуправляющегося сектора на Западе, его более высокие экономические показатели и его спонтанное расширение доказывают, что в свободной конкуренции государственное расширенное воспроизводство способно победить расширение капиталистическое, т.к. уже ясно, что людям и материально и морально выгоднее работать на самоуправляющихся предприятиях, быть их коллективными владельцами. И люди, имея выбор, думается, будут предпочитать идти "работать хозяевами" на государством создаваемые предприятия, нежели наемными работниками на предприятия капиталистические.

И в качестве потребителей они также будут в выигрыше: самоуправляющиеся предприятия показывают более высокую добросовестность в работе.

ПАПА РИМСКИЙ И СОВЕТСКИЕ ДИССИДЕНТЫ

Во время одного из своих выступлений в Польше летом 1983 года Папа Римский Иоанн-Павел II сказал следующие слова (часть их взята в эпиграф ко 2-й главе):

”Почему трудящиеся Польши, как и трудящиеся во всем мире, имеют право на диалог с властями? Потому что человек труда это не просто орудие производства, но личность, имеющая в ходе всего производственного процесса приоритет перед вложенным в дело капиталом. Самим актом своего труда человек становится господином на своем рабочем месте, хозяином трудового процесса, хозяином продуктов своего труда и их распределения.”

Грозное высказывание, не правда ли? Примечательно, что именно его взял Лех Валенса в основу своей Нобелевской лекции. И грустно думать, что большинство наших диссидентов, интеллигентов даже смысла этих слов Папы Римского понять неспособно. Если бы сказал это не он, решили бы — коммунист! — и обдали бы презрением.

В отталкивании от марксизма-коммунизма не заметили, как дошли до полного опустошения и очерствения, а то и народофобии. ”Меня эти вопросы уже давно не интересуют!” — вспомним отзыв знаменитой диссидентки. Думать сочувственно о судьбе, о положении людей труда? — ”Рабочие всегда опора коммунизма или фашизма, и в будущей России их надо загнать вниз, на галеры! Дать им туда телевизоры и прочие блага, но держать их внизу!” Это сказал как-то один из единомышленников упомянутой диссидентки. Имен не называю, т.к. высказывания эти не были опубликованы.

А вот из опубликованного. А.Солженицын в новом издании "Августа четырнадцатого" описывает народ в 1905 году: "Революционеры повсюду наглеют,.. Они силой выгоняют рабочих на мятежи или забастовки." А крестьян и выгонять не надо было: "... трое городских агитаторов, с девушкой, подняли 400 крестьянских подвод на разгром сахарного завода: они сами в *масках*, * и в квартире управляющего играют на рояле, пока крестьяне громят завод." "Крестьяне жгут имения, библиотеки, картины, рубят в щепки старинную мебель, бьют фарфор, топчут ногами, ломают, рвут." (Это из одной наугад взятой страницы: 180, гл. 65.)

Разумеется, такому народу место только на галерах.

Насколько старая русская интеллигенция впадала в крайность в своем преклонении перед народом, настолько же нынешняя бросилась в крайность эгоцентризма, народофобии или народобоязни. И едино: что националисты, что либералы.

Выше я цитировал националистов.

А вот либералы. Г. Померанц называет рабочих "классом двоечников" **, т.е. плохо учились, неспособны, не смогли попасть в ВУЗы и пришлось пойти в рабочие. Обобщение наблюдений над детьми московской интеллигенции и мещанства.

Б.Шрагин: "Интеллигент в России — это зрячий среди слепых, ответственный среди безответственных, вменяемый среди невменяемых", а "массы — слепы и безответственны". ***

Что тут может значить "акт труда"? О каком хозяйствовании и самоуправлении может идти речь? И можно ли при эдакой высокомерной зрячести понять слова Папы Войтылы?

Или, уже после КОРа ("Комитет защиты рабочих")

* Маски — это, очевидно, чтобы приблизить русских революционеров к современным западным террористам. Поразительно, как писатель, считающий себя русским, может такое написать о России!

** "Люди воздуха". Самиздат.

*** "Противостояние духа". ОПИ, Лондон, 77 г., 216 стр.

и "Солидарности", Б.Хазанов в журнале "Страна и мир" (№1-2, 84 г.) пишет: "От одного наследственного недуга она (интеллигенция), по-видимому, исцелилась: от веры в "народ". Мучительный роман русской интеллигенции с народом окончен... она начинает ощущать себя истинным субъектом истории." И "...если для этой страны (России) осталась какая-то надежда,.. эту надежду можно связывать только с интеллигенцией." (стр. 162.)

Видимо, автору этих утверждений невдомек, что с "окончанием романа" кончается и сама интеллигенция. Теряет право называться таковою. Ибо всегда и везде (не только в России) интеллигенцию от просто образованных людей отличает то, что она ставит высшей целью — помощь своему народу (а уж народы Советского Союза так в ней нуждаются!) и "истинным субъектом истории" видит все общество в целом. Да, старая русская левая интеллигенция, впадая в фатальную крайность, в преклонение перед народом, действительно видела только его субъектом истории, но при этом все-таки оставалась интеллигенцией!

А вот взгляд со стороны.

Эдуард Гольдштукер, бывший (до августа 68 г.) председатель Союза писателей Чехословакии, специалист по Кафке, т.е. из рафинированной интеллигенции, рассказывает в беседе с Дж.Урбаном для "Радио Свободная Европа":

"В 68 году мы, чехословацкие коммунисты, чьи собственные связи с народом были весьма тесными, с чувством потрясения увидели, что советские руководители боятся русского народа, но что было еще более ужасно, мы обнаружили, что и некоторые советские инакомыслящие тоже живут в страхе перед своим народом! Они представляют себе этот народ как какую-то темную, анархическую, не поддающуюся управлению массу: этот "темный народ — своеобразная лава, которая затягивает и топит вас, если вы не защищаетесь от нее барьерами".

Более 7 лет прошло с момента создания элитой польской интеллигенции КОРа — Комитета Защиты Рабочих как главной своей организации и главного направления. И этот посев дал фантастические всходы, потряс мир,

но не советских диссидентов, которые даже и не подумали о создании чего-либо подобного КОРУ.

Зато группа ведущих диссидентов в СССР, включавшая Сахарова,* пишет в августе 80 года в приветствии к польским рабочим: "Ваша борьба *восстанавливает* честь рабочего класса."

Какого рабочего класса — польского, русского или мирового? И когда он свою честь потерял? Конечно, если считать, что рабочий класс "всегда опора коммунизма или фашизма", тогда все правильно.

Более 7 лет прошло от создания КОРУ и более 15 от "Пражской весны", направленной в ту же сторону, а у советских диссидентов все по-прежнему. ... Какая незречность, безответственность, невменяемость! ...

Но пора переходить к последней главе, к вопросу о том, какова же все-таки судьба самоуправления в Советской России. (А с ним — и России, и мира.)

* Думаю, что Сахаров дал согласие на подпись из Горького, не видя текста. Ему чужд любой шовинизм, в том числе и классовый.

ГЛАВА IV

СУДЬБА САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

СПОСОБНЫ ЛИ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ К САМОУПРАВЛЕНИЮ?

Андрей Амальрик отвечает категорически: "Русскому народу... почти совершенно непонятна идея самоуправления".*

И ему вторят многие голоса: нужны традиции, которые вырабатываются очень медленно. Они стали только-только складываться в старой России (в земствах, профсоюзах, кооперативах) и были пресечены Октябрем. За советский период люди и вовсе отвыкли от самостоятельности.

На первый взгляд звучит убедительно. Но при более глубоком и спокойном размышлении все предстает в ином свете.

Медленно вырабатываются традиции и навыки? Конечно медленно — в условиях несвободы или ограниченной, полуфиктивной свободы, при отсутствии заинтересованности (в этом случае) в самоуправлении. Какие права были у тех же земств в царской России? Какие средства и возможности? Какой узкий круг людей они интересовали! В таких условиях достаточные навыки к самоуправлению у большинства народа вообще выработаться не смогут. История развития этих навыков, как и история доброты, топчется на месте и все по тем же самым причинам.

На примере воспитания детей мы знаем, что лучшее средство воспитания самостоятельности — это предоставление самостоятельности. Если же откладывать предоставление самостоятельности до того момента, когда

* "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?"

человек наконец созреет для нее, то он никогда и не созреет! Оставаясь на берегу, плавать никогда не научишься. (Не случайно советская молодежь отличается инфантильностью).

Советские люди отвыкли от самостоятельности больше других? Верно. Но, добавим мы, и больше других истосковались по ней. И не все отвыкли в одинаковой степени, чтобы быть к ней совершенно неспособными. Инженеры и рабочие в силу самого характера своей деятельности вынуждаются постоянно принимать самостоятельные решения. То, что решения эти направлены в основном на обход указаний и планов, спускаемых сверху, в данном случае отрицательного значения не имеет. Если бы советские люди этого делать не умели, жизнь в стране сделалась бы физически невозможной.

Инженерно-рабочий слой*, как и научную и лучшую часть гуманитарной интеллигенции России, смело можно бросить в "реку" самостоятельности и самоуправления. Эти люди не "утонут" еще и по той причине, что все будут находиться примерно в одинаковом положении, будут начинать от одного уровня. (Монополия внешней торговли в переходный период должна, наверное, оставаться в руках государства и ограждать молодые коллективы от внешней конкуренции).

Необходим, разумеется, и переходный период для поэтапного вступления коллективов в полное самоуправление и для налаживания его на всех уровнях. Но перспектива должна быть ясной, чтобы предотвратить разруху, а может быть и междоусобицу. И эта перспектива

* По моим наблюдениям в СССР заводские инженеры по социальным интересам и психологии настолько близки к рабочим, что составляют с ними единый слой (или класс) общества. Находясь в фокусе всех негативных проявлений тоталитарного социализма, инженеры и рабочие объективно более всех заинтересованы в самоуправлении. Притом инженеры заинтересованы даже больше рабочих. Они интеллектуализируют весь слой "заводского народа" и делают его потенциально более самостоятельным. Пример и подтверждение этому дает история "Солидарности". Формирование "инженерно-рабочего класса" — это, возможно, важнейшее побочное положительное действие тоталитарного социализма. (Подробнее об этом см. в книге "Свобода, власть и собственность".)

должна быть гарантирована всеми другими реформами государственной власти, о которых мы говорили выше.

Далее, некоторые не верят в возможность введения самоуправления в России, а заодно и демократии, в связи с якобы полным отсутствием правосознания у людей. Об этом можно сказать примерно то же самое, что и об отсутствии навыков к самоуправлению. Во-первых, не отсутствует правосознание полностью. При полном отсутствии правосознания и правопорядка невозможно было бы создать в стране гигантскую современную индустрию. А во-вторых, до тех пор правосознание будет оставаться недоразвитым, пока не начнется установление демократии и самоуправления. Конечно, имеются слои населения (вне промышленности), которые действительно отличаются очень слабым правосознанием, но ведь они и не будут решающими в деле установления самоуправления и демократизации.

Беда в другом — в очень разрушенной нравственности людей, когда не грех нарушать любые правила и законы, если они мешают нам, и можно при этом оставаться безнаказанным.

Большая часть людей, пускай с изъятиями и лакунами, понимает, что такое правопорядок и зачем он нужен, понимает, как плохо то, что он нарушается. Но если все нарушают, в том числе и власти, то что же мне одному дурачком ходить!

И опять же именно самоуправление (при групповой собственности и конкуренции) способно быстрее всего разорвать круговую поруку правонарушений, коррупции, вменить людям в и н т е р е с отстаивать свои права и не нарушать чужие, соблюдать правила игры и бороться с произволом.

Вспомним, как у Андрея Платонова в "Потухшей лампе Ильича" артельщик огрел железной калошей милиционера, пришедшего за привычной мздой в фруктовый сад, к тому времени перешедший в руки (в аренду) самоуправляющейся артели времен НЭПа.

Не забудем и о "шабашниках" — самодеятельных строительных бригадах, существующих в СССР, несмотря

на то и дело проводимые властями против них кампании.

В начале 1972 года на страницах "Литературной газеты" прошла дискуссия о том, что делать с бригадами "шабашников" — разгонять, или узаконить, использовать? Дискуссия конечно не принесла никаких практических результатов, и "шабашники" по-прежнему остались на своих птичьих правах. Но в ходе этой дискуссии в защиту "шабашников" неожиданно было высказано весьма авторитетное мнение председателя исследовательской секции по социологическим проблемам села* АН СССР, д-ра Ю. Арутюняна. Обобщая наблюдения возглавляемой им секции, Арутюнян писал:

"Эти бригады отличались удивительной сплоченностью, основанной на здоровых коллективистских началах. Все вопросы обсуждались "миром", и уж что решалось, то становилось законом. Отсутствие пьянства, взаимная выручка, стремление довести строительство до конца, сделать все, как надо, чтобы заказчик не был в обиде, — этим отличались бригады.

Производительность их труда была такова, что ломались все привычные нормы и мерки. Если бы колхозы поставляли материалы без перебоев, то производительность была бы еще выше."

Комментарии к его словам излишни.

Я мог бы сослаться и на то, что самоуправление в России может опираться на "корни" общинного самоуправления крестьян в царской России и идеи русского народнического и анархического социализма (Лавров, Кропоткин и др.), но я не хочу этого делать. Во-первых, от тех корней (как и от многих других) уже мало что осталось. 60 с лишним советских лет равнозначны несколькими прежним векам — столь это время было наполнено событиями.

А главное, самоуправление опирается на более глубокий и прочный фундамент — на потребности человеческой природы. Успешное существование самоуправления

* Для иностранных читателей поясню, что строительством "шабашники" занимаются в основном на селе. Строят и для крестьян и для колхозов, отчаявшихся дожидаться помощи от государства

в столь разных странах, как Испания и США, — тому лишнее доказательство.

Наконец, Россия * созрела для самоуправления и по той важной причине, что ее народы имеют уже ценнейший опыт "антитезиса" — тоталитарного социализма—"коммунизма".

* Говоря "Россия", имею в виду Россию, а не империю русско-советскую. Закавказские республики и Средняя Азия могут пойти в иных направлениях хотя бы потому, что там не столь многочислен инженерно-рабочий слой, наиболее заинтересованный в самоуправлении

НО СПОСОБНА ЛИ РОССИЯ ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА?

Так что вопрос не в том, годится ли Россия для демократии и самоуправления, а в том, как сдвинуть могильную плиту тоталитаризма? И сделать это до того, как кремлевские старцы зажгут или спровоцируют термоядерный пожар.

Наиболее реальная схема избавления от тоталитаризма для Советского Союза теперь, после Польши и Чехословакии, уже ясна: это "польская" волна массового возмущения и забастовок и приход на ней к власти русского Дубчека, приход реформаторов. Для Советского Союза даже не столь важно, будут ли они искренними поначалу реформаторами: "большого брата" над Москвой нет, и все будет зависеть от силы и упорства народа и интеллигенции.

Приведенная схема наиболее реальна относительно других мыслимых вариантов, вроде прихода к власти "русской партии" (которая давно уже у власти!) или "военной". Но пока, увы, нет никаких признаков, что и эта схема может осуществиться в обозримом будущем.

Сейчас на фоне польских и чехословацких (68 г.) событий ясно, что оппозиционное движение в Советском Союзе было очень слабым во всех отношениях и что советское общество (в том числе и рабочие) остается пассивным.

В чем тут причина? Способно ли вообще советское общество самостоятельно сдвинуть с себя тоталитаризм? Чем дальше бежит время, тем больше сомнений возникает на этот счет.

Можно утверждать, что гнет в СССР сильнее, чем

где бы то ни было. Но теперь, глядя на Польшу, на беспомощность польского ГБ, начинаешь думать, что может потому столь силен гнет в СССР, что слабо сопротивление?

В книге "Свобода, власть и собственность" я оспаривал тезис Лешека Колаковского о том, что "жесткость системы отчасти зависит от того, в какой мере живущие в ней люди убеждены в ее жестокости"; и что "усиление полицейских методов в СССР (писалось в 71 г.) не есть следствие усиленного сопротивления, а наоборот, следствие отсутствия сопротивления."*

Я оспаривал это утверждение, но теперь вижу, что прав был Колаковский. Мне тогда представлялось, что письма протеста против очередного ареста с десятком-другим подписей, которые писались тогда диссидентами в СССР, — это и есть сопротивление. Трудно было себе представить, что возможны совершенно иные масштабы и средства сопротивления, которые потом продемонстрировали поляки.

В Польше было сотворено чудо — создано независимое от властей общество со своими союзами, системой взаимопомощи, образования, прессой и непобедимым подпольем "Солидарности".

Польша — это удар для нас. Это источник не только надежды, но и тяжелого пессимизма. Польша доказала, что тоталитаризм можно сдвинуть без помощи сверху или извне. Ярузельский не смог бы остановить демократизацию, не будь за его спиной Советского Союза. И на польском фоне оппозиционные усилия советского общества выглядят ничтожно малой величиной.

Многие говорят (и я говорил), что в СССР ослабляет сопротивление многонациональность и национальная перемешанность населения. Но кто хорошо знаком с заводской средой в России, знает, что там нет серьезных национальных трений. Значит дело не в этом.

Можно сослаться (и я ссылался) на огромность пространств России. В сочетании, мол, с жестокой цен-

* "Тезисы надежды и безнадежности", ж-л "Культура", № 2, 1971 Париж.

зурой средств информации это приводит к тому, что сведения о волнениях очень медленно распространяются — и затрудняется возникновение цепной реакции возмущения. Но ведь Гданьск дальше от Варшавы, чем Александров от Москвы! А многие ли в Москве и когда узнали о расстреле рабочей демонстрации в Александрове (летом 61 года)? Очевидно дело тут не в расстоянии, а в безразличии или каком-то отупении огромного числа людей. Прежде всего среди образованных слоев. Осмысление событий и информация — это более всего их дело.

В Польше делу помогают религиозность народа и позиция Церкви? Да, помогают. Но в Чехословакии и в Венгрии религия и Церковь не играют такой серьезной роли, однако, и там и там активность и единство общества оказались настолько серьезными, что смогли быть подавлены лишь с помощью советской армии.

Наконец, говорят, что полякам помогает, подталкивает и объединяет их стремление к национальной независимости от СССР. Да, помогает. Но и чехи и словаки в своей борьбе опять же обходились без этого фактора. До августа 68 года в Чехословакии не существовало серьезных национально-освободительных импульсов, русские продолжали любить считать освободителями (от немецких фашистов).

Ну, и самое главное — почему-то раньше, до 1925 года, скажем, никакие объективные причины не мешали русскому и другим народам Российской империи быть весьма активными. Хотя были они тогда неизмеримо темнее, неграмотнее, только-только из-под крепостного права, и куда меньше понимали о правах. И социальный состав был зеркально противоположным нынешнему: 80% жило в деревнях. И тем не менее, ни по отношению к царскому, ни по отношению к советскому режиму народы России не были покорными. И если советский режим тогда не стряхнули, то тому было много объективных причин. Взять хотя бы одну только страшную усталость и раздерганность после 7 лет войны, мировой и гражданской. Можно, наконец, понять пассивность народа в сталинские времена. Но ведь уже 30 лет прошло с тех

пор! Второе поколение входит в жизнь. 30 лет в XX веке — гигантский срок. Сколько всего случилось вокруг за это время!

И возникает вопрос, а не является ли эта покорность, спячка (всех слоев советского общества) результатом каких-то уже слишком далеко зашедших процессов вырождения, о которых мы много говорим, но всерьез в них сами поверить не можем. Вырождения морального, или от алкоголизма, или от генетических уже, возможно, последствий всех видов сталинского террора — минимум 30 миллионов жертв в мирное время плюс 20 миллионов погибших в войну 41-45 годов, большая часть которых также на совести режима. Ведь в числе этих уничтоженных миллионов была наиболее активная и здоровая часть населения.

Но, слава Богу, с уверенностью тут ничего нельзя сказать. Однако на фоне пугающей пассивности советского общества тем более важно было бы делать максимум возможного, чтобы общество пробудить.

СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, САМОУПРАВЛЕНИЕ И "РАБОЧИЙ ВОПРОС"

Но не делалось даже минимума — не велось систематической защиты социально-экономических интересов и прав рабочих и их самих от репрессий властей. (Максимум — пропаганда идей самоуправления.) И, видимо, современное диссидентство в массе своей на это вообще не способно. Дело тут не только в реактивном мышлении, но, очевидно, и в низком интеллектуальном и моральном уровне.

Чтобы полнее осознать, каков он, этот уровень, мало иметь в виду отсутствие движения в защиту рабочих и за самоуправление. Показательно тут и господство, особенно в эмиграции, авторитарного направления. От несвободы стремиться к несвободе! Невиданное, противоестественное явление.

До эпохи "Солидарности" большинство советских диссидентов лишь иронизировало, а то и возмущалось по поводу идей рабочего движения и самоуправления и даже соучаствовало прямо или косвенно в блокаде этих идей в эмигрантской прессе. После 81 года ирония и выпады иссякли, однако, никто не нашел в себе мужества признать свою неправоту и, главное, способствовать прорыву упомянутой блокады.

В итоге остается надежда лишь на то, что нынешние советские диссиденты парадоксальным образом не представляют в своем большинстве лучшей части советской интеллигенции.

Возможно, в Советском Союзе серьезные, интеллектуально и нравственно развитые люди редко втягиваются

до сих пор в оппозиционное движение ввиду его крайней неэффективности и почти полной безнадежности.

Но даже если это и так, то ведь образуется порочный круг: чтобы оппозиционная деятельность сделалась эффективной, небезнадежной, необходимо очевидно, чтобы поднялся и взволновался народ, "массы", рабочие, а для этого нужно, чтобы поднялась и взволновалась лучшая часть советской интеллигенции.

Между прочим, среди советской интеллигенции почти не осознается тот факт, что однажды в Советском Союзе могла возникнуть "польская" ситуация, что однажды по стране прошла волна возмущения рабочих — демонстраций, забастовок и даже восстаний — в 1960-62 годах. Я собирал сведения о тех волнениях, и мне известно сейчас уже 15 городов, в которых они прошли. Я подробно писал об этом*, и сейчас лишь перечислю города: Александров, Муром, Нижний Тагил, Новочеркасск, Темир-Тау, Одесса, Днепродзержинск, Лубны, Куйбышев, Кемерово, Кривой Рог, Грозный, Донецк, Ярославль, Мурманск. И это только то, что мне известно. Широко же известен лишь Новочеркасск и, возможно, еще один-два пункта.

Советское образованное общество не только не пришло на помощь рабочим, но и почти не обратило внимания на ту волну. В 62 году в его среде не возникло даже и такого слабого (на польском фоне) движения сочувствия и протеста, какое возникло в 65 году после ареста Синявского и Даниэля. Не возникло следовательно и информационной цепочки: диссиденты — иностранные корреспонденты — "радиоголоса".

Представим себе, что мир и страна узнали бы о событиях в том же Новочеркасске (1—3 июня 1962 г.) в первые же дни, и с достаточными подробностями. И так же обо всех других волнениях того периода. Представим, что известные писатели, ученые, артисты стали бы, наряду с

* "Рабочие волнения в СССР в начале 60-х годов". Опубликовано в журналах: "Сучасность" (США, октябрь 78 г.); "Панорама" (Италия, 1.5.79 г.); "Критик" (Англия, № 10-11, 79 г.); "Альтернатива" (Франция, № 3, 80 г.); "Контакт" (Франция, № 7-8, 84 г.); "Форум" (ФРГ, № 1, 82 г.); а также в авторском сборнике "Из портативного ГУЛага российской эмиграции" (Мюнхен, 1983 г.)

простыми гражданами, гласно протестовать. И это еще в пору подверженного добру и влиянию Хрущева. Кто знает, история могла бы пойти по-другому!

Отметим попутно. Вопреки распространенному среди интеллигенции мнению о том, что "русский бунт всегда бессмысленен и беспощаден", ни об одном тогдашнем случае волнений неизвестно, чтобы допускались жестокости, грабежи и т.п. Были случаи — закидывали бульбжники в окна домов местных властей, или даже поджигали их, — но это всякий раз происходило лишь после того, как оттуда начинали стрелять, или после иных злодеяний властей.

Но, повторю, события того времени в своей совокупности как волна возмущения не вызвали почти никакой реакции в образованном обществе и потому оказали минимальное, близкое к нулю, влияние на атмосферу в стране, а на самих рабочих произвели негативный, деморализующий эффект. Я неоднократно наталкивался среди рабочих на высказывания такого рода, что в случае серьезном власти не преминут воспользоваться силой, "как то было в Новочеркасске" или где еще. Среди рабочих о волне возмущений в начале 60-х годов знают и помнят лучше, чем в среде интеллигенции. Но память эта служит тормозом. Терпеть поражение и погибать без какой-либо поддержки общества, без какого-либо отзвука, без смысла — память о подобном никогда еще никого не вдохновляла

* * *

В среде русского народа, лишенного, в отличие от польского, национально-освободительного импульса, пропаганда программы, отвечающей глубинным потребностям людей, важна не только для того, чтобы разбудить народ, но и *смягчить* его в случае пробуждения. Когда люди поднимаются не для того только, чтобы ломать, но и строить, им гораздо легче держать себя в руках, избегать эксцессов.

Наконец, распространение такой конструктивной программы увеличивает и шансы на появление реформа-

торов в руководстве партии. Народу надо знать, в каком направлении давить и во имя чего, и тем, на кого он будет давить, это тоже нужно знать!

Реалистическая оппозиционная программа, особенно при ее широком распространении в обществе, может найти сторонников, искренних или конъюнктурных, и среди руководящих кадров.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ "АНТИКОММУНИЗМА"

Сейчас в русских оппозиционных кругах, вытесненных в эмиграцию, господствующим является направление, называющее себя антикоммунистическим. (Оно же — "национально-религиозное"). Идейный вождь этого направления А.Солженицын, как известно, выступает за возвращение России далеко назад, за февраль 17-го, к какому-то авторитаризму (т.е. царизму) "под эгидой православия". Да еще 16-го века — "неиздерганного реформами Никона"!

"Коммунизм", в котором он видит мистическое, абсолютное зло, Солженицын считает порождением Запада, насланным Западом на Россию (в основном с помощью евреев и других "инородцев"), где он не имеет никакой почвы ("русский народ был первой его жертвой") и представляет собой временное чужеродное явление, которое должно быть полностью уничтожено, искоренено.*

Сахаров же, для сравнения, стоит за конвергенцию между Западом и Востоком, между капитализмом и строем, существующим в СССР. Сахаров, разумеется, не употребляет термин "коммунизм" для обозначения этого строя и считает его на деле монопольным государственным капитализмом. (Коммунизм существует разве только в Израильских кибуцах.) Но главное тут не в терминологии, а в том, что Сахаров не верит в возможность *полной* ликвидации строя, называемого антикоммунистами ком-

* Чтобы понять, как позорит эта концепция русский народ надо представить, что немцы, скажем, говорили бы подобное: национализм был привнесен извне (в основном с помощью австрийцев и других "инородцев"), в Германии он не имел никакой почвы, и немецкий народ был первой его жертвой! К чести немцев среди них не нашлось подобных патриотов.

мунизмом. Поэтому и выступает за конвергенцию, за сближение укладов, за встречу их где-то посередине* (в точке синтеза, как я говорю); альтернативой этому Сахаров видит лишь термоядерный пожар.

И я тоже, естественно, придерживаюсь мнения, что антикоммунизм не имеет никаких победных перспектив и даже мешает в борьбе с так называемым коммунизмом.

Иногда приходится слышать: почему это антифашистом быть хорошо, а антикоммунистом — плохо? Или вы считаете, что коммунизм лучше фашизма? О, нет! Я считаю, что "коммунизм" (т.е. тоталитарный социализм) на практике не лучше и не хуже, но в известном смысле опаснее фашизма. И именно потому опаснее, что "коммунизм", в отличие от фашизма, родился из лучших устремлений человечества и является поэтому в истории человечества этапом: реакцией, антитезисом на первозданный капитализм со звериным ликом. А фашизм (нацизм) по сути и происхождению — всего лишь крайний и примитивный антикоммунизм эпохи панического страха европейской буржуазии перед социалистической революцией и влиянием Советского Союза.

"Реальные" коммунисты также не гнушаются, наряду с высокими, использовать и низменные стремления людей, фашизм же держался почти целиком на стремлениях низменных. Потому против фашизма и достаточно было антифашизма!

Когда русские "антикоммунисты" внушают Западу, что русский национализм под эгидой православия — единственная сила, способная уничтожить коммунистический режим в России, то они всего лишь повторяют Гитлера, уговаривавшего немецких магнатов, что только ставка на немецкий национализм принесет победу над "еврейским" коммунизмом в Европе. Разница лишь в том, что у Гит-

* Несмотря на это, Солженицын упорно приписывает Сахарову стремление "максимально копировать для России западную систему" и в доказательство приводит слова Сахарова: "Я считаю единственно благоприятным для любой страны демократический путь развития." ("Вестник РХД", № 40, стр. 316.) То есть, Солженицын считает демократию специфически западной формой и сутью западного уклада жизни.

лера были более рациональные основания: Германия проиграла войну и была унижена Версальским миром. К тому же она имела в то время национально монолитное население при одном, но преуспевающем нацменьшинстве — идеальная ситуация для разжигания черных националистических страстей.

В болезненно-”реактивном” мышлении правых советских диссидентов понимание благородных истоков коммунизма вытеснилось в подсознание (какие там еще у него могут быть благородные истоки!) и преломляется на поверхности сознания в представление о дьявольской силе и коварстве коммунизма. В результате, кроме свирепой ненависти к коммунизму, смешанной со страхом перед ним, кроме призывов к применению силы и ограничению демократии (для усиления ее против коммунизма), ничего иного наши антикоммунисты предложить не могут.

И конечно, такой антикоммунизм способен только отпугивать людей в ”органически” коммунистических странах (где ”коммунизм” не был навязан силой извне) и способствовать стабилизации режимов этих стран.

Стабилизации ”коммунистического” режима в СССР способствует и ставка русских антикоммунистов на великорусский национализм, на призыв к сохранению ”единой и неделимой” Великой России. Пропаганда этих идей разумеется усиливает недоверие и неприязнь к русским со стороны нерусской (и неправославной) половины советского населения. Раньше власти проводили политику национального разобщения — ”разделяй и властвуй!” А у нас этим начали заниматься и диссиденты.

Стабилизации ”коммунистического” режима в СССР способствует и яростная антизападная пропаганда русских антикоммунистов. Притом направленная прежде всего против демократии и правопорядка и предрекающая неизбежную гибель Запада. *”Комично печальное впечатление от того, как плюралисты (т.е. диссиденты-демократы) несут и слагают свои жалобы и надежды к стопам Запада, ослепленно не видя, что Запад сам — накануне гибели, и сам себя уже не способен защитить.”* (А.Солже-

ницын — "Наши плюралисты", "Вестник РХД", № 139 стр. 147). Надо понимать — победа коммунизма неизбежна. Кто знает, скольких уже людей, готовых подняться на борьбу с режимом, остановила эта пропаганда? Ведь это же говорится не "Правдой"!

* * *

Но пора обобщать и заключать.

Окончательно и полностью сможет победить и выгнать "коммунизм" только такое движение, которое будет идти вперед, а не назад или вбок. Вперед — это значит к большему соответствию с человеческой природой.

Конвергенция (та — здоровая, по словам Сахарова,) — это не поворот на 90° (для СССР — направо, на Запад, а для Запада — налево, на Восток), а это сближение впереди, по ходу поступательного движения человечества. Движения к большей демократии, к тому, чтобы, кто был ничем, стал бы действительно всем, т.е. имел бы "решающий голос во всех касающихся его делах".

Начните говорить о таком движении, и последняя советская кухарка задумается.

Вот только способна ли начать такой разговор советская интеллигенция? Или, может быть, "инженерно-рабочий класс" сумеет подняться сам, без ее помощи?

Ответить на эти вопросы, от которых, наверное, зависит судьба человечества, никто из нас смертных разумеется не может.

Повторю здесь заключение, сделанное мною в книге "Свобода, власть и собственность". А именно, что мыслимо такое положение, при котором нигде в природе существа, осознающие свою смертность, не успевают или оказываются не в состоянии создать условия для того, чтобы перестать быть рабами страха смерти и его бесов, но успевают создавать средства всеобщего уничтожения. То есть, что сознание везде обречено на гибель от собственной силы (способности познавать как тайны природы, так и смертность всего живого). Это вполне в духе диалектики.

В этом случае сознание пришлось бы признать пере-

хлестом, излишеством природы, а наши мечты об обществе самоуправления — утопией. И если эта мрачная закономерность существует, тогда то, что происходит с Советской Россией, с ее населением и интеллигенцией, возможно, является проявлением упомянутой выше закономерности. Иными словами, России (в этом случае) возможно предназначена миссия положить конец существованию человечества. В отличие от наших антикоммунистов я не верю в возможность победы или распространения "коммунистического" режима СССР на весь мир, но допускаю, что термоядерный пожар на земном шаре он разжечь может.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БОРЬБА "СОЛИДАРНОСТИ" ЗА САМОУПРАВЛЕНИЕ

Интервью с директором зарубежного координационного бюро "Солидарности" Ежи Милевским и сотрудницей бюро Иоанной Пиларской. (Перевод с польского С.Дзя и Э.Юрьенен)

В. Б: Беседу я начал с вопроса к Ежи Милевскому, точнее, с просьбы рассказать об истории борьбы "Солидарности" за введение самоуправления трудовых коллективов.

Е. М: Впервые идея рабочего самоуправления появилась в Польше в XIX веке и возникла вновь после Первой мировой войны. Эта идея осуществлялась в Польше в развитии кооперативного движения. Воскресли эту идею в Польше и попытались провести ее в жизнь после Второй мировой войны, а именно — после 1956 года, когда с появлением Гомулки прекратилась насильственная коллективизация единоличных крестьянских хозяйств, а католическую церковь перестали преследовать, и она приобрела ту степень независимости от властей, которой пользуется и по сей день. Вот тогда на заводах стали создавать органы рабочего самоуправления, которые по идее должны были иметь право на контроль за деятельностью предприятия и его руководства. Кроме того, за коллективами самоуправляющихся предприятий предполагалось право на участие в распределении прибыли в том случае, если предприятием хорошо управляли и оно было рентабельным, а также обязанность возмещать убытки, если предприятием плохо управляли и оно было убыточным. Первые органы самоуправления на предприятиях были созданы, мне кажется, в 57-ом году, но затем постепенно,

год за годом, правительство Гомулки стало ограничивать их роль. В последние годы при Гомулке и в течение всего периода Герека органы самоуправления существовали только номинально. Более того, было изменено даже их название, они превратились в так называемые "комиссии рабочего самоуправления" — инстанции абсолютно фиктивные, деятельность которых ограничивалась тем, что они утверждали производственные планы, навязанные сверху. Кроме этого, "комиссии" имели право выступать в роли советников при распределении премий, — вот, пожалуй, и все их функции...

Все вышесказанное означает, что так или иначе, но идея самоуправления была у нас не в новинку: "Солидарность" просто вдохнула в нее жизнь. Но нам предстояло принять решение: готовы мы за эту идею бороться или нет?

Предложения по рабочему самоуправлению, на наш взгляд, выявили два момента первостепенной важности. Во-первых, момент идейный, я бы даже сказал, *идеологический*: кому должны принадлежать заводы и фабрики? Так вот, мы в Польше, и в частности "Солидарность", против той концепции, по которой хозяином предприятий является государство. Сорокалетний опыт убедил нас в том, что государство в этой роли оказалось хуже, чем алчные капиталисты XIX века, оказалось наихудшим из монополистов. Почему? Да потому, что оно имеет при этом в своих руках не только экономическую власть над заводами и фабриками, но еще и полицию с законодательством. Получается, как если бы капиталист мог бы управлять не только своим предприятием, но и парламентом, и законодательными органами. Так вот — этого нам не нужно. Хозяином средств производства должно быть само общество: хозяином шахт, заводов, лесов, земли, воздуха. И тут возникает вопрос: *через кого* общество должно осуществить это свое право собственности? Ведь все общество не может участвовать в управлении, например Гданьским судостроительным заводом. Решение было такое: пусть от имени всего общества этим Гданьским заводом будет руководить его коллектив, то есть все, кто

на этом заводе работает — от уборщицы до директора включительно. И управлять заводом коллектив будет в соответствии с определенным уставом, с определенными, естественно не политическими, а экономическими принципами. Например, коллектив не должен вмешиваться в каждодневную деятельность директора. Директору необходимо пользоваться достаточной властью для того, чтобы руководить предприятием. С другой стороны, отчитываться за свою работу он обязан в первую очередь перед коллективом. Вот таким был первый момент, выявленный в предложениях сторонников самоуправления.

Второй момент был чисто практическим. Стоял вопрос: кто в Польше должен проводить в жизнь экономическую реформу, ту, которой мы добивались? После августа 80-го года власти учредили правительственный комитет по экономической реформе. К участию в комитете было привлечено более тысячи человек. Возглавил этот комитет бывший заместитель премьер-министра по фамилии, если память мне не изменяет, Яшчук. Это был человек, скомпрометировавший себя во времена Гомулки. Так вот, этот многолюдный комитет работал настолько медленно и неэффективно, что членам "Солидарности", рабочим, стало ясно — власти просто не собираются осуществлять эту реформу. Что с того, что мы ее требуем? Власти не хотят ее, и все тут. Нужно было заставить их провести реформу. А для этого надо было опять же перевести заводы и фабрики на систему самоуправления, с тем чтобы осуществить реформу сначала на уровне предприятий, а затем перейти уровнем выше — к экономическому законодательству и к изменению структуры управления всем народным хозяйством. Речь здесь шла о том, чтобы упразднить тридцать министерств, которые существуют сейчас, и учредить вместо них только два: одно — министерство производства, другое — торговли, с тем чтобы в конечном итоге объединить и эти два министерства в одно — министерство производства и торговли, как в большинстве западных стран.

Самоуправление должно было стать орудием граждан, с помощью которого они могли бы вынудить власти провести экономическую реформу.

В. Б: В чем еще, кроме сокращения числа министерств, по мнению активистов "Солидарности", должна была состоять эта реформа?

Е. М: Прежде всего, это введение автономии, экономической автономии предприятий от государства.

Иными словами, "Солидарность" требовала возобновления деятельности свободного рынка. Свободного, но — не стихийного. Деятельность рынка должна быть ограниченной различными антимонополистическими законами. И тем не менее, независимость предприятия предусматривалась такой радикальной, что предвиделась возможность банкротства предприятий в случае их нерентабельности. В этом случае не предусматривалось никаких субсидий, ни каких искусственных мер по поддержанию таких предприятий. Если бы, скажем, коллектив судостроительного завода в Гданьске стал плохо управлять своими делами, если бы коллектив и директор завода совершили бы какие-то ошибки, вследствие которых завод обанкротился, тогда — что поделаешь! — 15 тысяч человек оказались бы безработными.

В. Б: А что стало бы с самим предприятием, с его оборудованием, помещениями, с основным капиталом, так сказать?

Е. М: "Солидарность" предусматривала, что предприятие должно было бы в случае банкротства временно перейти под опеку государства. Государство должно было бы создать новый коллектив и постепенно ввести его в права распорядителя этого предприятия.

Таким образом, первый момент экономической реформы, предлагавшейся "Солидарностью", состоял в автономии предприятий, большинства предприятий, от государства.

Но вопросы планирования — это был второй основной момент предполагаемой нами реформы — должны были оставаться в ведении правительства. Однако планирование должно было стать не обязывающим, а рекомендательным, направляющим и координирующим. Государство не должно было выносить решение, что данное предприятие *обязано* производить и в каком количестве. Государство должно было лишь при помощи экономического инструментария воздействовать на те области промышленности, ко

торые нужно развивать, как и на те, которые следует в развитии сдерживать по причине, скажем, перепроизводства.

Вот два основных момента, на которых должна была бы основываться экономическая реформа в представлении "Солидарности". И мы понимали, что провести ее можно только с помощью рабочего самоуправления, и на его основе.

В. Б: Когда началась борьба "Солидарности" за введение самоуправления и проведение экономической реформы?

Е. М: Изначально "Солидарность" была против самоуправления (я имею в виду осень 80-го года). Почему? Потому что когда возник профессиональный союз "Солидарность", власти вспомнили о существовании упомянутых мной выше "комиссий рабочего самоуправления" и стали говорить о том, что не профсоюз, а именно эти "комиссии" должны иметь влияние в делах предприятий. Таким методом власти пытались преуменьшить роль "Солидарности". Они стремились разделить рабочих на сторонников "Солидарности" и сторонников "комиссий самоуправления", то есть использовать идею самоуправления для ослабления профсоюза. Естественно, в тот момент мы выступили против такого самоуправления. Но потом, когда "Солидарность" стала уже достаточно сильной в результате трех-четырёх месяцев организационной работы, большинство членов профсоюза, хотя некоторые и возражали, пришло к выводу, что необходимо начинать борьбу за создание подлинного самоуправления.

В. Б: Когда это примерно произошло?

Е. М: Что касается даты начала в Польше всеобщего движения за самоуправление, то такой датой мы считаем день 7 июля 1981 года, когда по инициативе сети ведущих предприятий на Гданьском судостроительном заводе было созвано всепольское совещание сторонников самоуправления. На этом совещании присутствовало более тысячи человек. Присутствовал на нем и Лех Валенса. Вот с того дня в Польше и началось массовое движение за самоуправление. С того дня по всей стране коллективы предприя-

тий начали создавать органы самоуправления по своей собственной инициативе, не дожидаясь ни утверждения властями закона о самоуправлении, ни подсказок со стороны руководства "Солидарности". Используя материалы "сети", которые были основой для всех, каждый работал как умел. Это было непросто. Если например предприятие разветвленное, если его отделения рассеяны по всей стране, то возникал вопрос, как на таком предприятии организовать самоуправление? Или, как избирать заводской совет в том же, например, Гданьске, на судостроительном заводе, где работает 15 тысяч человек? В данном случае было принято решение организовывать выборы в каждом цеху, а потом — между людьми, выдвинутыми на цеховых выборах. В общем, проблем было немало, и на каждом предприятии их решали по-своему.

Закон о самоуправлении был утвержден Сеймом в сентябре 81-го года, в период Первого Всепольского съезда "Солидарности". Закон этот был, конечно, компромиссным, и все же он включал в себя большинство наших требований. В законе не были четко определены взаимоотношения директора предприятия с министерством и с коллективом, но все же из 71-го пункта этого Закона 21 пункт был целиком основан на наших предложениях, соответствовал разработанному нами законопроекту, а еще 20 пунктов были к ним очень близки. Это было большой победой "Солидарности" — заставить власти принять закон, который во многом удовлетворял нашим требованиям. То был единственный случай, когда власти выразили готовность пойти на компромисс с "Солидарностью".

С введением военного положения этот закон, естественно, изменили, и сейчас официальные органы самоуправления снова стали карикатурой на ту идею самоуправления, которой добивается народ

В. Б: Какова была роль заводских рабочих и служащих в разработке идей и принципов самоуправления, в частности, законопроекта "Солидарности" о самоуправлении?

В беседу вступает Иоанна Пиларска:

Здесь надо вспомнить о традициях, родившихся в

Польше после Второй мировой войны. Сразу после войны, когда новая власть еще не установилась, производство налаживали сами рабочие: собственными руками расчищали развалины, ремонтировали машины, пускали заводы в действие. В этот период все производство на заводах находилось под контролем самих рабочих, руководилось самим коллективом. Таким образом, в течение первых послевоенных двух-трех, почти четырех лет самоуправление в Польше осуществлялось на практике. У нас были самые настоящие самоуправляющиеся коллективы. Восстанавливались и кооперативные предприятия, и кооперативная торговля. Благодаря этому в первые послевоенные годы, несмотря на огромные потери, понесенные Польшей (у нас было разрушено более половины производственного потенциала, сильно пострадало сельское хозяйство, погибли миллионы людей), так вот, несмотря на все это, ситуация на рынке была намного лучше, чем впоследствии.

Е. М.: Да, и хлеб, и гвозди, и лопаты — все необходимое было!

И. П.: После 48 года, когда с помощью фальсифицированных выборов коммунисты осуществили политический переворот в Польше, захватив всю власть, то сделали все, чтобы уничтожить и самоуправление, и кооперативное движение. И вскоре уже и гвозди, и лопаты, и хлеб стали дефицитом!

В. Б.: Но ведь какие-то, пусть небольшие, финансы необходимы же были для восстановления производства. Откуда их брали до 48 года рабочие коллективы?

И. П.: Люди работали, не получая зарплаты, даже отдавая предприятию свои личные сбережения. Все эти личные жертвования им так никогда и не возместили. Таким образом в 48 году у людей было отнято не только самоуправление, их еще и обобрали!

Когда человек участвует в управлении предприятии, он чувствует себя ответственным за него, чувствует себя хозяином, он готов вложить в дело свои собственные деньги, если понадобится. А когда его лишают участия в управлении, когда на предприятии он становится

рабом, естественно, ему не то что не захочется вкладывать свои средства, он и работать будет недобросовестно.

В. Б.: Все это очень интересно и мало известно за пределами Польши. У польских рабочих, по сравнению с рабочими других социалистических стран, был уникальный опыт. Но вернемся к вопросу о том, какую роль играли рабочие и служащие в 81 году в разработке принципов и законопроекта "Солидарности" по самоуправлению?

Е. М.: Роль их была решающей. Благодаря этому и появилась "Сеть" ведущих, крупнейших предприятий, которая выступила с предложением об экономической реформе и организации рабочего самоуправления на предприятиях...

В. Б.: Что представляла собой эта "Сеть"?

Е. М.: Дело в том, что руководство "Солидарности" — Национальная координационная комиссия, находилась тогда перед профсоюзными выборами, была занята переговорами с властями, вопросами организационной структуры профсоюзов, забастовками, протестами и была физически не в состоянии разрабатывать для рабочих на предприятиях рекомендации к действию. Получилось так, что все стали действовать, беря за образец судостроительный завод в Гданьске. Все, что делается в Гданьске, считали они, — это хорошо, все, что в Гданьске не делается, — это плохо. Других критериев не было. А в это время в Гданьске деятели "Солидарности" чесали у себя в затылках и думали: "Езус Мария! А с кем же нам посоветоваться?" И пришли они к мысли о том, что люди, способные дать им совет, в Польше есть. Это — профсоюзные деятели крупных предприятий, находящихся во всех других воеводствах страны. Так появилась "Сеть", то есть добровольный коллектив, состоящий из представителей профсоюзных комитетов крупнейших предприятий и регулярно проводящий свои собрания. В "Сеть" были приглашены представители 17 таких предприятий. Был еще и 18-й член — отделение "Солидарности" Академии Наук. Задача "Сети" состояла в том, чтобы разрабатывать предложения и рекомендации к действиям в рамках отдельных предприятий, тогда как Национальная координационная

комиссия занималась тем же самым в масштабе всей страны.

Если говорить конкретно, то все происходило следующим образом: делегаты профсоюзных комитетов съезжались на общие собрания "Сети" и обсуждали различные предложения. Например: предлагать для данного конкретного предприятия самоуправление или нет, а если предлагать, то каким оно должно быть.

Так вот, эти люди — их было человек 30, а может быть и 40 — обсуждали все эти проблемы и стремились их разрешить. Если, к примеру, на собрании они приходили к выводу о том, что данное предприятие должно перейти на самоуправление, то вслед за этим они разрабатывали предложения для конкретных действий. С помощью установленных на предприятиях громкоговорителей они оповещали об этих предложениях рабочих, а затем узнавали их мнения: что подходит коллективу, а что нет. Как правило, предлагаемый "Сетью" проект в принципе рабочим подходил. К тексту проекта прилагались пожелания рабочих, которые просили изменить тот или иной пункт. В соответствии с этими пожеланиями на следующем собрании "Сети" первоначальный вариант предложений перерабатывали.

Таким образом можно сказать, что большинство предложений "Сети" были выработаны по рекомендациям самих рабочих и инженеров, людей, занятых на производстве, а не каких-нибудь там "диссидентов" или оторванных от жизни интеллектуалов. Нет, предложения "Сети" были иного рода: порой неуклюжие, сформулированные зачистую в юридическом смысле неточно. Перечитывая все это сегодня, находишь там иногда, ну, просто ошибочные вещи. И упущено там было немало важных моментов. Есть в документах "Сети" и рекомендации, заходящие слишком далеко. Таковы, например, предложения о перестройке всей банковско-финансовой структуры, о реформе административно-правительственного аппарата. Выдвигать подобные рекомендации было, конечно, преждевременно. Но предложения "Сети" были отражением инициативы самих масс. И не нужно забывать, что это были всего

лишь предложения, рекомендации. "Сеть" при этом подчеркивала, обращаясь к рабочим: "Поступайте в конце концов так, как сами считаете нужным. Только не бездействуйте и не бойтесь ошибок!"

В. Б: Я слышал, что Вы и Иоанна принимали деятельное участие в создании вот этой "Сети" больших предприятий. Расскажите немного об этом.

Е. М. Да, принимали. После окончания августовской забастовки в Гданьске я осознал, насколько сильно я привязался за время забастовки к Гданьскому заводу и к его профсоюзной комиссии. Я и раньше хорошо знал Гданьский завод по работе. Мой институт сотрудничал с этим заводом в разработке ряда тем.

В общем, после забастовки меня пригласили на Гданьский завод в качестве советника профсоюзной заводской комиссии. Я часто бывал на заводе и знал ситуацию, о которой рассказывал выше. С заводов Гданьска нам все время звонили рабочие, задавая различные вопросы: "Ребята, так что нам делать? Бастовать, не бастовать? Переходить на самоуправление или нет?" А мы часто не знали, что им отвечать.

Вот тогда я и пришел к выводу, что если рабочим Гданьска нужны советы, то дать их может не кто иной, как те же рабочие с других крупных заводов Польши. Случай помог мне проверить эту идею на практике. Меня послали в командировку в Жешув — город у юго-восточной границы — на крупный авиационный завод ВСК-Жешув. Перед этим я попросил своих товарищей с Гданьского завода дать мне удостоверение о том, что я являюсь их советником и выступаю от их имени. На авиационном заводе в Жешуве я пошел в их профсоюзную комиссию. Там у них было то же самое: точно так же им звонили рабочие, спрашивая, что делать, а они не всегда знали. Тогда я предложил им создать "Сеть". Связующую сеть, которая позволила бы деятелям профсоюза в Жешуве войти в контакт с их товарищами из Гданьска, встретиться с ними и поговорить. С тем чтобы потом пригласить представителей профсоюзных комиссий и с других крупных заводов страны.

В Жешуве эту мысль все немедленно одобрили. И страшно обрадовались, что наконец-то на них обратили внимание. И кто? Люди из самого Гданьска приглашают их сотрудничать! У Гданьского завода был тогда уже очень большой авторитет в Польше...

Я вернулся в Гданьск. "Сеть" была создана, хотя в ней насчитывались еще только два звена: Гданьский судостроительный и ВСК-Жешув. Это было 17 марта 1981 года.

Впоследствии вместе с Яцеком Меркелем и Ханцем Щицем, деятелями профсоюза Гданьского завода, а также вот с Иоанной Пиларской — она была, как и я, из секции "Солидарности" Академии Наук Польши — мы стали ездить по всей стране. Поехали на судостроительный завод в Штетине, на Цигельский завод в Познань, на ПФВаг во Вроцлав, на сталелитейный завод им. Ленина в Краков, на УРСУС в Варшаву — и повсюду предлагали одно и то же: входить в "Сеть". Первый вопрос, который мы выдвигали на обсуждение, был: нужно или не нужно переводить предприятия на самоуправление? В то время мнения по этому поводу были самые разные. Так все это и началось...

Поскольку мы с Пиларской были не с крупного завода, а из профсоюзной секции Академии Наук, мы взяли на себя организацию собраний "Сети", стали ее секретариатом. У "Сети" не было руководства, не было председателей. Были собрания, на которых утверждались те или иные тексты с предложениями. И кто-то должен был взять на себя работу по их редактированию и печатанию. Так вот, мы с Иоанной этим и занимались. Кроме того, мы занимались поисками помещений для этих собраний. Два первых заседания "Сети" проходили на Гданьском судостроительном заводе. Нашей с Иоанной задачей было также определение круга тем, выносимых на обсуждение этих собраний.

После полугода такой вот деятельности авторитет наш окреп, и работа пошла на лад. Все уже хорошо знали друг друга. Благодаря системе проведения собраний — то на одном заводе, то на другом, — члены "Сети" познакомились со всеми входившими в "Сеть" предприятиями. Так, например, все побывали на шахте в Катови-

цах, на авиационном заводе в Жешуве и т.д. Это помогло решению возникающих проблем. Система в общем функционировала очень хорошо.

Но вот что я хочу подчеркнуть — руководителем "Сети" лично я ни в коем случае не являлся. Дискуссии происходили обычно в рабочих группах, и в этих дискуссиях я участия как правило не принимал. Они все делали сами и приходили к нам уже с черновыми вариантами решений. От нас требовалось только все это отредактировать, озаглавить, перепечатать. У "Сети" не было никакой полиграфической базы, не было секретарей-машинисток... Вот этим мы и занимались.

Необходимо еще отметить, что каждая группа "Сети" создала своего рода филиалы на других предприятиях в своем районе. В результате все материалы, все тексты, разработанные "Сетью", попадали не только на заводы, непосредственно входившие в "Сеть", но и на многие другие. В то время это была, вне всякого сомнения, лучшая консультативная система из тех, что можно было организовать. С ее помощью рабочие могли высказываться напрямую, минуя достаточно сложный путь от заводских комиссий "Солидарности" к Центральной.

В общем "Сеть" сыграла очень важную роль. И это было признано на Первом Всепольском съезде "Солидарности" в Гданьске. На этом съезде много говорилось о работе "Сети", о том, что подобные инициативы следует распространять и развивать...

В. Б: Стало быть, Центральная координационная комиссия не сразу оценила эту инициативу?

Е. М: Нет, "Сеть" очень быстро была признана Центральной комиссией в качестве консультативной организации, как орган профсоюза. Официально Центральная комиссия признала "Сеть" 22 мая 82-го года, то есть спустя два месяца после ее возникновения. Это очень быстро. Но в чем Центральная комиссия дольше сомневалась, так это в том, поддерживать ли идею создания самоуправляющихся коллективов, выдвинутую "Сетью". К этой идее центральное руководство долго относилось сдержанно. Но уже после 8 июля, после собрания на Гданьском

заводе и после того, как Лех Валенса высказался по этому поводу позитивно, Центральная координационная комиссия эту идею приняла. Позже эту инициативу поддержал Всепольский съезд "Солидарности", полностью приняв модель самоуправления и предлагаемую на этой основе экономическую реформу.

Тут я хотел бы добавить, что "Сеть" занималась не только самоуправлением. Это была первая проблема "Сети". Но когда самоуправляющиеся коллективы стали реальностью, когда они создали свои координационные советы в воеводствах, когда возник комитет-учредитель Всепольского Совета самоуправляющихся коллективов, тогда "Сеть" перестала всем этим заниматься, поскольку она являлась органом профсоюза.

В. Б: Каковы были основные направления при выработке программ по самоуправлению?

Е. М: Было в общем две концепции, две линии. Расходились они по следующему вопросу: следует ли добиваться чего-то близкого к тому, что уже существует в капиталистических странах? То есть, следует ли выпускать и продавать акции предприятия рабочим, и сделать рабочего владельцем предприятия так, чтобы его доля собственности определялась бы количеством купленных им акций?

Споров на эту тему было много. Большинство отказалось от идеи насчет акций, думаю, из соображений о том, что в этом случае через 5-10 лет коллектив предприятия будет вновь состоять из людей, работающих по найму, тогда как владельцы его, бывшие рабочие, станут уже жить на доходы с акций или выйдут на пенсию. Бывшие рабочие окажутся владельцами, скажем, судостроительного завода в Гданьске до конца своей жизни, а потом их акции перейдут детям — и таким образом возникнет новый класс собственников внутри экономической системы, в конечном счете социалистической.

В предложениях "Солидарности" по самоуправлению была выработана как определяющая рекомендация не делить предприятия на доли, на акции, а считать членом самоуправленияющегося коллектива и владельцем предприятия *каждого* работающего на данном предприятии чело-

века, начиная с момента его поступления на работу и кончая моментом его ухода с этой работы. И права свои в качестве члена самоуправляющегося коллектива — в том числе право пользоваться прибылью предприятия — он не может передать никому. Ни детям, ни прочим членам своей семьи — никому. То есть, это не дележ предприятия на доли, а участие в совместном владении предприятием на то время, пока человек на нем работает.

Возьмем другой случай. Допустим, дела у предприятия пойдут хорошо, оно начнет расширяться, станет создавать свои филиалы. Вопрос: кто будет их владельцами? Ответ: не те, кто работает на центральном предприятии, а те, кто станет работать в данном филиале. Они, и никто другой.*

Возник перед нами и такой еще вопрос: что делать с монополистическими тенденциями? Ведь, скажем, сталелитейный завод им. Ленина в Кракове вместе со сталелитейным заводом в Катовицах производят 80% стали в стране. Если перевести эти заводы на самоуправление если дать коллективам власть над заводами, то что они предпримут в первую очередь? Они незамедлительно повысят цену на сталь! Чтобы, по логике рыночной системы, иметь больше доходов. А в результате разорят маленькие заводы, потребляющие сталь. И начнут властвовать на рынке, как властвуют или, скажем, властвовали монополии на капиталистических рынках в XIX веке, что приводило к таким явлениям, как например, кризисы перепроизводства.

Наши рабочие отдавали себе отчет в том, что необходимо взять под контроль монополистические тенденции. В настоящее время у нас существует только один монополист, это — государство. Монополист страшный, можно даже сказать — кровожадный. Но мы должны действовать осторожно, так чтобы не создать собственных монополистов.

* Это мнение Е.Милевского расходится с соответствующим пунктом программы "Направление деятельности", на который я ссылался. Очевидно, у активистов "Солидарности" не было единодушия на этот счет, и не все задавались вопросом, будет ли выгодно коллективам предприятий такое расширение.

Вот такие вопросы нужно было решать, и конечно многие из них "Солидарность" решить не успела.

В. Б: Существует мнение, что самоуправление на производстве, в учреждениях, научно-исследовательских институтах и так далее — это фактически проникновение демократии внутрь предприятий и учреждений, где рабочий совет — законодательная и контрольная власть, а дирекция — исполнительная.

Е. М: Абсолютно согласен. И мы думали не только о построении структуры самоуправления снизу вверх: от заводских органов самоуправления, через региональные — к общенациональному Совету представителей самоуправляющихся предприятий, который играл бы роль Второй палаты Сейма, — но думали также о развитии структуры самоуправления сверху вниз.

Возьмем опять судостроительный завод в Гданьске. Там 15 тысяч рабочих, в рабочем совете будет, скажем, 100 человек. Получается, что 100 человек будут представлять 15 тысяч. В этом случае участие в управлении для каждого трудящегося будет мало ощутимо. Мало ощутима будет и ответственность. Понятно, что большая система по своей природе сильно ограничивает как свободу и инициативу, так и ответственность. Поэтому мы предусматривали, чтобы на больших заводах сделать самостоятельными цеха, а в цехах дать самостоятельность каждой бригаде, вплоть до того, чтобы она свой совместный, бригадный, продукт труда продавала бы всему заводу в целом, следуя при этом определенным правилам, а сырье покупала. И если бригада будет плохо работать, то она обанкротится! То есть, обанкротится не весь завод в целом, а именно эта бригада, и тогда ее заменят новой бригадой. Все это необходимо для того, чтобы люди знали, что работают они для себя и на себя, и что все зависит от их инициативы и добросовестности.

В. Б: Какой Вы видели политическую структуру государства? Какова должна была быть эта структура, если бы в Польше утвердилось самоуправление и экономическая автономия большинства предприятий от государства? Я пояснил, что, насколько мне известно, имеется три ре-

шения, три направления. Первое — на полностью беспартийное общество; второе — на обычную многопартийную систему; и третье — на смешанную систему: с партийной исполнительной властью, которая формировалась бы на выборах с участием различных партий, и с беспартийной по характеру законодательной властью, которая представляла бы собой совет представителей самоуправляющихся коллективов. Эти представители могли бы, конечно, принадлежать к различным партиям, но в законодательном органе обязаны были бы соблюдать и представлять только интересы избравших их коллективов, а не каких-либо партий. Какое мнение по этому вопросу господствовало в "Солидарности"?

Е. М: Мы были ближе к последнему варианту. Мы считали, что во всех органах самоуправления — заводских, региональных и в общенациональном совете — не должно быть никакого разделения на партии. Депутаты в этих представительных органах должны были бы исполнять волю и защищать интересы исключительно избравших их коллективов. Но кроме этих органов самоуправления, в реальности оставались бы еще и нынешний Сейм и народные советы, местные органы власти, городские и сельские.

Из появившихся в конце 81-го года еще не отработанных до конца предложений "Солидарности" ясно видно, что наш профсоюз стремился к тому, чтобы эти органы избирались бы в ходе всеобщих территориальных выборов, а кандидаты в депутаты выдвигались бы как политическими партиями, так и общественными группами. Что это за группы? Мы представляли себе это, например, так: в деревне крестьяне соберутся у кого-нибудь в доме и выдвинут своего кандидата, который будет конкурировать на выборах в местный орган власти с другими кандидатами, в том числе и от каких-нибудь партий.

Но в Сейме мы считали необходимым иметь Вторую палату, палату самоуправления, которая составлялась бы из представителей органов рабочего самоуправления, а также представителей кооперативных и частных предприятий и объединений крестьян-единоличников. То есть эта палата должна была бы быть беспартийной по

сути. Эта палата занималась бы решением экономических вопросов в масштабе всей страны в интересах самоуправляющихся и всех иных предприятий и учреждений, экономически независимых от государства.

Что же касается исполнительной власти, правительственной, то тут мы не собирались ничего менять: мы не имели намерения захватывать или подчинять себе существующую в Польше исполнительную власть. Мы лишь хотели, чтобы она находилась под контролем общества, прежде всего этих вот двух палат Сейма.

То есть, мы хотели иметь смешанную политическую структуру.

В. Б: Насколько я понял, вы в "Солидарности" и в "Сети" рассматривали самоуправление трудовых коллективов как новый общественный строй, но не как какой-то временный переходный этап к другому строю, например, к капитализму? Верно я Вас понял?

Е. М: Абсолютно верно! Мы боролись за самоуправление не из тактических соображений, мы не смотрели на самоуправление как на что-то временное и переходное. И мы планировали, что самоуправляющимися и автономными от государства будет большинство предприятий. В государственном секторе должны были оставаться лишь энергетика, военная промышленность, транспорт, главным образом железнодорожный, производство медикаментов и алкоголя. Органы самоуправления должны были бы существовать и в этих секторах, но с ограниченными правами.

Кроме того, должна была иметь равные со всеми права частная собственность и инициатива, главным образом в сельском хозяйстве, а также в торговле, обслуживании, в мелкой и ремесленной промышленности. Но преобладающей должна быть форма самоуправления экономической автономных от государства предприятий и учреждений.

Август 84 года

ЕЖИ МИЛЕВСКИ родился в 1935 году. Его родные — отец, мать и брат, погибли во время 2-й мировой войны. Отец был взят в плен Красной Армией в 39 году как офицер запаса и убит в Катъни. Милевский окончил Политехнический институт в Гданьске. До декабря 81 года работал в области лазерной техники в НИИ АН Польши в Гданьске. Много раз бывал в СССР — по научной линии и как альпинист (Кавказ, Памир). В августовской забастовке Гданьской судовой принимал участие как советник забастовочного комитета. После августа был избран в Правление "Солидарности" гданьского региона. Кроме работы в "Сети" ведущих предприятий, принимал участие в 1-ом съезде "Солидарности" (сентябрь-октябрь 81 г.) и был выдвинут на съезде секретарем программной комиссии. Военное положение застало Милевского на научной конференции по лазерам в Нью-Орлеане, США. В мае 82 года по поручению подпольной Временной Координационной комиссии "Солидарности" начал создавать Зарубежное координационное бюро "Солидарности" в Брюсселе с помощью и на средства Всемирной Конфедерации Свободных Профсоюзов. Бюро начало свою работу с 1 июля 82 года.

ИОАННА ПИЛАРСКА, р. 1944. Отец — журналист и профсоюзный работник, мать — учительница. Отец — поляк, но родился в Германии, где был активистом анархо-синдикалистского профсоюзного движения. В 33 году, с приходом к власти Гитлера, эмигрировал в Польшу, работал в немецкой редакции польского радио. С 39 г., с захвата Польши Германией и СССР, скрывался. С 44 г. в Силезии работал по облегчению участи поляков немецкого происхождения. С 49 по 54 годы провел в заключении без суда. Вышел из тюрьмы тяжело больным. Мать в годы сталинизма была уволена с работы. Иоанна Пиларска окончила биологический факультет Варшавского университета и работала там до 68 года. За участие в студенческих выступлениях того года была уволена из университета и перешла в систему польской Академии Наук. В августе 80 года — член-учредитель Варшавского отделения "Солидарности", в 81 году — работ по созданию "Сети" крупнейших предприятий. В 83 году выехала в Бельгию для работы в зарубежном координационном бюро "Солидарности".

ПРОЕКТ ЗАКОНА ОБ ОРГАНАХ САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

*Предложен польским профсоюзом "Солидарность"
на обсуждение общественности в июле 19181 г.*

ПОРЯДОК УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Коллектив трудящихся предприятия управляет предприятием через органы самоуправления. Эти органы избираются рабочими и служащими предприятия. Трудящиеся, избранные в состав органов самоуправления, ответственны перед своими избирателями и могут отзываться только ими.

Самая высокая форма выражения воли коллектива предприятия — это общее голосование, которое проводится по решению Совета трудящихся или по требованию, по крайней мере, десяти процентов коллектива предприятия.

Органы самоуправления распоряжаются имуществом предприятия, намечают общее направление его производственной деятельности и развития, а также принимают решения о распределении прибылей.

Органы самоуправления трудящихся могут заключать соглашения и договоры с органами власти.

Директор предприятия осуществляет оперативное руководство производством в соответствии с решениями органов самоуправления трудящихся.

ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

Таковыми органами являются: Общее собрание коллектива предприятия или делегатов такого собрания, Совет трудящихся, Президиум такого совета, Вспомогательные органы самоуправления.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

В компетенцию Общего собрания входит: ежегодная оценка деятельности Совета трудящихся и директоров предприятия, отклонение или изменение решений Совета трудящихся.

Общие собрания созываются Президиумом Совета трудящихся. Президиум также обязан созывать общее собрание по требованию — 10% работников предприятия, или совета трудящихся, или органов профорганизации. Трудящиеся предприятия должны быть оповещены за семь дней до созыва Общего собрания о его повестке дня, о месте и времени собрания. Общее собрание считается правомочным, если на нем присутствует не менее половины работающих. Решения Общего собрания принимаются большинством голосов. Решения, принятые Общим собранием по вопросам, входящим в его компетенцию, обязательны для Совета трудящихся, его Президиума, директора и всего коллектива трудящихся.

Решения об объединении, разделении или закрытии предприятия принимаются Общим собранием трудящихся.

СОВЕТ ТРУДЯЩИХСЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Члены Совета трудящихся избираются коллективом предприятия на общих, равных, прямых и тайных выборах сроком на 4 года. Право голоса на выборах органов самоуправления имеет каждый, работающий на предприятии.

Право быть избранным в органы самоуправления имеет каждый рабочий и служащий, проработавший на предприятии не менее двух лет. Права быть избранными в органы самоуправления не имеют: директор предприятия, его заместители, главный бухгалтер и юрисконсульт. Администраторы цехов и отделений предприятий, бухгалтеры и юрисконсульты этих цехов и отделений не имеют права избираться в органы самоуправления только в своих цехах и отделениях.

Члены Совета трудящихся не имеют права занимать руководящие посты в других общественных и политических организациях.

Каждый избранный в Совет трудящихся может состоять в нем не более двух избирательных сроков.

В компетенцию Совета трудящихся предприятия входит:

- принятие решений об основных направлениях экономической деятельности и развития предприятия;
- утверждение планов работы предприятия;
- принятие решений о распределении доходов предприятия;
- утверждение организационной структуры предприятия;
- назначение и отзыв директора предприятия;
- вынесение рекомендаций относительно назначений на посты заместителей директора и главного бухгалтера;
- принятие решения об изменении ассортимента и вида продукции или характера услуг, выполняемых предприятием;
- обсуждение и утверждение годовых балансов и отчетов;
- рассмотрение просьбы директора предприятия об отставке и принятие решения по этому вопросу;
- обсуждение предложений о заключении экономических соглашений и о сотрудничестве с другими предприятиями и принятие соответствующих решений;
- заключение соглашений с властями;
- установление основ политики кадров;
- выборы Президиума Совета трудящихся;
- принятие решений о приобретении предприятием недвижимого имущества и средств производства;
- принятие решений об импортно-экспортных договорах;
- управление средствами массовой информации предприятия;

Совет трудящихся имеет право требовать у директора и других административно-технических работников представления любой производственной информации и

необходимых пояснений. Совет трудящихся имеет право контролировать материальное и финансовое положение предприятия. В делах, требующих специальных знаний, Совет трудящихся имеет право приглашать экспертов.

Решения, принятые Советом трудящихся в рамках его компетенции, являются обязательными для директора и других административно-технических работников предприятия.

Заседания Совета трудящихся созываются не реже, чем один раз в квартал. Чрезвычайное заседание Совета трудящихся должно быть созвано, если этого требуют: одна треть членов этого Совета или десять процентов работников предприятия, или его директор.

Совет трудящихся предприятия может образовывать постоянные или временные комиссии, определять их компетенцию и методы деятельности.

Члены Совета трудящихся не могут быть уволены с работы во время их пребывания в составе этого Совета и в течение двух последующих лет. В течение этого времени нельзя ухудшать условий их работы и уменьшать зарплату.

ПРЕЗИДИУМ СОВЕТА ТРУДЯЩИХСЯ

Президиум Совета трудящихся предприятия является исполнительным органом этого Совета.

В обязанности Президиума входят: подготовка проектов решений Совета трудящихся; контроль за исполнением этих решений; созыв заседания Совета трудящихся; организация комиссий и совещательных органов; проверка представленной директором предприятия информации о финансово-экономическом и техническом состоянии предприятия; контроль за деятельностью вспомогательных органов самоуправления трудящихся, а также Советов трудящихся цехов и иных подразделений предприятия; выполнение других обязанностей по поручению Совета трудящихся предприятия.

ДИРЕКТОР

Директор предприятия является исполнителем решений органов самоуправления трудящихся. Директор осуществляет оперативное руководство предприятием, организует его работу в соответствии с принципом единоначалия, представляет интересы предприятия за его пределами и оформляет производственные юридические документы.

До принятия органами самоуправления решений по вопросам, входящим в их компетенцию, директор предприятия должен представить на усмотрение этих органов свои соображения по обсуждаемым вопросам. Если решение Совета трудящихся нарушает какие-либо законы, директор предприятия обязан сообщить Совету о своем несогласии с этим решением, и выполнение оспариваемого решения задерживается.

Совет трудящихся предприятия назначает директора из числа кандидатов, участвующих в соответствующем конкурсе.

Совет трудящихся может снять директора с его поста до истечения договорного срока, если директор не справляется со своими обязанностями, не соответствует занимаемой должности.

Директор может быть также снят со своего поста решением Общего собрания рабочих и служащих предприятия.

Директор назначает своих заместителей и главного бухгалтера, согласуя однако эти назначения с Советом трудящихся предприятия.

Если решения органов самоуправления трудящихся или распоряжения директора предприятия касаются вопросов, относящихся к компетенции профсоюзов, то органы самоуправления и директор должны предоставить профсоюзам возможность заявить о своей точке зрения по этим вопросам.

Перевод с польского Софьи Варди.

* * *

Напомню, как комментировал этот законопроект тогдашний глава ПОРП Станислав Каня в своем докладе на чрезвычайном съезде в июле 81 года:

”Несколько дней назад был распространен так называемый общественный проект закона о предприятиях, разработанный организациями ”Солидарности”. Правительственному законопроекту о предприятии и трудовом самоуправлении была противопоставлена концепция фактического отхода от государственной собственности к групповой собственности. Развивается акция самовольной организации звеньев самоуправления так называемого общественного предприятия... Мы решительно отвергаем эти идеи и тенденции.”

ИНТЕРВЬЮ С КАРИ РОЗЕНОМ

директором Национального исследовательского центра предприятий, принадлежащих рабочим и служащим. (Арлингтон, США). Интервью по моим вопросам вел К.Симис. Перевод с английского В.Ясмана.

ВОПРОС: Каковы главные цели центра, над какими проектами он работает?

ОТВЕТ: Данный центр представляет собой исследовательскую и информационную организацию. Нашей целью является оказание помощи работающим по найму людям, которые желают принять участие во владении фирмой или предприятием, в котором они работают. Делаем мы это различными путями: осуществляем исследовательские проекты на заданную тему, знакомим людей с тем, что означает переход предприятия в собственность трудового коллектива и как оно может функционировать, предоставляем информацию всем заинтересованным лицам или организациям.

ВОПРОС: Как давно существует центр, кем он создан и финансируется? Сколько сотрудников в нем сейчас работает?

ОТВЕТ: Наш центр был образован в 1980 году. Его основали я и моя жена, а финансировался он в основном за счет членских взносов, продажи наших публикаций, а также в некоторой степени за счет исследований проблем, связанных с переходом предприятий в собственность рабочих и служащих. Контракты на эти исследования предоставляли нам федеральное правительство и некоторые частные организации.

В настоящее время у нас в штате пять профессиональных работников. Каждый из этих людей имеет широкий

круг задач, необходимых для выполнения исследовательских, информационных и организаторских работ.

ВОПРОС: Сколько примерно существует в США самоуправляющихся предприятий, полностью принадлежащих трудовым коллективам? Отличаете ли Вы их от предприятий, принадлежащих профсоюзам?

ОТВЕТ: Мы полагаем, что сейчас в Соединенных Штатах имеется по меньшей мере от 600 до 1200 предприятий с численностью работающих свыше 10 человек, которые полностью принадлежат тем, кто в них работает. Этот тип собственности очень отличается от компаний, которые принадлежат профсоюзам. Вообще же, насколько мне известно, в Соединенных Штатах нет предприятий, принадлежащих профсоюзам.

Компании и предприятия, которыми мы занимаемся, находятся в прямом владении людей, работающих в них. В некоторых случаях работники таких предприятий в Совете директоров представлены своими профсоюзами. Но, повторяю, профсоюзы как организации самостоятельно в США не владеют предприятиями. Компании, перешедшие в собственность своих сотрудников, имеют самые различные формы. Эти формы не должны лишь противоречить американскому налоговому законодательству и законам, регулирующим способы создания предприятий. Некоторые из этих предприятий являются рабочими кооперативами, в которых каждый работник имеет равное право голоса в управлении предприятием и равную долю участия в прибылях. ("Кооператив" здесь от английского слова — сотрудничество. В Европе это называется коллективной или групповой собственностью. — В.Б.) Другие предприятия становятся частичной собственностью сотрудников путем приобретения ими акций компании по специальному плану. Это сейчас наиболее распространенный способ. В этом случае работники становятся совладельцами предприятия с помощью специального "доверительного фонда", в котором хранятся акции каждого из них до тех пор, пока он не уволится или не уйдет на пенсию.

ВОПРОС: Каков профиль и размеры предприятий, принадлежащих рабочим и служащим в США?

ОТВЕТ: Профиль самый различный. Это рестораны и магазины диетических продуктов, инженерные, строительные и сталелитейные фирмы, компании, производящие полупроводники и компьютеры. В США нет ни одной отрасли промышленности, где не было бы компаний, во владении которыми в большей или меньшей степени не участвовали бы их сотрудники. Как мы считаем, ныне от 7 до 8 процентов рабочих в США в какой-нибудь форме участвуют во владении своими предприятиями и, пожалуй, от 10 до 15 процентов всех компаний имеют эту форму собственности, а в 8000 из них — большая часть акций принадлежит ее сотрудникам.

ВОПРОС: Количество таких предприятий увеличивается или уменьшается?

ОТВЕТ: Увеличивается.

Этот процесс быстро распространяется в Соединенных Штатах. А начался он в 1974 году. В том году через Конгресс прошла серия налоговых законов, предназначенных поощрить работодателей, готовых разделить свою собственность со своими рабочими. Многим людям казалось странным, что работодатели могут добровольно отдать часть своей собственности. Но для этого было несколько веских причин. Одна из них это то, что новое налоговое законодательство делало такой шаг выгодным для работодателя. С него взимается меньше налога! Другой причиной было то, что, как показали соответствующие обследования, участие рабочих во владении предприятием приводит к улучшению производственных показателей, к росту производительности труда и в конечном счете — к увеличению прибылей, что выгодно как компании, так и ее сотрудникам.

Были также случаи, когда люди сами создавали коллективные предприятия буквально с нуля. Многие из них стали потом весьма преуспевающими. В других случаях работники объединялись и совместно покупали фирму, которой грозило закрытие.

ВОПРОС: Каковы конкретные показатели работы таких коллективных предприятий? Их прибыльность, производительность труда?

ОТВЕТ: Предприятия, принадлежащие своим сотрудникам, показывают значительно большую прибыльность. Они на 50% дают больше прибыли, чем сравнимые с ними обычные предприятия. Среднегодовой прирост производительности труда у них в два раза выше. Несколько лет назад исследование коллективных предприятий, выборочное, провела финансовая комиссия Конгресса США и также пришла к выводу, что эти предприятия более продуктивны и платят государству больше налогов. Однако исследования коллективных предприятий находятся еще на самой начальной стадии, и поэтому к обобщающим данным надо относиться с известной осторожностью.

ВОПРОС: Как зарабатывают рабочие на таких предприятиях, и какие другие преимущества для себя они там находят?

ОТВЕТ: Рабочий, который участвует во владении компанией, может сколотить в такой компании изрядный капитал. В типичной такой фирме, например, рабочий, который проработал там 20 лет, как ожидают, может оставить фирму, имея на руках от 50 до 150 тысяч долларов, в зависимости от того, как будут идти дела в фирме на момент его ухода.

Кроме того, люди считают, что на таких предприятиях лучше работать и ввиду того, что они имеют там возможность участвовать в жизни предприятия, в его успехах, и тот факт, что рабочий является совладельцем предприятия, дает ему чувство собственного достоинства.

Недавно была опубликована книга, где были названы сто лучших компаний страны и проанализировано, как они работают, как организованы. Так вот, по мнению авторов, одним из ключевых отличий этих компаний было то, что они чаще других предлагали своим работникам быть совладельцами предприятий.

ВОПРОС: Как управляются предприятия, принадлежащие трудовым коллективам?

ОТВЕТ: Сотрудники на таких предприятиях выбирают Совет директоров и имеют право решающего голоса в делах предприятия. В тех же компаниях, где работники лишь частично владеют предприятием, они имеют и мень-

ше прав и возможностей вмешиваться в дела. Но и эти предприятия все же более демократичны в своей внутренней жизни, чем обычные компании.

ВОПРОС: Как относятся к коллективным предприятиям власти, общественность, средства информации, деловые круги?

ОТВЕТ: Росту числа фирм с коллективной собственностью в большой степени способствовало правительство. Для многих иностранных наблюдателей явилось неожиданностью то, что правительство Соединенных Штатов оказало поддержку начинаниям такого рода. Возможно не так энергично, как могло бы, но поддержку все же оказывало.

За последнее десятилетие федеральное правительство утвердило 16 законопроектов, поощряющих участие служащих во владении своими компаниями; 14 законопроектов находятся теперь на утверждении законодательных органов отдельных штатов, и все больше штатов включается в этот процесс.

Аналогичную поддержку этой идее оказали также деловые круги страны и средства массовой информации. Они увидели в этом явлении не только новую и эффективную форму организации бизнеса, но и возможный путь к примирению конфликтующих ценностей американского общества: стремления к экономическому росту и к социальной справедливости. Похоже, что наметилось решение этого противоречия, причем такое, когда для достижения одной цели не приходится жертвовать другой.

Поясню свою мысль. В компаниях с коллективной формой собственности прибыль уже не достается преимущественно хозяевам или крупным акционерам — такая компания приносит прибыль всем своим сотрудникам. И дилемма между поощрением экономического роста и увеличением диспропорции в распределении заработанных денег, неравного распределения прибыли, начинает исчезать.

ВОПРОС: Каково в США отношение профсоюзов к предприятиям, принадлежащих рабочим и служащим?

ОТВЕТ: Некоторые профсоюзы одобряют идею

таких предприятий. Но другие, большинство отнеслись к ней отрицательно. Они видят в предприятиях, полностью или частично принадлежащих рабочим, угрозу своему существованию. Они видят себя прежде всего противниками капитала и опасаются, что рабочие, став совладельцами предприятий, не будут вступать в профсоюзы. Некоторые же профсоюзы считают, что соучастие рабочих во владении предприятиями поможет профсоюзам через этих рабочих, своих членов, получить больший контроль над деятельностью администрации предприятий. Еще несколько лет назад большинство профсоюзов выступали против коллективных предприятий. Сейчас многие из них заняли выжидательную позицию. Но как бы там ни было, профсоюзы в целом — последний бастион оппозиции идее коллективного владения предприятиями.

ВОПРОС: Каковы на Ваш взгляд перспективы, будущее коллективных предприятий?

ОТВЕТ: Принимая во внимание изменения налогового законодательства, которые были проведены в 1974 году, есть все основания предполагать, что рост числа компаний с коллективной собственностью в следующем десятилетии будет идти гораздо быстрее, чем в минувшем. Проблема лишь в том, что для многих компаний и для многих работающих по найму переход компаний в собственность ее сотрудников представляется еще слишком радикальным изменением по сравнению с привычными формами деловой активности. К этому не так легко привыкнуть! Для столь важного социального изменения необходимо длительное время. С другой стороны, имеются все необходимые предпосылки для его реализации. Поэтому мы настроены оптимистично и считаем, что фирмы, которые полностью или частично принадлежат своим сотрудникам, будут играть заметную роль в американском бизнесе в следующем десятилетии и в более отдаленном будущем. Фактически уже сейчас можно сказать, что они достигли известного статуса. Одной из интересных особенностей фирм с коллективной собственностью, как мне кажется, является то, что они не только хорошо прижились в американской экономической системе, но есть

указания на то, что они подходят также и к экономическим системам коммунистических стран! В Венгрии, например, поощряется создание самоуправляющихся, коллективных, правда пока лишь мелких, предприятий и ремесленных артелей. И Китай, похоже, двинулся в том же направлении. И идет борьба за идею рабочего самоуправления в Польше.

ВОПРОС: Как Вы считаете, введение самоуправления на основе групповой собственности в так называемых коммунистических государствах, при условии их демократизации, конечно, — приведет ли это к созданию там какой-то новой и стабильной социальной системы или может служить лишь переходным этапом к обычному капитализму, хотя может быть и несколько модифицированному в этом случае?

ОТВЕТ: Мне кажется, что движение в сторону предприятий с коллективной собственностью свидетельствует о конвергенции или о возможности такой конвергенции между Западом и Востоком. И это — факт, вопреки тому, что данное движение поддерживают с одной стороны сторонники Адама Смита, сторонники неограниченного капитализма, а с другой — сторонники Карла Маркса, сторонники социального равноправия.

Казалось, что эти два направления никогда не пересекутся, пока не появилась концепция предприятий, в которых их работники являются одновременно и их совладельцами, пока идея рабочего самоуправления не стала более популярной. Нетрудно заметить, что предприятия с рабочим самоуправлением и участием рабочих в прибылях, за создание которых выступает польский профсоюз "Солидарность", не так уж сильно отличаются от таких же реально уже существующих американских фирм.

Итак, как мне думается, обсуждаемый процесс являет потенциальную возможность сближения Востока и Запада, являет путь, на котором можно было бы соединить все лучшее от Адама Смита и Карла Маркса. Соединить и создать систему, которая работала бы для всех.

Октябрь 1984 г.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА (по ходу изложения)

- СССР — Демократические альтернативы. Сборник статей. Сост. В.Белоцерковский. Изд. Ахберг, ФРГ, 1976.
- Орлов, Юрий. Открытое письмо Л.И.Брежневу от 16.9.1973. РСЕ/РС (Радио Свободная Европа /Радио Свобода/, АС (Архив Самиздата), № 1594.
- Орлов, Юрий. Возможен ли социализм нетоталитарного типа? Сб. "Самосознание", Хроника-Пресс, Нью-Йорк, 1976.
- Колаковский, Л. Тезисы надежды и безнадежности. Статья. Ж. "Культура", № 2, Париж, 1971.
- Белоцерковский, В. Свобода, власть и собственность. Изд. Ахберг, ФРГ, 1977.
- Антонов, О.К. Для всех и для себя. Москва, прикл. 1965-67 гг.
- Бабанов.
Статья в "Комсомольской правде" за 21 мая 1977.
- Аганбегян, А.Г. Статья "О советской экономике". Ж. "СССР — внутренние противоречия", № 6, 1982, США.
- Заславская, Т. Новосибирский доклад "О необходимости более углубленного изучения в СССР социального механизма развития экономики." Ж. "Форум", № 5, 1983, Мюнхен.
- Гуманистический манифест — 2.
Сб. "СССР — Демократические альтернативы", Ахберг, ФРГ, 1976.
- Померанц, Г. Неопубликованное. Изд. "Посев", ФРГ, 1972.
- Хаксли, О. Наука, мир, свобода. London, Chatto & Windus, 1970
- Шик, О. Статья. Ж. "Грани", № 86, ФРГ, 1972.
- Бустос, М. и Милевский, Е. Интервью. Free Labour World, 25.3.1983, Брюссель.
- Блюмштейн, С. Статья. Газ. "Трибуна", № 3, Париж, 1983.

- Карабель, Д. Статья.
Газ. "Филадельфия Инквайер", 2 декабря 1981 г.
- Солженицын, А. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения. Газ. "Русская Мысль", Париж, 1 ноября 1984 г.
- Михник, А. Интервью.
Газ. "Монд", 13 ноября 1984 г.
- Солидарность. 1980—1982.
Изд-во "Посев", ФРГ, 1983.
- Папа Римский Иоанн—Павел II. Энциклика "Занимаясь трудом".
Ж. "Форум", №№ 1,2,3, ФРГ, 1983.
- "План ЭЗОП". Редакционная статья.
"Time Magazine", USA, 28. 3. 1983.
- Крофт, Роджер. Статья.
"Нью-Йорк Таймс", 24. 9. 1983.
- Померанц, Г. Люди воздуха.
Самиздат. Москва. Прибл. начало 70-х годов.
- Шрагин, Б. Противостояние духа.
О.П.И., Лондон, 1977.
- Хазанов, Б. Русская интеллигенция. История безответной любви.
Ж. "Страна и мир", № 1—2, Мюнхен, 1984.
- А.Сахаров и др. Объединенному межзаводскому стачечному комитету. 13.10.1980. РСЕ/РС, АС, № 4092.
- Амальрик, А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?
Амстердам, 1970.
- Белоцерковский, В. Волнения рабочих в начале 60-х годов.
Ж. "Форум", № 1, 1983; "Panorama" Italia, 1.5.1979; "Critique", No. 10—11, UK, 1979; "L'Alternative", No. 3, Paris, 1980.
- Солженицын, А. Август Четырнадцатого.
Имка-Пресс, Париж, 1983.
- Солженицын, А. Ответ.
Ж. "Вестник РХД", № 140, Париж, 1983.
- Бжезинский, З. Статья.
Газ. "Вашингтон Пост", 31.8.1982.
- Egerton, John. Workers Take Over the Store.
"The New York Times Magazine", Sept., 11, 1983.
- Knecht, G. Bruce. Buying the Store to Save Jobs.
"Dun's Business Month " USA, Jan. 1984.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Сахаров, А. О письме Солженицына вождям Советского Союза.
Сб. "О стране и мире". Хроника-Пресс, США, 1976.
- Сахаров, А. О стране и мире.
Хроника-Пресс, США, 1975.
- Руденко, М. Экономические монологи.
Изд-во "Сучасность", 1978.
- Зорин, С. и Алексеев, Н. Время не ждет.
Изд-во "Посев", 1970.
- Cliff, Tony. Stalinist Russia: A Marxist Analysis.
"Hamilton Terrace, 1955, London.
- Шер, Я. Куда идти?
Париж, 1971.
- Bergmann, P. Self-determination. The Case of Czechoslovakia 1968-69.
Lugano, Grassi Istituto, 1972.
- Borin, M. & Plogen, V. Management und Selbstverwaltung in der CSSR.
Berlin, Wagenbach, 1970.
- Feiwel, G.R. New Economic Patterns in Czechoslovakia.
New York, Praeger, 1968.
- Golan, G. Reform Rule in Czechoslovakia. The Dubček Era 1968-69.
Cambridge, Cambridge University Press, 1973.
- Hensel, K.P., et al. Die sozialistische Marktwirtschaft in der Tschechoslowakei. Stuttgart, Fischer, 1968.
- Kusin, V.V. Political Grouping in the Czechoslovak Reform Movement.
London, Macmillan, 1972.
New York, Columbia University Press, 1972.
- Selucký, R. Czechoslovakia: the Plan that Failed.
London, Nelson, 1970.
- Selucký, R. Economic Reforms in Eastern Europe.
New York, Praeger, 1972.
- Selucký, R. Reformmodell CSSR.
Hamburg, Rowohlt, 1969.
- Šik, O. Czechoslovakia: the Bureaucratic Economy.
New York, IASP, 1972.
- Šik, O. Demokratische und sozialistische Plan- und Marktwirtschaft.
Zuerich, Die Arche, 1971.
- Šik, O. Der dritte Weg.
Hamburg, Hoffmann und Campe, 1972.

- Šik, O. Plan and Market under Socialism.
New York, IASP, 1968.
- Brus, W. et al. Polen – Symptome und Ursachen der Krise.
Hamburg, VSA-Verlag, 1981.
- Kuron', Ja. Notatki o samorzadzie.
In Głos, Paris, 1980.
- Tarniewski, M. Demokracja, inicjatywa, kontrola społeczna.
In Głos, Paris, 1980.
- Lane, D. & Kolankiewicz, G. Social Groups in Polish Society.
New York, Columbia University Press, 1973.
- Ash, Timothy Garton. The Polish Revolution Solidarity 1980–82.
Jonathan Cape, London, 1983.
- Staniszkis, J. Pologne: La Revolution Autolimitée.
Paris, PUF, 1982.
- Белоцерковский, В. Статья "Интеллигенция, рабочие и диссиденты"
Сб. "Из портативного ГУЛАГА российской эмиграции". Мюнхен,
1983; Ж. "Сучасность", № 2, 1980, ФРГ–США.
- Белоцерковский, В. Статья "Реакция, религия и социализм".
Сб. "Из портативного ГУЛАГА российской эмиграции.;" Ж. "22",
№ 9, 1979, Израиль.
- Белоцерковский, В. Статья "Революция и эволюция".
Сб. "Из портативного ГУЛАГА российской эмиграции"; Газ.
"Новый американец", № 104, 1982, Нью-Йорк; Ж. "Сучас-
ность", № 7–8, 1979, ФРГ–США.
- Белоцерковский, В. Статья "Уроки польского декабря".
Сб. "Из портативного ГУЛАГА российской эмиграции"; Газ.
"Новый американец", № 109, 1982, Нью-Йорк.
- Белоцерковский, В. Статья "Важнейшие вопросы национального
вопроса в СССР".
Сб. "Из портативного ГУЛАГА российской эмиграции; Ж. "Св-
часность", №№ 11-12, 1980, ФРГ–США.
- Белоцерковский, В. Статья "Антизападная истерия".
Сб. "Из портативного ГУЛАГА российской эмиграции".
- Белоцерковский, В. Статья "Контуры синтеза".
Сб. "СССР–Демократические альтернативы". Ахберг, 1976,
ФРГ; "UdSSR Alternativen der demokratischen Opposition."
Achberger Verlagsanstalt, 1978, B.R.D.; "URSS alternatives de-
mocratiques", Savelli, Paris, 1978; "Politique Aujourd'hui",
No. 9–10, 1976, Paris; "The Humanist", No. 11–12, 1974, USA.

- Белоцерковский, В. Статья "Письмо к будущим вождям СССР".
Сб. "СССР — Демократические альтернативы"; "Partisan Review",
No. 2, 1975, USA; "Politique Aujourd'hui", No. 7—8, 1975, Paris.
- Белоцерковский, В. Беседа с Леонидом Плющом.
Сб. "СССР—Демократические альтернативы"; "Menschenrechte",
Pelikán/Wilke, RoRoRo Aktuell, BRD, 1977.
- Belotserkovsky, V. La situation des ouvriers et des ingenieurs en U.R.S.S.
"Syndicalisme et libertes en Union Sovétique", PCM, Paris, 1979.
- Белоцерковский, В. Статья "Необходимо рабочее самоуправление".
Ж. "Страна и мир", № 1, 1984, ФРГ.
- Belotserkovsky, V. "Polské problémy v SSSR".
"Československo 1968 — Polsko 1981", Z. Mlynar a A. Mueller,
INDEX, Koeln, 1983.
- Belotserkovsky, V. "La Pologne vue d'Union Sovietique".
"L'Alternative", No. 8, 1981, Paris.
- Belotserkovsky, V. "The Destructive Pendulum of Extremes".
"The Humanist", No. 7—8, 1975, USA.
- Элберфельд, Ян. Статья "Отчуждение человека и гуманистическое
будущее".
Сб. "СССР—Демократические альтернативы".
- Млинарж, Зденек. Холодом веет от Кремля. Нью-Йорк, 1983.
- Mlynář, Zdenek. Československý pokus o reformu 1968. Index, Koeln,
1975.

ДРУГИЕ КНИГИ АВТОРА

СССР — Демократические альтернативы. Сборник статей и документов разных авторов, составленный В. Белоцерковским и включающий его собственные статьи и комментарии. ФРГ, Ахберг 1976 г. 335 стр. ДМ 20.—

Свобода, власть и собственность. Анализ экономического строя и общества в СССР. Разработка принципов общества самоуправления. ФРГ, Ахберг 1977. 180 стр. ДМ 16.—

Из портативного ГУЛАГА российской эмиграции. Сборник статей ФРГ, Мюнхен 1983. 180 стр. ДМ 21.50

ной газеты", а издательство "Советский писатель" останавливает набор моей новой книги — сборника рассказов, признав ее идейно порочной. С того времени я уже нигде не мог устроиться на штатную работу вплоть до выезда из СССР в ноябре 1972 года.

С 1970 года начал принимать участие в правозащитном движении и писать для Самиздата.

Эмигрировав на Запад, продолжаю работать журналистом. В 1976 году выпустил сборник статей "СССР — Демократические альтернативы", в который кроме своих статей включил работы ряда новых эмигрантов из СССР, либеральной и левой ориентации. Сборник имел успех в демократических левых кругах Запада, большую прессу, был издан на французском и немецком языках. В прессе же русской эмиграции вызвал волну негодования и обвинений в "идейной порочности": пособничество коммунизму, русофобия и клевета на Солженицына.

С того времени русская эмигрантская пресса закрыта для любых моих работ. Закрыта более плотно, чем советская, в которой мне все-таки удавалось публиковать даже критические по отношению к советской действительности вещи.

* * *

САХАРОВ: Вадим, я еще раз прочитал Вашу статью в "Гранях". Она, конечно, очень хорошая и интересная.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ: В "Гранях"? Главу из книги?

САХАРОВ: Да. "Третий путь", глава о "третьем пути". Хорошая статья! Это, так сказать, некий конкретный аспект здоровой конвергенции. Там много конкретного и интересного.

Отзыв академика А. Сахарова.

"Русская Мысль", № 3191, 77 г. Напечатано по магнитофонной записи с телефона. Речь о центральной, второй, главе книги, опубликованной в первой редакции в ж-ле "Грани".